

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020 – 4

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год

МОСКВА 2020

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

*Центр гуманитарных научно-информационных
исследований*

Отдел языкознания

Редакционная коллегия серии «Языкознание»:

В.З. Демьянков – д-р филол. наук, главный редактор, *Э.Б. Яковлева* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора, *Л.Р. Комалова* – д-р филол. наук, ответственный секретарь, *В.М. Алпатов* – д-р филол. наук, *Н.С. Бабенко* – канд. филол. наук, *В.Н. Желязкова* – д-р филологии, *Е.А. Казак* – канд. филол. наук, *И.В. Кангро* – д-р филологии, *В.Г. Кузнецов* – д-р филол. наук, *Е.М. Миронеско-Белова* – д-р филологии, *А.В. Нагорная* – д-р филол. наук, *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук, *В.А. Пицальникова* – д-р филол. наук, *В.А. Плунгян* – д-р филол. наук, *Р.К. Потапова* – д-р филол. наук, *В.В. Потапов* – д-р филол. наук, *М.Б. Раренко* – канд. филол. наук, *С.А. Ромашко* – канд. филол. наук, *К.Я. Сигал* – д-р филол. наук, *Н.Н. Трошина* – канд. филол. наук

Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретические проблемы и отдельные методы

2020.04.001. Доминирующие теории в лингвистике XXI века: Интерпретирующий подход в новых парадигмах	6
2020.04.002. Понимание и непонимание. Имплицитность и экспликация. Когнитивный диссонанс и гармонизация общения	14

Психолингвистика

2020.04.003. Потапов В.В. О расширении экспериментальной базы психолингвистических исследований в области пер- цепции и акустики речи. (Применительно к американскому и австралийскому вариантам английского языка). (Обзор)	20
---	----

Социолингвистика

2020.04.004. Иванова М.Э. Современные исследования феномена нормализации речи в психолингвистике. (Обзор) ..	27
2020.04.005. Германова Н.Н. Английский язык сквозь призму социолингвистики: Теоретические аспекты языкового варьирования	32
2020.04.006. Казак Е.А. Испанский язык в современном мире. (Обзор)	39
2020.04.007. Чен Д. Скрытая языковая политика Испании: Успехи и вызовы	42

Прикладное языкознание. Перевод, переводоведение

2020.04.008. Семина Т.А. Анализ тональности текста: Современные подходы и существующие проблемы	47
2020.04.009. Лингвистический анализатор: Преобразование текста в метаязыковую структуру данных	64
2020.04.010. Моделирование в корпусной лингвистике: Специализированные корпуса русского языка	72
2020.04.011. Майорова Е.В. О сентимент-анализе и перспективах его применения. (Обзор)	78
2020.04.012. Круглый стол «Лингвистика и “нелингвистика”»	87
2020.04.013. Язык и право: Актуальные проблемы взаимодействия	95

Коммуникация, дискурс. Речевые жанры

2020.04.014. Европейский парламентский дискурс: Прологомены к теории политической речевой интеракции. Прагмалингвистические очерки	120
2020.04.015. Опарина Е.О. Жанры современных СМИ: Стилистические особенности и языковые средства. (Обзор)	127
2020.04.016. Сотирова В.В. О влиянии параметра «размер сообщества» на формирование структуры языка в экспериментальных условиях. (Обзор)	135
2020.04.017. Рейндорф М., Водак Р. Изменения языка текстов различных жанров: Дискурсивное и корпусное исследование австрийского варианта немецкого языка 1970–2010 годов	138

Лингвистика текста

2020.04.018. Опарина Е.О. Исследования по лингвистике текста. (Обзор)	143
---	-----

Лингвоэкология

2020.04.019. Трошина Н.Н. Эмотивная лингвоэкология и проблемы русскоязычной речевой коммуникации	152
--	-----

Лингвистика креатива

- 2020.04.020. Дошлыгина А.В. Лингвокреативность в современном английском языке. (Обзор) 165

УРОВНИ ЯЗЫКА

Синтаксис

- 2020.04.021. Крылов С.А. Роль фигуры говорящего в грамматическом строе современного русского языка. Часть 2. Синтаксис простого предложения. (Опыт тематического дайджеста на материале «Русской грамматики» 1980 года). 170

Лексикология. Лексикография. Фразеология. Ономастика

- 2020.04.022. Опарина Е.О. Системное описание и лексикографирование языковых единиц в современных словарях. (Обзор) 187
- АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА** 193
- ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1–4)** 194

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

2020.04.001. ДОМИНИРУЮЩИЕ ТЕОРИИ В ЛИНГВИСТИКЕ XXI ВЕКА: ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОДХОД В НОВЫХ ПАРАДИГМАХ // Когнитивные исследования языка: сб. науч. трудов в честь 70-летия В.З. Демьянкова. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – Вып. 36: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. – С. 21–117.

Ключевые слова: парадигмы лингвистики; интерпретирующий подход; понимание; гармонизация общения; когнитивный диссонанс; дискурс; знание и сознание; когнитивное варьирование; терминоведение; концепты и понятия; трансфер знаний.

Сборник статей, подготовленный сотрудниками сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, посвящен юбилеям выдающегося отечественного лингвиста Валерия Закиевича Демьянкова (70-летие со дня рождения и 30-летие работы в Институте языкознания РАН). Представленные в сборнике разделы демонстрируют «исследовательские маршруты, заданные в работах В.З. Демьянкова» (с. 16) основными методологическими векторами – интерпретация, понимание, когнитивное моделирование.

В первый раздел «Доминирующие теории в лингвистике XXI века: Интерпретирующий подход в новых парадигмах» включены работы теоретико-методологического характера, отражающие положения ряда ведущих лингвистических направлений современности.

В статье «Лингвистика и математика» В.М. Алпатов обращается к проблеме использования математических методов (методов математической логики и статистики) для изучения языка. Апеллируя к работам И.А. Бодуэна де Куртене, Н.Ф. Яковлева, Е.Д. Поливанова¹, автор показывает, что необходимость приближения языкознания к точным наукам была осознана достаточно давно, однако методы математизации получили конкретную реализацию только в 70-е годы XX в., прежде всего, при разработке модели типа «Смысл ↔ Текст» (И.А. Мельчука). В.М. Алпатов также рассматривает особенности применения процедурных методов математики в формальной и функциональной лингвистике², констатируя значительное расхождение их объектов в современной науке, а также необходимость повышения в целом невысокого уровня владения методами математической статистики у представителей функциональной лингвистики.

В статье «Концепт vs понятие в аспекте сопоставительного изучения языков» Е.Г. Беляевская развивает тему соотношения терминов «понятие» и «концепт», сформулированную в ряде работ В.З. Демьянкова³. Как отмечает автор, термин «понятие» относится к сфере логики, философии и психологии. На формирование понятий о сходных предметах в разных социумах влияет ряд факторов-различий, проявляющихся в: 1) базовых закономерностях мышления у людей, говорящих на разных языках; 2) тех фрагмен-

¹ Бодуэн де Куртене И.А. Языкознание, или лингвистика XIX века // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Москва: АН СССР, 1963 (1-е издание – 1901). – Т. 2. – С. 3–18; Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. – Москва: Наука, 1970 (1-е издание – 1928). – С. 123–148; Поливанов Е.Д. И математика может быть полезной... // Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. – Москва: Федерация, 1931. – С. 173–182.

² Под формальной лингвистикой В.М. Алпатов понимает, прежде всего, генеративную лингвистику; под функциональной – когнитивную и коммуникативную лингвистику. – М. К.

³ Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: сб. науч. трудов. – Москва; Калуга: Эйдос, 2007. – С. 26–33; Демьянков В.З. Когниция воображаемого и изображаемого: О понятиях (и концептах) в языке // Когнитивные исследования языка. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – Вып. 7. – С. 17–33.

тах действительности, знание о которых обобщается при формировании понятий; 3) языковых (словесных) обозначениях результатов познания мира. Как отмечает Е.Г. Беляевская, понятие и концепт представлены одним набором признаков, составляющих знание об объекте, однако «понятие конструируется в процессе познания объекта, а концепт должен быть реконструирован посредством изучения того, каким способом информация об объекте была закреплена в языковой форме» (с. 31). В работах по когнитивной лингвистике концепт используется в двух основных смыслах: как представление об объекте, или мысленный коррелят объекта, и как квант знания, как «ментальные конструкции, формирующие единое когнитивное представление и состоящие из более мелких элементов, где выделяется фокус – концептуальная составляющая, преобладающая над всеми остальными» (с. 33).

В статье «Морфология в контексте доминирующих лингвистических теорий» Н.А. Беседина демонстрирует возможности применения положений ряда доминирующих лингвистических теорий к изучению морфологии. В качестве доминирующих теорий вслед за В.З. Демьянковым автор подвергает анализу девять теорий, а именно, генеративную лингвистику, интерпретационизм, категориальные грамматики, функционализм, теорию прототипов, лингвистику текста и анализ дискурса, теории речевого действия, «принцип кооперированности», когнитивную лингвистику¹. Так, например, в рамках категориальной грамматики морфологические категории рассматриваются как «форматы представления языкового знания, которое связано непосредственно с онтологией языка и законами его функционирования» (с. 39). Н.А. Беседина выделяет три основные категориальные области морфологии: 1) глагольные категории лица, времени и наклонения как выражающие предикативность предложения-высказывания, 2) глагольные категории числа, аспекта, залога и именные категории числа, падежа и рода как репрезентирующие связи между объектами реального мира, отраженные в языке, 3) категории числа и падежа, степеней сравнения, определенности / неопределенности как репрезентирующие

¹ Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

концептуальное содержание на уровне семантики лексико-грамматических рядов слов.

В статье «Когнитивные доминанты языковой интерпретации» Н.Н. Болдырев развивает положения интерпретационной парадигмы когнитивной лингвистики¹, сосредоточиваясь на описании когнитивных доминант, реализующих интерпретирующую функцию языка. Интерпретирующий характер языка проявляется в: 1) выделении, пропозиционализации и категоризации фрагментов опыта; 2) фокусировании внимания на объектах и событиях; 3) профилировании характеристик и взаимосвязей; 4) фокусировании внимания на элементах концептуальной структуры; 5) изменении когнитивной точки референции; 6) выборе прототипов языковой репрезентации знаний. Н.Н. Болдырев выделяет два основных типа когнитивных доминант языковой интерпретации мира: общие (коллективные, конвенциональные) и частные (индивидуальные, субъективные); при этом отмечается, что они имеют сходную структурную специфику. В качестве способов репрезентации доминант автор называет концепты и концептуально-тематические области, категории (лексические, грамматические, модусные, или оценочные), пропозициональные схемы и модели, метафорические и метонимические модели. Возможность их анализа обеспечивается наличием языковых единиц, соотносимых с перечисленными форматами языкового знания.

В статье «Дискурсивный поворот в современной политической метафорологии» Э.В. Будаев и А.П. Чудинов представляют два доминирующих направления исследования политических метафор – когнитивное и риторическое (семантико-стилистическое) в их синтезе. Интегративный подход может быть, во-первых, нацелен на «анализ метафор, объединяемых сферой источником экспансии»², а также «сферой-мишенью» (с. 54)³. При этом объек-

¹ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – Москва, 1994. – № 4. – С. 17–33.

² В качестве примеров подхода авторы называют работы: Tjarks A. Familienbilder gleich Weltbilder: Wie familiäre Metaphern unser politisches Denken und Handeln bestimmen. – Heidelberg: VS Verlag, 2011. – 273 p.; Musolf A. Political metaphor analysis: Discourse and scenarios. – London: Bloomsbury Academic, 2016. – 204 p.

³ Spencer A. Bild dir deine Meinung: Die metaphorische Konstruktion des Terrorismus in den Medien // Zeitschrift für Internationale Beziehungen. – Baden-Baden,

том анализа становятся либо сама сфера (например, в качестве актуальных сфер-мишеней представлены терроризм, экономические кризисы, международные отношения), либо ее отдельный концепт. Второе направление сосредоточено на исследовании политических нарративов, связанных с определенным политическим событием (выборы, война, референдум). Третье направление не ограничивается исследованием сферы-источника и сферы-мишени, а вовлекает ментальные пространства и модели политической коммуникации в целом. Авторы подчеркивают, что, несмотря на значимые достижения теории концептуальной метафоризации, она не в состоянии объяснить многие дискурсивные аспекты использования метафор, поэтому теории дискурса и, в целом, «дискурсивный поворот»¹ в метафорологических изысканиях имеют большие перспективы в их описании.

В статье «Реализация эгоцентрического принципа в грамматической системе языка» В.А. Гуреев представляет основные положения теории языкового эгоцентризма как доминанту антропоцентризма – одной из ключевых тенденций современного языкознания. Если антропоцентризм, восходящий к воззрениям философов, логиков, антропологов и социологов (Дж. Локк, Ф. Бэкон, И.Г. Фихте, Л. Фейербах, Э. Гуссерль, В. фон Гумбольдт, К. Бюлер, Б. Рассел и др.), проявляется на всем пространстве языка, то языковой эгоцентризм имеет специфические средства реализации. К ним относятся структурно-функциональные элементы системы языка, ориентированные на субъекта речемыслительной деятельности, которые В.А. Гуреев представляет в виде диады «личное местоимение ‘я’ – все остальные части речи». При том что процесс эгоцентрической коммуникации может быть субъектно- и объектно-ориентированным (субъект говорит о себе, используя местоимения *я, мне, меня* и др., или о других участниках и объектах речевой коммуникации), именно первый тип коммуникации лежит в осно-

2010. – Vol. 18 (1). – S. 47–76; Pinelli E. The role of metaphor and metonymy in framing terrorism: The case of the Beslan school siege in the Russian media // *Metaphor and the social world*. – Amsterdam, 2016. – Vol. 6 (1). – P. 134–155.

¹ Значимость «дискурсивного поворота» для объяснения природы метафор, как отмечают авторы, показана в работе: Cameron L., Low G. *Metaphor and the social world: Introduction to the first issue* // *Metaphor and the social world*. – Amsterdam, 2011. – Vol. 1 (1). – P. 1–5.

ве языкового эгоцентризма. В языке он проявляется в выборе местоимений, грамматических форм глагола, средств выражения модальности, наклонений; при этом, как отмечает автор, «эгореференциальный потенциал» (с. 65) глагольных форм проявляется в большей степени в языках синтетического типа.

Статья «Познание мира и самопознание с позиций современной когнитивно-коммуникативной парадигмы» А.Г. Гурочкиной посвящена изучению роли феноменов материального сигнала, языковой формы, опыта, интуиции и ассоциации в биокогнитивных процессах познания и самопознания. Процесс познания, позволяющий человеку идентифицировать себя и свое место в мире, представлен как реализация механизма приспособления человека к меняющимся условиям окружающей среды в условиях существования двух целей жизни, выживания и продления рода и изменения среды для более комфортного в ней бытия.

В статье О.К. Ирисхановой «Когнитивная поэтика жестов: К постановке проблемы» показана значимость «жестового поворота» (в аспекте полимодальных исследований) в раскрытии стилистического потенциала когнитивной поэтики. Автор демонстрирует, что движения тела в пространстве поэтического произведения (на материале декламаций) «образуют особую микросистему выразительных средств, вступающую в художественный симбиоз с вербальной макросистемой» (с. 73) в целях структурирования произведения и передачи игры смыслов. Анализ видеозаписей декламаций стихотворений актерами позволил определить ряд особенностей поэтических жестов: 1) сближение жестикуляции с театральной, что проявляется в большей амплитуде движения в фазе маха, большей резкости, более длительных удержаниях; 2) воспроизведение отрепетированных интонационных моделей и образование «особого жестового музыкального нарратива» (с. 79), что позволяет сопоставить жесты с дирижерскими жестами. Автор выделяет две категории жестов – жесты исполнительской организации (метадискурсивные, обеспечивающие единство произведения, распределяющие внимание аудитории, поддерживающие ритм и мелодику) и жесты образной экспрессии (референтные, интеракциональные, эмоционально-психологические жесты) – и раскрывает их вклад в организацию физического пространства вокруг чтеца и метафорометонимического континуума поэтического произведения.

В статье «Когнитивная антимеметика в формировании картины мира» Г.Г. Молчанова демонстрирует возможности когнитивной парадигмы в объяснении явлений вербальной меметики и антимеметики. Антимемы понимаются как «регуляторы человеческого поведения и миропонимания, представляющие собой ироническое отрицание клишированных суждений в отношении моральных или категориальных императивов и современную реакцию на них» (с. 89). Для разграничения мемов-мотиваторов и мемов-демотиваторов¹ автор предлагает рассмотреть их структуру как реализуемую категориями, стратегиями и ассоциациями. Модели категорий и стратегий (например, *Деньги – это зло* и *Не плюй в колодец – пригодится воды напиться*) характерны для мемов-мотиваторов; модель ассоциаций лежит в основе антимемов, или демотивированных мемов (например, *Деньги – это зло. Приходишь на рынок, и зла не хватает*). Антимемы-ассоциации ассоциируют мемы между собой, создавая, таким образом, полифреймовые модели, вызывающие изменения в формировании фрагмента картины мира адресата. Их структура определяется изменениями в активной зоне представленных знаний, создаваемыми когнитивным диссонансом, «возникающим тогда, когда послания, получаемые по разным каналам приема информации, не совпадают» (с. 90)², и контекстуальным рефреймингом.

Статья В.И. Постоваловой «Мысль как свет и разум: Образ диалектики в метафилософской рефлексии А.Ф. Лосева» посвящена определению философских оснований когнитологии как науки о человеческом разуме, заложенных в диалектике как эйдетической логике, или логическом конструировании бытия. В учении А.Ф. Лосева, раскрывающем этапы метафилософской рефлексии, разграничиваются «чистая диалектика как логический, смысловой аналог реальности и конкретно-жизненная диалектика, направленная на описание действительности в ее содержательной полноте»

¹ Разграничение обозначено в работе: Brodie R. *Virus of the mind: The new science of the meme*. – Carlsbad; New York; London; Sydney; Johannesburg; Vancouver; Hong Kong; New Delhi: Hay House, 2009. – 256 p.

² Толкование термина приводится автором со ссылкой на работу: Демьянков В.З. *Когнитивный диссонанс: Когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка*. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – Вып. 9. – С. 33–41.

(с. 98). В понимании А.Ф. Лосева, быть диалектиком означает «видеть всю полноту жизни как нечто целое», уметь «вывести из этого целого каждый едва заметный его момент» и уметь «возвести его к этому целому»¹. Путь диалектического конструирования предполагает отрешение человека от: 1) времени и пространства, 2) физического, физиологического, психологического облика вещи, 3) от исторической или какой-либо иной процессуальности, 4) реального существования предмета, 5) субъектного и объектного разделения смысла, 6) мира фактов. Таким образом, «диалектическое умозрение есть установка и опыт умосозерцательного выхода за пределы человеческого чувственного зрения в умный мир и последующего, осмысленного возвращения в чувственно-постигаемый мир» (с. 101).

В статье «Гендерно-возрастные контрасты в звучащем дискурсе» Т.Е. Янко рассматривает возможности индуктивного метода при анализе языка² применительно к изучению звучащей спонтанной речи. В ходе анализа рассматривается тональная структура особого восходящего акцента – градуального тона – в аспекте его функциональных и артикуляционных способов реализации в ряде западноевропейских языков. Градуальный подъем свидетельствует о незавершенности повествования, он сопровождается подъемом на ударном слоге, за которым следует подъем на заударном слоге, начинающийся с того уровня, который был достигнут в финале ударного слога (например, в словоформе *рассказывать* в *Меня зовут Аня, и больше мне нечего вам рассказывать*). Автор показывает, что в западноевропейских языках (немецкий, голландский, испанский) градуальный подъем может дополнительно маркировать «да-нет вопрос», а также служить фонетическим вариантом восходящих акцентов других типов, аналогичных русским ИК-3, ИК-4, ИК-6, по Е.А. Брызгуновой³. При сравнении тональных и

¹ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с. – С. 549.

² Подробнее о возможностях индуктивного метода см.: Демьянков В.З. Языковые техники трансфера знаний // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. – М.: Культурная революция, 2016. – С. 61–85.

³ Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – С. 98–122.

функциональных характеристик данных акцентов Т.Е. Янко обнаруживает ряд существенных расхождений. Например, для маркирования темы и дискурсивной незавершенности, «да-нет вопроса» в русском литературном языке используется ИК-3, отличающийся подъемом на ударном слоге и резким падением на заударных слогах. Автор также отмечает, что, имея некоторые общие значения тональных и функциональных параметров с акцентами ИК-3, ИК-6, градуальный подъем чаще определяется в речи молодых женщин, демонстрируя, таким образом, гендерно-возрастную специфику.

М.И. Куоце

2020.04.002. ПОНИМАНИЕ И НЕДОПОНИМАНИЕ. ИМПЛИЦИТНОСТЬ И ЭКСПЛИКАЦИЯ. КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС И ГАРМОНИЗАЦИЯ ОБЩЕНИЯ // Когнитивные исследования языка: сб. науч. трудов в честь 70-летия В.З. Демьянкова. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. – Вып. 36: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. – С. 118–198.

Ключевые слова: интерпретация; речупотребление; когнитивное событие; когнитивная метафора; когнитивная деятельность; познание и коммуникация; имплицитность; экспликация; инференция; метаинтерпретация; границы интерпретации.

Во второй раздел сборника статей, изданного к юбилею Валерия Закиевича Демьянкова и подготовленного сотрудниками сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН, включены исследования, центральной темой которых стало понимание текста, рассмотренное В.З. Демьянковым в аспекте сложной структуры самого текста и факторов его «удачной интерпретации».

Статья «Переводной дискурс и текст оригинала: Воспроизводить или заменять» И.И. Валуйцевой и Г.Т. Хухуни посвящена проблеме взаимоотношения переводного и исходного текста, которая может получить два основных решения – в рамках теории динамической / функциональной эквивалентности (Ю. Найда) и скопос-теории (К. Райс, Х. Феермеер). Авторы отмечают ряд различий, определяющих установки двух теорий: 1) необходимость адекватной и полноценной передачи текста-оригинала vs разрыв переводческого текста и оригинала и отказ от исходного текста;

2) апелляция к реакции получателя vs ориентация на цель перевода; 3) выбор приоритетной фигуры процесса – аудитории, для которой предназначен перевод, vs заказчика перевода. Перечисленные отличия позволяют установить слабые стороны теорий, например невозможность добиться аналогичных реакций получателя перевода и первичной аудитории (особенно в случаях, когда первичная аудитория прекратила свое существование, например в отношении первичной аудитории библейских текстов). Авторы подчеркивают, что выбор принципов перевода определяется характером межязыковой коммуникации: в одних случаях возникает необходимость приспособлять текст к аудитории, в других – необходимость выбора переводческой стратегии в зависимости от поставленной цели текста и перевода.

В статье «Слои понимания фикционального текста (на материале народных рецензий)» Н.В. Васильева рассматривает отличия литературной и народной рецензии, или рецензии, написанной непрофессионалом, в аспекте проявления параметров текстуальности и соотношения с первичным текстом. Опираясь на функции литературной рецензии, такие как информация, рекомендация, полемика, интерпретация, обобщение (список, приводимый Б. Менцель¹), аттрактивность, перераспределение информационной и аналитической составляющих, диалогизация, субъективизм (список функций для рецензий в СМИ, приводимый Н.Е. Петровой и А.Н. Моревой²), автор сопоставляет жанрово-текстуальные признаки двух типов рецензий. К ним относятся следующие признаки, получающие уточнение для народной рецензии: 1) экспликация авторства (анонимность для народной рецензии); 2) условие читательского доверия (статус автора как «своего»); 3) подготовленность текста (не исключает спонтанности); 4) доминирующая интенция (оценка всегда дополнена рекомендацией); 5) макроструктура текста (нечеткая); 6) длина текста (может быть короткой); 7) самопрезент-

¹ Менцель Б. Перемены в русской литературной критике: Взгляд через немецкий телескоп // Неприкосновенный запас. – Череповец, 2003. – № 4 (30). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/ment.html>.

² Петрова Н.Е., Морева А.Н. Прагматика современной литературной рецензии как разновидности медийного текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. – Новосибирск, 2014. – Т. 13. – С. 116–123.

тация автора (сокращенный объем); 8) внимание к стилю изложения (сниженное); 9) эмоциональная составляющая (значительная).

В статье «Шкала интерпретации: автор ↔ никто (язык, знак, текст, бессмысленность)» А.В. Вдовиченко обосновывает возможность «понимать текст как автономный источник смыслообразования» (с. 132). При этом автор апеллирует к концепции Р. Барта, провозглашающего смерть автора на основании признания самодостаточности языка, как, например, в «если о чем-либо рассказывается ради самого рассказа <...>, то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо»¹. Для исследования возможностей интерпретации текста А.В. Вдовиченко вводит понятие интерпретационной шкалы, которая демонстрирует различную меру приближения к когнитивному состоянию автора. При этом сам текст представляет собой «последовательность намеков на коммуникативные действия» (с. 133) ввиду того, что автономные знаки приобретают смысл только в составе коммуникативного действия, которое интерпретируется как поступки и когнитивные состояния коммуниканта. Таким образом, предельными значениями на шкале интерпретации становятся «коммуникативное действие автора» и «автономный знак» (там же), демонстрирующие отсутствие смыслового тождества.

Статья Н.Б. Гвишиани «Прагматика речеупотребления в когнитивном освещении» посвящена особенностям взаимосвязи когнитивности, семантики и прагматики в приложении к феномену снятия полисемии, как в *It's all about the pump and not just for 9 to 5* (букв. «Это все насос, а не только с 9 до 5»; контекстуальный перевод – «Женские туфли-лодочки можно носить не только с 9 до 5»). Автор демонстрирует ряд возможностей передачи намерений субъектов речи, например, посредством семантики контекста, с помощью «текстообразующей прагматической коннотации» (с. 143), путем создания (мультиmodalного) когнитивного события. Так, в случае введения текстообразующей прагматической коннотации имплицитные значения могут реализовываться нейтральными словами и оставаться невидимыми в повествовании, однако понимание обеспечивается тем, что различные пресуппозиции создают «пере-

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – Москва: Прогресс, 1994. – С. 384–391.

крестную интенциональность» (с. 144) и конфликт взглядов или событий.

В статье «Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка)» Е.Е. Голубкова и М.П. Таймур исследуют когнитивную и языковую природу смешанных метафор как «нескольких метафор, находящихся в непосредственной контекстуальной близости, но имеющих различную когнитивную основу»¹ (с. 148). Авторы рассматривают ряд разновидностей смешанных метафор: 1) последовательное использование ряда фразеологических оборотов с различной образностью; 2) использование приема перераспределения во фразеологических оборотах; 3) смешение фразеологических оборотов и замена их компонентов компонентами из других выражений, например, в высказывании Б. Обамы (7 октября 2008 г.) *I'm green behind the ears* смешаны две идиомы *be green about the gills* «иметь нездоровый вид» и *to be wet behind the ears* «молоко на губах не обсохло», что создает определенный прагматический эффект и подчеркивает креативность говорящего. Явления смешения идиом, приводящие к смене их значений, также носят название «малафор»². Для объяснения механизма понимания смешанных метафор авторы опираются на аппарат «модулей понимания» В.З. Демьянкова³, а именно, модулей знания языка, освоения сказанного и реконструкции речевых намерений автора дискурса при выявлении смысловых доминант и концептуальных структур текстового сообщения.

В статье «Что значит *понять?*» Л.И. Гришаевой устанавливаются свойства феномена «понимание», определяющие коммуникативные решения собеседников. К ним автор относит: 1) наличие общих знаний языка; 2) наличие (общих) знаний о мире, структурированных по различным принципам; 3) интеракциональные знания, позволяющие связать действия и операции по выполнению

¹ Kimmel M. Why we mix metaphors (and mix them well) // Journal of pragmatics. – Vienna, 2009. – Vol. 42. – P. 97–115.

² Авторы отмечают, что термин «малафора» предложен Лоренцо Харрисоном в 1976 году. – М. К.

³ Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: Когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – Вып. 9. – С. 33–40.

данных действий; 4) наличие общих правил соотнесения элементов культурных кодов с реальной действительностью; 5) знание принципов варьирования при решении одной коммуникативной задачи; 6) владение общими прототипами для категоризации и концептуализации сведений о мире. Проведенный автором анализ философских, лингвистических, психологических, когнитивных определений термина «понимание», определений толковых словарей и значений, эксплицированных в литературно-художественных примерах, показывает, что «понимание причинно обуславливает практически все процессы познания, интерпретации, концептуализации, категоризации, оценки сведений о мире, их объективации в разных коммуникативных условиях» (с. 157).

В статье М.И. Киосе «О некоторых техниках параметризации при распознавании имплицитности» параметризация рассматривается как один из принципов более или менее успешной интерпретации читателя или слушателя и как некоторая функция, регулирующая актуализацию параметров при интерпретации. В условиях окулографического эксперимента по анализу особенностей чтения и распознавания референции в тексте с включенными непрямыми номинативными комплексами автор устанавливает ряд техник параметризации, влияющих на распределение когнитивной нагрузки читателя. К ним относятся техники актуализации и игнорирования параметра, техники параллельной и последовательной актуализации параметра, техники единичной и повторной актуализации параметра. Показателями техник служат изменения в траектории чтения и распределении продолжительности глазодвигательных движений, соотнесенные с индексом распознавания референции.

В статье И.М. Кобозевой «Скрипт как когнитивный фактор, регулирующий экспликацию или имплицирование таксисных отношений в сложном предложении и тексте» рассматриваются возможности конструирования типового скрипта последовательных событий, под которым понимается «структура сознания, содержащая информацию о стереотипной последовательности событий, обычно осознаваемых как подсобытия некоторого комплексного события более высокого иерархического уровня» (с. 172). Реализуя функционально-семантическую категорию таксиса, исследуемые отношения П-события и Г-события (событий, эксплицированных клаузами придаточного и главного предложений) оформляются

рядом языковых средств, к которым относятся коннекторы контактного предшествования и следования (*как только, сразу, едва, чуть* и др.), а также «нулевые интервалы» (с. 174), как, например, в *Зазвонил телефон, я снял трубку*. Автор устанавливает, что скрипт может допускать вариативность в плане пропуска некоторых подсобытий, частичного изменения их последовательности, наличия вариантов подсобытий на том или ином этапе скрипта; однако сам каркас скрипта остается стабильным. Типовой скрипт представлен скриптом, в котором порядок следования событий иконически отражается порядком следования клауз, при этом они отделены нулевым интервалом.

Статья И.А. Краевой «Выражение имплицитности посредством использования английских относительных прилагательных» посвящена установлению особенностей употребления данных прилагательных в качественном значении. Материал исследования показывает, что лишь 8–10% частотных относительных прилагательных (например, *absent, academic, adult, advanced, alien, anonymous, atmospheric, concrete*) имеют зафиксированные в словарях качественные значения. Однако в контекстах и в типологических примерах лексикографических источников обнаруживаются случаи формирования новых качественных значений, например, в *a very British sense of humor* (как «типично английское чувство юмора»), где прилагательное *British* имеет качественное значение и употребляется с наречием степени *very*. И.А. Краева рассматривает два варианта введения таких имплицитных выражений в текст в аспекте их восприятия: 1) в условиях отсутствия эксплицитно выраженной информации, указывающей на имплицитивные смыслы; 2) при присутствии контекстуальных компонентов, указывающих на появление новых качественных значений относительных прилагательных.

В статье Л.А. Фурс «Метаинтерпретация полимодального текста» представлена процедура конструирования комплексного знания, которая формируется за счет объединения вербальной информации с визуальными образами в полимодальном тексте. Для описания данной процедуры автор вводит термин метаинтерпретация, которая понимается как «мониторинг статичного знания и разъяснение различных ассоциаций, метафорических и метонимических связей, которые появляются в результате взаимодействия

вербальной информации и визуальных образов» (с. 186). В ходе анализа полимодальных текстов интернет-коммуникации устанавливаются особенности конструирования текстов с включенными цветовыми и визуальными образами, связанными с когнитивными областями «натурфакты» (растения), «артефакты» (явления культуры человека), «человек».

В статье И.А. Щировой «Права интерпретатора и границы интерпретации» демонстрируются особенности разных научных подходов к феномену интерпретации художественного текста. Так, в ранней герменевтике роль интерпретатора минимизирована, в то время как в поздней герменевтике и рецептивной эстетике при сохранении общей идеи реконструкции смысла предполагалась вариативность интерпретации. Роль интерпретации признавалась особенно высокой в постструктуралистских направлениях, где «голос автора заглушается голосом интерпретатора» (с. 194), однако на современном этапе развития теории интерпретации художественного текста важными представляются и этические аспекты учета интерпретатором авторского намерения. Автор систематизирует основные принципы и постулаты интеграции данных положений: 1) признание того, что художественный текст является уникальным индивидуально-авторским вариантом концептуализации мира; 2) наличие заданности текста и целостности текстового смысла; 3) ограниченность авторского восприятия рамками объективной действительности; 4) адресованность текста читателю-соавтору; 5) наличие материальной данности текста в виде языка художественной литературы, который надстраивается над естественным языком; 6) управляемость интерпретацией, обусловленной тем, что интерпретация является продолжением ранее созданных текстов в новых координатах объективируемой текстом системы читательских ожиданий.

М.И. Куосе

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

2020.04.003. ПОТАПОВ В.В. О РАСШИРЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПЕРЦЕПЦИИ И АКУСТИКИ РЕЧИ. (ПРИ-

МЕНИТЕЛЬНО К АМЕРИКАНСКОМУ И АВСТРАЛИЙСКОМУ ВАРИАНТАМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА). (Обзор)¹.

Ключевые слова: акустический сигнал; звуковая волна; слуховое восприятие; речепроизводство; лексическое ударение; аутизм; шум; аудиторы, не являющиеся носителями языка; энергетическая / информационная маскировка речи; морфосинтаксис.

Исследование В. Болоньи и соавторов [Age effects on ..., 2019] посвящено проблеме соотношения между акустическими характеристиками речевой волны (wave form) и границами, а также особенностями перцептивно-слухового декодирования измененных акустических стимулов слушающими в зависимости от их возраста. В качестве испытуемых были привлечены: а) 20 мужчин в возрасте от 18 до 29 лет (средний возраст 24,7 года) и б) 20 пожилых мужчин и мужчин преклонного возраста от 63 до 84 лет (средний возраст 69,9 года). Все испытуемые были протестированы на наличие нормального слуха в границах ≤ 30 дБ, для диапазона 250–6000 Гц. Аудиторы являлись носителями американского варианта английского языка. Образцы экспериментального материала (речевая волна / осциллограммы и спектрограммы) включали четыре типа прерывистых речевых сигналов. Экспериментальные фразы включали регулярные интервалы перерыва звучания, а также фразы, на протяжении которых отсутствующий участок речевой волны заполнялся шумом, способствующим обеспечению непрерывности акустической огибающей.

Эти экспериментальные стимулы предъявлялись испытуемым, задача которых заключалась в повторении каждой услышанной фразы. Эксперимент реализовывался в формате двух сессий. Испытуемые прослушивали фразы, содержащие а) участки полного перерыва звучания и б) участки, восполненные непрерывной огибающей значений частоты основного тона.

В ходе исследования необходимо было статистически оценить степень влияния изменений, вносимых в предъявляемый аудиторам стимул, на перцептивно-слуховую оценку этого стимула в зависимости от возраста испытуемых. Было установлено, что изменение характеристик предъявляемого акустического стимула

¹ © Потапов В.В., 2020

(с опорой на огибающую основного тона и на трансформированную огибающую при наличии перерывов в звучании без зашумления и с зашумлением) не столь контрастно. Обе группы испытуемых с нормальным слухом воспринимали пульсирующую с перерывами звучания речь при условии комбинаторики вносимых в экспериментальный материал факторов. Однако для группы пожилых реципиентов признаки огибающей характеристики частоты основного тона оказались более значимыми с учетом языковой компетенции говорящего.

Таким образом, на основе полученных данных авторы приходят к выводу об избыточности, аддитивности и синергетическом весе таких акустических параметров речи, как огибающая частота основного тона и нарушение различного рода периодического процесса речепроизводства.

Дж. Аркьюли и Б. Бейли [Arciuli, Bailey, 2019] провели акустическое исследование контраста лексического ударения у детей с аутизмом и без него (отклонения в области спектра) – ASD (autism spectrum disorders) на материале австралийского варианта английского языка. Авторы рассмотрели контрастность ударения в реальном слове, что выявлялось с помощью сопоставления спектра наименования изображений у 20 детей с аутизмом и спектра речи 20 «нормальных» сверстников. Доминирующее положение заняла модель лексического ударения, начинающаяся с сильно-слабой модели (SW [strong-weak pattern]: ‘caterpillar’, ‘butterfly’) или не доминантная модель лексического ударения, начинающаяся со слабо-сильной модели (WS [weak-strong pattern]: ‘potato’, ‘tomato’). Дети фонетически реализовали каждую модель дважды (n = 320 реализаций). Были проведены акустические измерения значений длительности, частоты основного тона и уровня интенсивности для первых двух гласных каждого произнесенного слова. Для измерения длительности гласных и частоты основного тона у детей с аутизмом и «нормальных» сверстников реализовали подобную фонетическую величину ударности для сильно-слабой и слабо-сильной моделей SW и WS. Анализ полученных данных выявил существенную разницу в группах. Таким образом, контрастность для уровня интенсивности была реализована для слов слабо-сильной модели WS, в результате чего было установлено, что речи детей с аутизмом была присуща меньшая степень контрастности

применительно к ударению, чем для речи «нормальных» сверстников.

Лексическое ударение – это тип просодии, который используется в таких языках, как английский, для контраста сильных и слабых слогов внутри многосложных слов (например, такое слово, как ‘zebra’, произнесенное с сильным начальным слогом, сопровождаемым слабым слогом, – это наглядный пример, противоположный такому слову, как ‘giraffe’). Считается, что дети с аутизмом, проявляющимся на уровне звукового спектра, имеют трудности с восприятием и продуцированием просодии, в том числе на уровне лексического ударения.

Тем не менее обычно акустический анализ при исследовании речепроизводства использовался редко. Судя по значениям ударения, контрастность на слух – это сложная задача, которая, возможно, лучше выявляется с помощью объективного акустического анализа, позволяющего количественно оценить контрастность артикуляционного напряжения. В данной работе исследуется величина контраста, реализуемого между сильными и слабыми слогами внутри слова, которые начинаются с различных моделей лексического ударения: сильно-слабая модель (SW), слабо-сильная модель (WS). В настоящем исследовании авторы рассмотрели контрастность артикуляционного напряжения у детей с расстройствами аутизма по сравнению с нормально развивающимися детьми. Авторы использовали ту же методику, что и в последних своих исследованиях – анализировали феномен контрастности ударения.

Недоминантная модель ударения в английском языке встречается реже, чем доминантная модель. Следовательно, у детей может быть меньше практики с недоминирующей моделью WS. С точки зрения авторов, вполне возможно умозрительно допустить, что отсутствие практики вкупе с рече-двигательными проблемами может влиять на детей с аутизмом в большей степени, чем на их «нормальных» сверстников.

Еще один вопрос заключается в том, почему наши акустические исследования контрастности артикуляционного напряжения в словах WS выявили статистически значимую групповую разницу только по интенсивности. Работа авторов не может ответить на данный вопрос, но это может быть связано с расширением диапазона исследований. Было бы также полезно для будущих исследо-

ваний включить более широкий диапазон SW и WS слова при изучении идей, которые авторы предложили в данной статье. Авторы подчеркивают, что в этом исследовании рассматривается только один специфический аспект производства речи – функционирование лексического ударения, используя определенный индекс контрастности.

Результаты данной работы имеют значение для исследований, основанных только на восприятии суждения о порождении речи. Выводы свидетельствуют о том, что даже когда установки верны на базе перцептивных суждений, то тогда могут быть определены тонко различимые (градуальные) акустические расхождения в способе реализации контрастности уровня моторного напряжения. Кроме того, выводы свидетельствуют о том, что эти тонкие акустические различия могут совпадать с рисунком ударения анализируемых слов. Таким образом, для получения достоверной оценки степени моторного напряжения авторами рассматриваются несколько моделей артикуляционно-моторного напряжения при реализации (производстве) различных типов словесного ударения.

В этом исследовании рассматривается стресс-контрастность, которая реализуется в процессе производства речи. Для этого авторы проанализировали 320 словесных реализаций детей с и без аутизма посредством тестов наименования изображений. Ключевым выводом настоящего исследования является то, что существуют градуальные акустические различия в способе, при котором дети с аутизмом реализуют стресс-контрастность по сравнению с «нормальными» сверстниками. Дело в том, что эти тонкие различия зависят от того, что детям с аутизмом не хватает мотивации для «настройки» на речь окружающих. Авторы полагают, что данное исследование вызовет дальнейший интерес к акустическим исследованиям речевой деятельности детей с аутизмом в сопоставлении с речевой деятельностью «нормальных» сверстников.

Б. Цинзер и соавторы [Error patterns of ..., 2019] рассматривали модели ошибок при слуховом восприятии речи в шуме носителями языка и не являющимися таковыми.

Восприятие речи в шуме требует как начальной выборки стимула, так и последующей реконструкции маскированного в

шуме сигнала по правилам языкового структурирования. Предыдущие исследования предоставляют противоречивые доказательства точности той роли, которую лингвистическое знание играет в восприятии слушателями маскированной речи на базе языков родного и неродного. В этой статье анализируются все высказывание, содержательность слова и морфосинтаксические ошибки-шаблоны для проверки предсказания для аудиторов – не являющихся носителями языка. Данные аудиторы испытывают влияние со стороны энергетических и информационных ограничений применительно к нескольким лингвистическим уровням. Результаты демонстрируют дефицит информации для аудиторов – не являющихся носителями языка для всех трех лингвистических уровней в сложной среде прослушивания.

В качестве аудиторов выступали 15 носителей и 15, не являющихся носителями американского варианта английского языка, учащиеся в университете Техаса в г. Остин (город в США, расположенный в южно-центральной части штата Техас, столица штата и административный центр округа Тревис). В качестве не носителей американского варианта английского языка выступали китайцы – носители языка мандарин, как обладающие английским двуязычием, которые родились и выросли в материковом Китае, говорившие на китайском как родном языке, так и не начавшие изучать английский язык до 6 лет.

В этом исследовании авторы рассмотрели три типа ошибок, допущенных носителями английского языка и не являющимися таковыми. В качестве материала использовались разговорные английские высказывания в условиях использования «энергетической маскировки» и «информационной маскировки», включающей речь восьми дикторов. Сначала авторы предполагали, что полученные данные аудиторов, не являющихся носителями языка, будут отличаться от данных носителей языка вследствие их неполного знания языка.

Количество семантические ошибок в слове увеличилось в большей степени в речи не носителей американского варианта английского языка (китайцев по своему происхождению – носителей языка мандарин) по сравнению с количеством морфосинтаксических ошибок, но сами ошибки на обоих лингвистических уровнях различались по своей абсолютной величине.

Результаты же эксперимента с «информационной маскировкой» показали более сложную комбинацию: аудиторы – не носители языка относительно аудитором – носителей языка имели расхождения, связанные с недостатком в стационарной энергетике шума – соответствующей маскировке. Хотя речь при информационной маскировке восьмью дикторами 8 Т (8-Talker) вызвала больше ошибок по всем трем показателям, чем позже установленная маскировка речеобразного шума SSN (speech-shaped noise), тем не менее 8 Т обеспечила маскировку как в области энергетики, так и в области информационной маскировки.

Настоящие выводы следует рассматривать в контексте нескольких важных ограничений. Аудиторы, не являющиеся носителями языка в этом исследовании, были носителями другого языка (китайский язык), выбранного из-за его особых отличий от английского в морфосинтаксисе. Тем не менее эти аудиторы были относительно продвинуты в своем опыте английского языка, вероятно, добавляя дисперсию к их коэффициентам ошибок, которые не были учтены в этом кратком исследовании.

Дальнейшее применение предложенной авторами методики анализа ошибок для нового участника группы и типов маскировок, возможно, смогут прояснить изучаемые проблемы. Также авторами предложены важные новые идеи о неродной речи с учетом восприятия шума. С этой целью авторы сделали общедоступным код анализа и образцы данных, что дает возможность другим исследователям реализовать этот подход со своими собственными экспериментальными данными.

Список литературы

Age effects on the contributions of envelope and periodicity cues to recognition of interrupted speech in quiet and with a competing talker / *Bologna W.J., Vaden K.I., Ahlstrom J.B., Dubno J.R.* // The Journal of the Acoustical Society of America. – 2019. – N 145. – EL173. – DOI: 10.1121/1.5091664

Arciuli J., Bailey B. An acoustic study of lexical stress contrastivity in children with and without autism spectrum disorders // *Journal of Child Language.* – 2019. – N 46. – P. 142–152. – DOI: 10.1017/S0305000918000272

Error patterns of native and non-native listeners' perception of speech in noise / *Zinszer B.D., Riggs M., Reetzke R., Chandrasekaran Bh.* // The Journal of the Acoustical Society of America. – 2019. – No 145 (2), February. – P. 129–135. – DOI: 10.1121/1.5087271

2020.04.004. ИВАНОВА М.Э. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА НОРМАЛИЗАЦИИ РЕЧИ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ. (Обзор)¹.

Ключевые слова: темп речи; скорость речи; нормализация речи; перцептивный анализ речи; восприятие речи; смысловозначительные гласные.

Скорость (темп) речи – одно из ключевых понятий лингвистики в целом, а также психолингвистики и нейролингвистики в частности. Дж. Лейвер утверждает, что для наблюдателя без лингвистической подготовки непредвзятая оценка темпа речи либо вообще невозможна, либо сильно ограничена – например, рамками родного языка или диалекта [Laver, 1994]. Активные междисциплинарные академические исследования, посвященные изучению темпа речи и влиянию этого параметра на восприятие содержания сообщения, начинаются с 1950-х годов (см., например, работы Г. Миллера и Д. Ликлидера (1950)). Со временем вектор смещается в сторону фиксирования разницы в темпе речи для разных языков, а также в сторону анализа эмоциональной нагрузки, которую эта разница за собой влечет. По мере появления качественного лабораторного оборудования для фиксации и исследования речи, роста популярности спектрального анализа, удешевления процедуры компьютерного моделирования и общего прогресса в изучении мозга начали появляться исследования, посвященные тому, как человеческий мозг нормализует нетипичные признаки темпа и звуковые характеристики воспринимаемой речи и декодирует содержащуюся в них дополнительную информацию.

Нормализацию речи можно определить как процесс, во время которого слушатель осознанно или неосознанно узнает и различает слова и фонемы, несмотря на вариативность в их акустических параметрах. Несмотря на то что разница в реальном звучании одних и тех же фонологических единиц может быть огромной в зависимости от возраста, пола и социально-культурного происхождения говорящего, реципиент опознает соответствующую лингвистическую единицу. Таким образом, можно утверждать, что

¹ © Иванова М.Э., 2020

для упрощения понимания смысла сказанного носители языка автоматически нормализуют параметры речи, приводя к привычному для себя стандарту.

В работе [Maslowski, Meyer, Bosker, 2019] описываются результаты эксперимента, подтверждающие положение о том, что реципиенты нормализуют воспринимаемую звучащую речь даже в том случае, если они не получили эксплицитного указания сделать это. Так, исследование показало, что голландское /m?t/ воспринималось слушателями как /mat/ или /ma:t/ в зависимости от того, в какой темпоральный контекст было погружено это слово. Полученные результаты несколько прояснили психолингвистическую проблему автоматизированности нормализации параметров воспринимаемой речи: несмотря на то что, по мнению ряда ученых, нормализация представляет собой продукт высшей когнитивной деятельности, исследование показало, что процесс проходит полностью неосознанно.

Ссылаясь на работы Г. Боскера [Bosker, 2017], Дж.Л. Миллера [Miller, 1981] и других лингвистов, авторы утверждают, что продолжительность звучания сегментов речи воспринимается короче в контексте быстрой речи и длиннее – в контексте медленной. Потенциально многозначные лингвистические единицы будут опознаны реципиентами по-разному в зависимости от того, в какой контекст они помещены. Исследователи обращают внимание на то, что большинство исследований нормализации речи включали в себя эксплицитно представленное участникам эксперимента задание, и, следовательно, не давали возможности определить, насколько осознанным является данный процесс.

Авторы статьи использовали кросс-модальную парадигму повторного прайминга с последующим решением задачи на лексический выбор. Участникам была представлена аудиозапись предложения на голландском языке «Ik heb zojuist het gegeven woordje /mAt/ gezegd» («Я только что произнесла требуемое слово /mAt/»), сразу после чего участникам нужно было определить, является ли последовательность букв на экране компьютера действительно существующим словом. Слова, появляющиеся на экране, были как связаны, так и не связаны с предыдущим прослушанным предложением. Рабочая гипотеза заключалась в том, что полученная ра-

нее аудиальная информация повлияет на выбор, сделанный на втором этапе эксперимента.

Первый этап эксперимента был посвящен влиянию фактора кросс-модального повторного прайминга на решение последующего задания на проверку орфографии. В эксперименте участвовали 12 носителей голландского языка (женщины, средний возраст 22 года). Аудиоматериал в различных вариациях был записан носительницей голландского языка. Каждой из трех групп участников 180 слов-целей предъявлялись по одному разу в отличающихся экспериментальных условиях. Эксперимент показал, что респонденты ответили верно в среднем на 93,56% заданий, что скорость реакции зависела от того, встречали ли респонденты ранее в рамках эксперимента данный семантический примитив, а не от родственности или неродственности слов-целей.

На втором этапе эксперимента исследователи использовали только аудиальную информацию – участникам предложили прослушать несколько аудиодорожек с измененным темпом речи. Каждое из предложений содержало потенциально двусмысленное слово /mAt/. Испытуемым предложили выбрать, какой из вариантов только что прозвучал. Результаты показали, что в большинстве случаев участники эксперимента устойчиво выбирали вариант написания слова /m?t/ в зависимости от темпорального контекста звучащей речи.

На третьем этапе эксперимента аудиальные прекурсоры с измененным темпом речи использовались в качестве праймеров для последующего орфографического теста. 80 носителей голландского языка получили задание, идентичное используемому на первом этапе эксперимента; разница заключалась в том, что темп речи в аудиодорожках был изменен. Участники эксперимента не получали эксплицитного задания различить гласные звуки в потенциально многозначных словах. Результаты третьего эксперимента показали среднюю точность выполнения заданий на уровне 95,82%. Они также показали, что средняя скорость реакции участников была ниже при несоответствии между словом-целью и скоростью речи в предложении-прекурсоре. Эти данные доказывают, что участники неосознанно нормализовали параметры речи даже в том случае, когда их не просили делать этого эксплицитно.

В статье [Maslowski, Meyer, Bosker, 2018] описывается другой эксперимент той же исследовательской группы, в ходе которого анализу подвергалось то, как реципиенты отслеживают статистическое распределение темпоральной информации по речи. Исследователи заявляют, что темп речи конкретного говорящего влияет на восприятие реципиентом речи намного больше, чем средняя скорость речи различных говорящих. Со ссылкой на предыдущие исследования утверждается, что реципиенты обращают внимание на временные сигналы в речевых контекстах и используют их распределительные свойства для корректировки последующего восприятия речи. Данное явление авторы статьи называют «восприятием речи, зависящим от темпа» (rate-dependent speech perception) [там же].

Ссылаясь на экспериментальные данные [Reinisch, 2016], М. Масловски и коллеги утверждают, что аудиозаписи с изолированными потенциально двусмысленными словами воспринимаются реципиентами по-разному в зависимости от того, что они знают об обычной скорости речи говорящего. Исследовательскую группу заинтересовал вопрос о том, влияет ли скорость речи предыдущего говорящего на индивидуальное восприятие скорости речи следующего. Чтобы выяснить это, исследователи провели три эксперимента. Первый из них концептуально повторял опыты предыдущих исследований [Reinisch, Sjerps, 2013] и был призван изучить то, как реципиенты определяют смысловоразличительную долготу голландских гласных в зависимости от скорости речи говорящего. Второй исследовал, влияет ли темп говорения предыдущих людей на восприятие темпа речи следующих. Наконец, третий из экспериментов ответил на вопрос о том, отслеживают ли реципиенты темпоральные сигналы скорости речи всех говорящих в сумме или же темпоральные сигналы отдельных говорящих.

В первом эксперименте 16 носительницам голландского языка предъявляли аудиозаписи, содержащие разговор на голландском между мужчиной и женщиной. В каждом предложении диалога было 24 слога и как минимум одно слово, в котором долгота гласного носит смысловоразличительный характер. После прослушивания предложений участникам эксперимента предлагалось выбрать на экране одно из двух возможных написаний многознач-

ного слова. Результаты данного опыта подтвердили: зависимость между параметрами скорости речи и выбором гласной существует.

В рамках второго эксперимента исследовательская группа проверяла, как именно слушатели воспринимают скорость речи говорящего – абсолютно или относительно. Для этого группу носителей голландского языка разделили на две команды и предложили им прослушать два разных набора записанных фраз. Первая группа слушала говорящего со средним темпом речи сразу после прослушивания записей человека с высоким темпом. Вторая группа сначала прослушала аудиодорожку со средней скоростью, а затем – с низкой. Результаты показали, что по мере уменьшения скорости речи испытуемые начинали чаще воспринимать звук, средний между /a/ и /a:/, как /a:/. Более того, участники эксперимента чаще считали, что слышат звук /a:/, если запись со средним темпом речи включали сразу после записи с высокой, что означает, что информация подобного рода относительна.

В третьем эксперименте испытуемым предъявляли аудиодорожки, в которых оба участника диалога говорили то со средней скоростью, то с высокой (или, в случае второй группы, низкой), после чего повторили второй эксперимент. Гипотеза заключалась в том, что в случае, если слушатели оценивают темп речи говорящего независимо, то результаты двух последних экспериментов совпадут. Если же люди отслеживают темпоральные сигналы каждого конкретного говорящего, то в третьем эксперименте обе группы покажут одинаковые результаты. Полученные по итогам данного эксперимента данные показали, что наблюдаемые во втором эксперименте результаты нивелировались, если у параметров речи двух говорящих были похожие значения. По утверждению исследовательской группы, такие результаты могут означать, что реципиенты отслеживают и анализируют долгосрочные распределения специфической для конкретного говорящего скорости речи, а не среднюю скорость речи говорящих.

Список литературы

Bosker H.R. Accounting for rate-dependent category boundary shifts in speech perception // *Atten. Percept. Psychophys.* – 2017 а. – № 79 (1). – P. 333–343.

Laver J. Principles of phonetics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – doi:10.1017/CBO9781139166621

Maslowski M., Meyer A.S., Bosker H.R. How the tracking of habitual rate influences speech perception // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – Washington, 2018. – DOI: doi.org/10.1037/xlm0000579

Maslowski M., Meyer A.S., Bosker H.R. Listeners normalize speech for contextual speech rate even without an explicit recognition task // *The Journal of the Acoustical Society of America*. – College Park, 2019. – DOI: 10.1121/1.5116004. <https://pdfs.semanticscholar.org/9d22/52e91158659a1acc2fd6c85c474e66cd54eb.pdf>

Miller G.A., Licklider J.C.R. The intelligibility of interrupted speech // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 1950. – № 22. – P. 167–173. – URL: <https://doi.org/10.1121/1.1906584>

Miller J.L. Some effects of speaking rate on phonetic perception // *Phonetica*. – 1981. – № 38 (1/3). – P. 159–180.

Peterson G.E., Barney H.L. Control methods used in a study of the vowels // *Journal of the Acoustical Society of America*. – 1952. – № 24. – P. 175–184.

Reinisch E. Speaker-specific processing and local context information: The case of speaking rate // *Appl. Psycholinguist*. – 2016. – № 37 (6). – P. 1397–1415. – URL <https://doi.org/10.1017/S0142716415000612>

Reinisch E., Sjerps M.J. The uptake of spectral and temporal cues in vowel perception is rapidly influenced by context // *J. Phon.* – 2013. – № 41 (2). – P. 101–116. – URL <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2013.01.002>

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

2020.04.005. GERMANOVA N.N. ANGLIJSKIY YAZYK SKVOZY PRIZMU SOCIOLINGVISTIKI: Teoreticheskiye aspekty yazykovogo varyirovaniya. – M: MGLU, 2019. – 184 c.

Ключевые слова: ограниченный / развернутый вербальный код; языковое / речевое варьирование; закрытые / свободные сетки; социолингвистическая переменная; вариативное правило; гиперкоррекция; скрытый престиж; сообщество совместной практики; *matched-guise technique*; глобализация; локализация.

Наталья Николаевна Германова – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, специалист в области социолингвистики и истории английского языка¹.

¹ Автор работ: Германова Н.Н. Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. – М.: Либроком, 2011. – 221 с.; Ис-

Монография, состоящая из пяти глав, имеет обзорно-исследовательский характер. В первых двух главах («Теория ограниченного и развернутого кодов. Б. Бернштейн» и «У. Лабов: Принципы изучения языкового варьирования») излагается и анализируется основная проблематика в публикациях этих двух основоположников социолингвистики. В исследованиях Б. Бернштейна акцент делается на том, как общество контролирует доступ говорящих к языковым ресурсам и как степень владения различными коммуникативными стилями (кодами, по Б. Бернштейну) определяет успешность / неуспешность коммуникации. Теория Б. Бернштейна¹ сформировалась под влиянием системно-функциональной лингвистики М.А.К. Хэллидея, структурной антропологии М. Дуглас, концепции контекста ситуации Дж. Ферса и Б. Малиновского, а также социологической концепции Э. Дюркгейма, М. Мид, М. Вебера и др.

Согласно теории Б. Бернштейна, формирование ограниченного (restricted code) и развернутого кодов (elaborated code) (у детей в рабочих семьях и в семьях среднего класса, соответственно) является следствием их различной социальной принадлежности. С точки зрения собственно языковой организации высказывания для ограниченного кода характерен достаточно бедный лексикон, а также господство паратаксиса (в отличие от развернутого кода). Но главное различие между кодами Б. Бернштейн видел не в их собственно лингвистических особенностях, а в том, что они: 1) выступали регулятивными принципами речевого поведения и определяли механизм передачи знаний; 2) в различной степени ориентированы на контекст; ограниченный код отличается большой зависимостью высказываний от контекста, что придает им имплицитный характер: определенная часть информации остается невербализованной, поскольку говорящий рассчитывает на понимание «с полуслова» за счет наличия у него и собеседника общих

теория нормирования английского языка: Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. – М.: URSS, 2014. – 368 с.

¹ Bernstein B. Codes and Control: Theoretical studies towards a Sociology of Language. – London; New York: Routledge, 2003. – Vol. 1. – 266 p.; Class, Codes and Control: Applied studies towards a sociology of language. – London; New York: Routledge, 2003. – Vol. 2. – 377 p.; Class, Codes and Control: Towards a theory of educational transmission. – London; New York: Routledge, 2003. – Vol. 3. – 167 p.

ценностей и знаний; говорящие, владеющие развернутым кодом, напротив, не рассчитывают на наличие у собеседника сходных фоновых знаний и опыта собеседника.

Как отмечает Н.Н. Германова, теория Б. Бернштейна коррелирует с понятиями закрытых и свободных сеток, которые используются в современной социалингвистике (см. ниже).

Теория Б. Бернштейна была подвергнута критике за использование термина «код» как содержащего импликации замкнутости и изолированности и за упрощенный подход к соотношению языковых и социальных структур.

Одним из основных противников Б. Бернштейна был У. Лабов, критиковавший Б. Бернштейна за тезис о, якобы, корреляции ограниченного вербального кода и невысокого уровня интеллектуального развития детей из рабочих семей. Однако, как отмечает Н.Н. Германова, Б. Бернштейн был далек от мысли о том, что ограниченный код сужает интеллектуальные горизонты говорящих и влияет на их общее развитие. Напротив, он ссылаясь на различия между результатами вербального и невербального тестирования школьников из рабочих семей, в ходе которых было обнаружено, что «общие показатели их интеллекта значительно выше, чем результаты тестирования их речевых способностей» (с. 20).

У. Лабов характеризуется как ключевая фигура в западной социалингвистике (он ввел понятия социалингвистической переменной, вариативного правила, парадокса наблюдателя, гиперкоррекции, скрытого престижа). Дается краткий обзор и анализ основных публикаций У. Лабова¹ и подчеркивается, что, хотя имя У. Лабова в первую очередь ассоциируется с количественными исследованиями языковой вариативности, в своих трудах он также обращался к нарратологии, описанию идиолектов, изучению речевого поведения малых коллективов, политической лингвистике и другим направлениям лингвистических исследований.

¹ Labov W. The Social Stratification of English in New York City. – Washington, D.C.: Center for Applied Linguistics, 1966. – 655 p.; Sociolinguistic Patterns. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 344 p.; Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 412 p.; (в соавт. с Weinreich U., Herzog M.: Empirical Foundations for a Theory of Language Change // Directions for Historical Linguistics. – Austin, TX: University of Texas Press, 1968. – 195 p.

Следующие поколения социолингвистов, продолжившие исследования по проблеме языкового варьирования, обнаружили, что представления о социальном значении варьирования, престиже, роли гендера в распространении инноваций и переключении стилей варьируют в разных культурах. Варьируют также и типы речевых сообществ.

Работы У. Лабова и Б. Бернстайна подвергались критике, которая касалась:

1) понятия социолингвистической переменной, поскольку было неясно соотношение вариантов и инвариантов на уровнях языковой системы выше фонологического и особенно на лексико-семантическом уровне; стиль признавался важнейшим фактором языкового варьирования, однако он понимался У. Лабовым весьма упрощенно: стилистическая дифференциация материала опиралась, по его мнению, на единственный показатель – «количество внимания, которое говорящий уделял своей речи» (с. 63);

2) понятия вариативного правила; характеризуя его, Н.Н. Германова указывает: «Концепция вариативного правила подразумевала, что языковое варьирование является результатом следования некоторым общим правилам, а не выбором между имеющимися и известными говорящему альтернативами, что, с точки зрения реальной языковой практики, кажется сомнительным» (с. 66);

3) понятия речевого сообщества, к которому «относились люди, имеющие общие представления о языковых нормах (хотя и демонстрирующие на практике различное языковое поведение, что позволило ему (т.е. У. Лабову – *H. T.*) охарактеризовать жителей Нью-Йорка как единое речевое сообщество» (с. 67); такой подход к понятию речевого сообщества оставлял открытым вопрос о том, актуальны ли вариативные правила для отдельных говорящих, относящихся к данному сообществу, или они представляют собой результат статистического «усреднения» данных о речевом узусе; консенсусная модель речевого сообщества не согласуется с открытым самим же У. Лабовым феноменом скрытого престижа, когда говорящие намеренно подчеркивают диалектные особенности своей речи, противопоставляя себя «чужакам» из другого социального класса, делая это даже в официальной ситуации;

4) трактовки языковых и социальных структур как изоморфных.

В главе третьей «Изучение языковой практики малых социальных групп» объясняются понятия «социальные сетки» (social networks) и «сообщество совместной практики» (community of practice) – базовых для современного этапа развития социолингвистики, который характеризуется пристальным интересом не столько к большим социальным стратам (социальным классам), сколько к малым социальным группам и индивидам как их членам. Такие исследования призваны дополнить корреляционные исследования социолингвистических переменных, оперирующие усредненными величинами и такими понятиями, как пол, возраст, социальное положение, образовательный уровень.

Главная мысль, лежащая в основе изучения социальных сетей, заключается в том, что индивиды создают личные сообщества для решения насущных жизненных проблем. Выделяются следующие направления в изучении таких сообществ: 1) синхронические исследования языкового варьирования (городская диалектология и исследование субстандартной речи); 2) диахроническая лингвистика (языковые изменения и сохранение языка); 3) переключение кодов; 4) овладение языком и его утрата в условиях многоязычного общества. Для сравнения социальных сетей ключевыми являются понятия плотности и многоформатности, на которых основана типология социальных сетей. Наиболее важными являются противопоставления плотных (dense, close-knit) и свободных (loose), а также многоформатных (multiplex) и одноформатных (uniplex) социальных сетей (с. 76). Понятие социальных сетей используется в синхронных и диахронных социолингвистических исследованиях, посвященных механизмам передачи информации, роли таких сетей в языковой эволюции, выбору языка миноритарными группами в мультикультурном окружении, судьбе диалектов и жаргонов.

Главной особенностью сообществ совместной практики является вовлеченность их членов в общую деятельность разного рода (от научных проектов до заседаний клубов по интересам). Такие сообщества имеют свои коммуникативные особенности и общий дискурс.

В главе четвертой «Социально-психологический аспект речевого варьирования» отмечается, что это направление исследований возникло из-за недостаточной объяснительной силы количественных исследований, оперировавших понятиями класса, пола, образования и т.п., но не учитывавших мотивацию речевой деятельности. Была признана важность изучения того, как люди ведут себя в ситуациях межкультурных контактов, сформулирована теория речевой аккомодации (*speech accommodation theory*) (Г. Гайлз)¹. Ее центральными понятиями стали социальные установки и оценки, определяющие восприятие говорящими (активными личностями, представителями определенных социальных групп) различных языковых явлений и целых идиомов.

В рамках этой теории была разработана экспериментальная методика *matched-guise technique*², ставшая своего рода визитной карточкой этого направления исследований. В соответствии с этой методикой в ходе эксперимента респондентам предлагается прослушать некоторый текст, прочитанный одним и тем же человеком на разных языках (на разных социальных или территориальных диалектах, с разными акцентами). Задача респондентов (полагающих, что они слышали разных говорящих) состоит в том, чтобы оценить говорящих по разным параметрам (социальное положение, интеллектуальное развитие, характер, коммуникабельность, деловые качества и т.п.). Как правило, респонденты должны оценивать говорящих по двум шкалам – шкале социального статуса (занимаемая должность, материальный достаток, образование, компетентность, деловые качества, интеллектуальное развитие и т.п.) и шкале социальной привлекательности (дружелюбие, надежность, готовность прийти на помощь и т.п.). Оценка говорящего по этим двум шкалам может оказаться диаметрально противоположной.

¹ Giles H., Powesland P. *Speech style and Social Evaluation*. – London: Academic Press, 1975. – 218 p.; Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. *Towards a theory of language in ethnic group relations // Language, Ethnicity and Intergroup*. – London: Academic Press, 1977. – P. 307–348.

² Предложенные в специальной литературе переводы названия этой методики «метод подбора масок / личин» Н.Н. Германова считает неудачными и пользуется в своей монографии оригинальным названием. – *Прим. реф.*

Сильной стороной таких экспериментов считается то, что мнения говорящих относительно языковых идиомов выясняются непрямым путем (респонденты описывают предполагаемых носителей тех или иных разновидностей языка, а не оценивают сами эти идиомы), так что их ответы являются более искренними, так как не зависят от соображений этики, политической корректности и т.п.

Анализируются основные положения теорий аккомодации, конструирования идентичности и интерпретативной социолингвистики.

В главе пятой «Глобализация как лингвистическая проблема. Английский язык в меняющемся мире» отмечается, что экспансия английского языка привлекла внимание ученых весьма поздно – лишь в начале XXI в. С позиций лингвистики проблемы глобализации изучаются в следующих аспектах: 1) билингвизма, контактных языков, в том числе и так называемых *new Englishes*, т.е. гибридных образований типа *Franglais*, *Denglish*, *Spanglish* и т.д.; 2) дискурса – новых форм дискурсивных практик и дискурса о глобализации; 3) динамики языковых ситуаций; 4) «рыночной ценности языков» (аксиологического подхода); 5) типов языковой политики; 6) влияния глобализации на языковую семантику и языковую картину мира.

Отмечается феномен глокализации английского языка, т.е. усиления его региональных различий. В соответствии с лозунгом глокализации «Надо думать глобально, а действовать локально» ценности локальной культуры должны быть соотнесены с универсалистскими ценностями современного глобального информационного общества и донесены до него. «Глокализация означает, что английский язык перестает быть исключительным достоянием тех этносов, для которых он является родным языком, в его рамках возникают новые разновидности и новые дискурсы. В различных этнических и социальных контекстах формируются свои местные нормы, так что глобальный английский существует в разнообразных локальных контекстах. Более того, он начинает участвовать в создании новых типов идентичности, в том числе и транснациональных» (с. 144).

Как проявление глокализации трактуются также пиджины и креольские языки, а также гибридные идиомы типа Denglish, Spanglish и т.д.

В завершение главы английский язык кратко характеризуется как лингва франка. Излагаются основные положения теории трех кругов английского языка Б. Качру¹.

Н.Н. Трошина

2020.04.006. КАЗАК Е.А. ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. (Обзор).

Ключевые слова: испанский язык; ассоциативный эксперимент; национальная культура; национальный эксперимент; лингвокультурология; английский язык.

Работа Я.В. Инживоткиной посвящена малоизученной теме – характерным особенностям менталитета жителей Эквадора. Методом ассоциативного эксперимента предпринята попытка эксплицитировать концепты их сознания и сравнить полученные реакции на стимулы с представлениями испанцев и американцев.

Я.В. Инживоткина подробно останавливается на лингвокультурных и этикетных особенностях, на которых обычно не заостряют внимания многие исследователи и которые при этом присущи многим жителям не только Эквадора, но и всей Латинской Америки. Эквадор является высококонтекстной культурой. Культурная и частная жизнь здесь тесно связаны друг с другом. Отсутствует четкое разделение сфер, и все связано со всем: работа, бизнес, личные отношения, общие знакомые. Очень важное значение имеют титулы. Если человек овладел профессией (окончил институт) он уже *maestro*, если выучился на инженера или адвоката, то обращаться к нему нужно только со словами *ingeniero* или *doctor*. К любому предпринимателю желательно обращаться *jefe*. При этом статус человека переносится и на его родственников (человека в обществе могут аттестовать как жену учителя или дочь учителя и т.п.).

¹ Kachru B. The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Nonnative Englishes. – Urbano; Chicago: University of Illinois Press, 1986. – 200 p.

Что касается коммуникации в бизнес-среде, то сначала здесь пытаются выстроить доверительные отношения с партнерами, а уже потом обсуждать дела.

Особого внимания заслуживает культурно-специфичное восприятие времени у эквадорцев. Время, с точки зрения иностранцев, протекает медленно и практически никак не регламентировано. У местного населения есть даже выражение «эквадорское время» (*Ecuadorian time*).

Автор статьи останавливается подробно на такой черте национальной культуры, как непунктуальность. Если эквадорец говорит *en una hora* (через час) – это значит, что дело будет сделано, скорее всего, завтра, если *mañana* (завтра или утром) – значит, придется подождать дольше, возможно несколько дней. Довольно частотное слово *mañana* означает то, что было обещано вчера и должно быть готово сегодня, с очень высокой вероятностью не свершится. Необязательность и непунктуальность – характерные черты жителей Эквадора. Здесь считается в порядке вещей пообещать что-нибудь и не сделать или сделать с огромной (многократной) задержкой по срокам. Если что-то было сделано вовремя – это исключительный случай.

Эквадор, как уже указывал автор, – это культура с сильной контекстуальной зависимостью. Люди держатся ближе друг к другу. Здесь присутствует культура коллективизма (как и в большинстве стран Латинской Америки). Групповые, семейные и общественные цели и интересы ставятся выше индивидуальных – для Эквадора характерна власть над индивидом не государства, а группы людей. Внутри этой группы человеку гарантированы внимание и забота со стороны других членов группы, но в обмен на безоговорочную лояльность индивида. Здесь существует жесткая социальная структура, основанная на разделении «своих» и «чужих»: положение человека в обществе определяется не его индивидуальными качествами и особенностями, а местом в социальной иерархии – коллективист подчиняется многочисленным социально-экономическим и культурным ограничениям, взамен же ему гарантирована поддержка всей общины.

Страна в течение длительного периода времени была испанской колонией, поэтому здесь до сих пор заметна тесная связь с испанской культурой, обычаями и традициями. Впрочем, в насто-

ящее время, в эпоху глобализации, отчетливо прослеживается тенденция к росту влияния западной (в данном случае больше американской) культуры, страна старается приблизиться к западным американским идеалам, тем более что территориально Соединенные Штаты близки к Эквадору.

Для более точного определения национально-специфичных представлений и лингвокультурных концептов в статье проводится свободный ассоциативный эксперимент, поскольку это признанный метод экспликации когнитивных структур. В данном случае процедура проведения ассоциативного эксперимента была достаточно стандартна. Основные трудности возникли при анализе данных. Респондентам, которыми являлись студенты журналистики и социальной коммуникации, было предложено дать ответ (реакцию) на каждое из слов-стимулов – требовалось записать первое пришедшее на ум слово. Студентам был предложен список слов для фиксации реакций. Данный список включал 50 стимулов, форма ассоциативного эксперимента была – письменная. В процессе пилотажного эксперимента испытуемым (среди них было 162 эквадорца и 62 американца носители испанского и английского языков) предложили записать первую возникшую у них ассоциацию.

На основе полученных результатов была составлена таблица в Excel с результатами эксперимента. При выборе испытуемых автор учитывал следующие критерии: родной язык отвечающих, количество испытуемых.

Исследование показало, что ассоциативные поля, отражающие языковую картину мира эквадорцев, испанцев и американцев имеют определенные сходства в структуре и при этом существенно различаются по критериям содержания и системности. Особенно глубоки различия между носителями различных языков (в данном случае испанского и английского), что продиктовано спецификой культуры, истории, философии религии.

Структура ассоциативного поля эквадорцев ближе к структуре ассоциативного поля испанцев, и это объясняется схожестью истории двух стран и их колониальным прошлым.

В данной работе было доказано, что хотя Соединенные Штаты Америки территориально находятся очень близко к Эквадору в

отличие от Испании, эквадорцы и американцы совершенно по-разному воспринимают мир.

В статье М.В. Ларионовой и Н.И. Царевой изучается современная роль и положение испанского языка в текущем полиэтническом пространстве.

Обоснован тот факт, что представление об испанском языке как общем и едином для всех государств, где он является официальным, включая саму Испанию, вызывает весьма серьезную критику со стороны ученых-филологов, политиков, а также простых граждан как в Латинской Америке, так и в Испании, и анализируются лежащие в основе данных процессов причины. Определяется содержание текущего публичного образа испанского языка, рассматриваются тенденции и условия, связанные с ситуацией его дискриминации в полиэтническом пространстве. Основной акцент исследования при этом направлен на политическое измерение исследуемой проблемы. Авторы приходят к выводу о том, что с учетом определяющей роли, которую испанский язык играет в формировании национально-культурной идентичности в текущих условиях, можно предположить, что националистически настроенные круги неизбежно будут прибегать к языку как к орудию защиты пропаганды собственных идей, используя его в качестве катализатора политических процессов. Успешно противостоять подобным действиям, по мнению авторов, возможно, проводя языковую политику, основанную на принципе паниспанизма.

Список литературы

Инживоткина Я.В. Особенности менталитета жителей Латинской Америки: (На примере Эквадора) // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2019. – № 2 (74). – С. 132–142.

Ларионова М.В., Царева Н.И. Испанский язык в полиэтническом пространстве: Политическое измерение // Мир науки, культуры, образования. – М., 2020. – № 1 (80). – С. 268–274. – DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00108. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42507545>

2020.04.007. ЧЕН Д. СКРЫТАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ИСПАНИИ: УСПЕХИ И ВЫЗОВЫ.

CHEN D. Políticas lingüísticas implícitas de España: logros y desafíos // *Circulo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. – 2019. – N 78. –

P. 91–110. – URL: <https://revistas.ucm.es/index.php/CLAC/article/download/64373/4564456551192>

Ключевые слова: испанский язык; языковая политика; пан-испанизм; языковые меньшинства; государственный язык.

Существует немало работ лингвистов, историков, социологов и политологов, посвященных вопросу сложности сосуществования различных языков на территории Испании. Многоязычие Испании регулируется большим разнообразием законов и локальных актов. Несмотря на это, многие вопросы остаются нерешенными и время от времени приводят к напряженности политической ситуации в регионе.

Так, согласно Статуту об Автономии, официальными названиями государственных органов, управляющих Валенсией и Каталонией, являются Generalitat Valenciana (Генералитет Валенсии) и Generalitat de Catalunya (Генералитет Каталонии). Такое написание должно сохраняться во всех официальных документах, включая документы на кастильском варианте испанского языка¹. Однако, согласно Словарю Королевской академии испанского языка (DRAE – Diccionario de la Real Academia Española) единственным возможным вариантом является слово ‘generalidad’, что вызывает недовольство населения данных регионов.

Другим ярким примером неорганизованности и неопределенности языковой политики представляется тот факт, что за языковую политику в каждом отдельном регионе Испании отвечают разные государственные органы. В то же время не существует единого общегосударственного административного органа, который отвечал бы за языковую политику всего Королевства. Отсутствие единой государственной правовой базы, регулирующей данный вопрос, создает дополнительные споры среди представителей разных регионов и приводит к политической напряженности.

Автор статьи Д. Чен исследует вопрос государственной языковой политики Испании и пытается дать ответ на вопрос, с чем связано такое вялое регулирование языковой политики на общегосударственном уровне.

¹ Кастильский диалект считается официальным языком Королевства Испании. Далее в статье под испанским языком автором понимается именно кастильский вариант испанского языка. – *Прим. реф.*

Различие между эксплицитной и имплицитной политикой в сфере языкового регулирования связано с концепцией *языковой культуры* Шиффмана, вошедшей в употребление после публикации его работы о языковой ассимиляции немцев в США. Позднее этот термин стал эквивалентом понятия *лингвистической идеологии*, принятого в социолингвистике. Согласно работам Шиффмана, помимо языковой политики, выражаемой государством, существует некоторая «скрытая» политика, вызванная идеями, убеждениями, мифами и предрассудками носителей языка. Таким образом, функционирование языка регулируется не только официальной политикой государства, но и «снизу вверх». В случае Испании усилия государства направлены на создание в мире положительного образа испанского языка. В своей работе под понятием «скрытой языковой политики» автор подразумевает плановую деятельность в сфере языка, которая не имеет под собой легальной базы. Примером такой политики является публикация словарей и проведение официальных мероприятий, посвященных языку.

Существование скрытой языковой политики связано со способностью языка являться не только средством коммуникации, но и становиться символом государства, нации или сообщества. Язык, имеющий меньшее количество носителей, в большей степени может реализовать свою идеологическую функцию, более тесно объединяя сообщество людей, говорящих на нем. Напротив, язык, на котором говорит большее количество людей, активнее реализует свою коммуникативную функцию. Автор предполагает, что скрытая языковая политика Испании нацелена на защиту и поддержку использования испанского языка: его коммуникативная функция намеренно усиливается в ущерб его некомуникативным функциям.

Такая политика связана с идеей Л. Гарсии об испанском как международном языке и концепции «Испанидада». Распространение «испанской идеи» зависит от степени влияния испанского языка как внутри страны, так и за ее пределами. В настоящий момент испанский язык является языком большинства внутри Испании, доминирующим языком в более чем двадцати испаноязычных странах и языком меньшинств в некоторых других странах. Поддержание такого положения испанского языка в мире является основной причиной проводимой языковой политики. Различные политические партии и организации, преследуя собственные цели,

ведут непрекращающиеся споры касательно роли испанского языка и манипулируют отношением граждан к официальному языку. Периодически в обществе распространяются идеи о связи испанского языка с эпохой франкизма, ограниченностью свобод, языковым геноцидом и даже нацизмом. В то же время по количеству носителей испанский язык значительно превосходит региональные языки. Распространенность и способность исполнять свою коммуникативную функцию гарантирует «живучесть» испанского языка. Коммуникативная функция языка оказывается приоритетнее его некомуникативных функций.

Устойчивая позиция испанского языка в мире и его доминирование внутри страны часто означает утерю родного языка для представителей языковых меньшинств. Сравнительно небольшое количество социолингвистических исследований, касающихся языковой ситуации в Испании, проводится в стране. Правительство пытается избежать ситуации, в которой ему предстоит согласиться с тем, что испанский язык навязывается сверху, в то время как представители регионов не готовы признать, что вследствие многолетней нормализации население продолжает говорить на испанском по привычке. Попытки государства продемонстрировать свое уважение к языкам регионов выражаются в активной деятельности Королевской академии испанского языка и Института Сервантеса.

Королевская академия испанского языка открыто заявляет о том, что не является государственным органом и налаживает сотрудничество с академиями других официальных языков страны. Под маркой Академии (RAE – Real Academia Española) публикуются словари и грамматики региональных языков.

Изначальной целью Института Сервантеса было распространение и популяризация испанского языка в мире. С начала XXI в. Институт активно занялся преподаванием региональных языков. В 2004 г. в двух его центрах начались занятия по каталанскому языку, а в 2006 г. языки регионов преподавались уже в 60 его представительствах.

Одной из задач испанского правительства на мировой арене является разрыв связи испанского языка с историей тоталитаризма. Ценность испанского языка для других может заключаться в развитии экономики. В связи с этим возрастает необходимость

преподавания испанского языка. Чтобы привлечь иностранных студентов, университеты в регионах вынуждены вести курсы на кастильском. Идея экономической значимости испанского языка продвигается за счет проведения большого количества научных исследований и публикации работ в области экономики испаноязычного мира. Благодаря этому растет научная и статистическая база исследований, связанных с ролью испанского языка в мировой экономике.

Не менее важной идеологической концепцией является идея паниспанизма. По данным Института Сервантеса, в Испании на кастильском языке говорят 42 846 978 человек, в то время как в одной только Мексике носителей испанского языка в несколько раз больше – 119 565 685. По количеству носителей испанского языка Испания уступает не только Мексике, но и Колумбии (48 854 188 человек), Аргентине (43 207 960 человек) и США (42 926 496 человек). Вопросами объединения усилий и координации всех действий и инициатив, направленных на распространение испанского языка в качестве языка мирового общения, занимается офис Высокого представителя политики «Марка Испании». Идеи паниспанизма распространились и в сфере преподавания языка. С 2006 г. в рамках официального экзамена на знание испанского как иностранного DELE было увеличено количество тем и вопросов, связанных с Латинской Америкой, в задания по аудированию были добавлены аудиозаписи носителей испанского за пределами Королевства.

Однако такая политика претерпевает и некоторые неудачи. Испанцы не приемлют идею насаждения языка сверху и требуют уважения к тому языку, на котором говорит население. Лингвисты также настаивают на сохранении языкового разнообразия, поддержания равенства между языками в эпоху глобализации. В то же время без поддержки государства региональные языки также могут оказаться отвергнутыми своими носителями в пользу языка большинства. И, хотя обязать население изучать все региональные языки невозможно и не имеет особого смысла, существуют предложения ввести в школьную программу предмет «Язык», в рамках которого школьники могли бы научиться *понимать* языки регионов. Отмечается, что это уже с успехом происходит у жителей де-

ровень на границах регионов, которые вполне могут понимать своих соседей.

Кроме того, необходимо избегать идеи оппозиции «испанского Испании» и «испанского Латинской Америки». В рамках проведения политики популяризации испанского языка в мире нужно избежать идеи Испании как центра испаноязычной культуры и заменить ее идеей паниспанизма.

Автор статьи отмечает увеличение количества китайских студентов, изучающих испанский язык. В период с 2001 по 2006 г. их число с 1540 человек выросло втрое, а в 2016 г. уже 15 000 студентов официально обучались испанскому языку.

Таким образом, несмотря на свой мощный потенциал, испанский язык сталкивается с рядом вызовов на пути к своему дальнейшему распространению и укреплению. Скрытая языковая политика, проводимая правительством Испании, позволяет защищать позиции официального языка государства, избегая при этом критики в свою сторону. Несомненно, поддержание языкового баланса и поддержка носителей испанского языка является необходимой задачей государства. В то же время стоит помнить о том, что в эпоху глобализации распространение языка в первую очередь зависит от того, дает ли он своим носителям больше шансов на улучшение уровня жизни. В таком случае именно сильная экономика и широкое международное влияние делают язык привлекательным для населения.

Е.В. Майорова

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ПЕРЕВОД, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

2020.04.008. СЕМИНА Т.А. АНАЛИЗ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ¹.

SEMINA T.A. Sentiment analysis: Modern approaches and existing problems.

Аннотация. Статья посвящена обзору работ по анализу тональности, одному из актуальных направлений автоматической

¹ © Семина Т.А., 2020

обработки естественного языка. В настоящее время можно говорить об анализе тональности как об отдельном направлении компьютерной лингвистики. Приводятся основные термины, связанные с данной теорией, дается краткое описание возникновения анализа тональности, описываются уровни проведения анализа тональности (уровень документа, предложения, аспектов, сущностей и событий) и подходы к созданию систем. В статье представлены проблемы, связанные с проведением анализа тональности, включающие в себя выявление имплицитной оценки, сарказм и иронию, вопросы дизамбигуации, монотематичности систем, кореферентности и референции. Представлены компьютерные подходы к улучшению результатов работы программ анализа тональности, но большее внимание уделено лингвистическим подходам. Рассматриваются вопросы создания специальных лингвистических ресурсов для анализа тональности, таких как корпуса и лексиконы, кроме того, представлены теории, связанные с синтаксическими отношениями, риторической структурой текста и добавлением блока правил.

Abstract. The paper is devoted to the review of scientific works on sentiment analysis, that is one of the most relevant fields of natural language processing. Nowadays sentiment analysis may be considered as a separate area of computational linguistics. The main terms related to this sphere and a brief history are given, levels of sentiment analysis (document level, sentence level, aspect level, entity and events levels) are described. The paper states the problems associated with sentiment analysis, including the identification of implicit sentiment, sarcasm and irony, issues of disambiguation, monothematic design of the systems, coreference and reference. Computational approaches to improving the performance of sentiment analysis programs are presented, but more attention is paid to linguistic ones. The issues of creating special linguistic resources for sentiment analysis, such as corpora and lexicons, are considered, in addition, theories related to syntactic relations, the rhetorical structure of the text and the addition of a rules are presented.

Ключевые слова: анализ тональности; извлечение мнений; субъективность; оценка; автоматическая обработка естественного языка.

Keywords: sentiment analysis; opinion mining; subjectivity; assessment; natural language processing.

Анализ тональности как направление компьютерной лингвистики берет начало в последней декаде XX в., и сейчас является одним из самых активно развивающихся видов автоматического анализа естественного языка.

Анализ тональности, несмотря на связь с теорией оценочности и эмотивности, относится к группе прикладных или компьютерных задач. Цель подобного анализа состоит в автоматическом выделении в тексте тонального компонента высказывания, включающего в себя автора мнения, которого обычно называют субъектом или источником, объект, по отношению к которому выражено мнение, и тональность, представляющую собой полярность оценки [Семина, 2017].

Термин анализ тональности (англ. sentiment analysis) начал применяться начиная с 2003 г. Одной из первых работ, в которой появился данный термин, была работа Т. Насукавы и Дж. Йи [Nasukawa, Yi, 2003], где исследовалось извлечение мнений по отношению к заданному предмету. В этом же году вышла работа К. Дейва, С. Лоуренса и Д.М. Пеннока [Dave, Lawrence, Pennock, 2003], в которой авторы говорили об «извлечении мнений» (англ. opinion mining) из отзывов о товарах. Тем не менее работы по анализу тональности и извлечению мнений начались за несколько лет до того, как были установлены данные термины, раньше такой анализ был связан с понятием семантической ориентации и анализом субъективности. Одной из первых работ по анализу тональности можно считать работу Дж. Виви о выявлении точки зрения персонажей художественной литературы. Целью работы была автоматическая классификация фрагментов текстов на объективные и на фрагменты, в которых выражено мнение или эмоции одного из персонажей художественного произведения [Wiebe, 1994]. Позже объектом исследовательского интереса стала семантическая ориентация прилагательных [Hatzivassiloglou, McKeown, 1997; Hatzivassiloglou, Wiebe, 2000; Wiebe 2000]. Дж. Виви, Р. Брюс и Т. О'Хара начали тестировать применение статистических методов к анализу субъективности [Wiebe, Bruce, O'Hara, 1999].

Анализ тональности начал активно развиваться после появления крупных сайтов с кинорецензиями и отзывами, это связано с особенностью необходимого языкового материала для анализа тональности. В упомянутой ранее работе Дж. Вибби [Wiebe, 1994] исследование проводилось на художественных произведениях, но автоматический анализ текстов такого рода не представлял интереса для широкой аудитории. С развитием сети Интернет, появлением новых пользователей и сайтов стали генерироваться большие объемы текстовых данных, содержащих оценку, и, в связи с этим возникла необходимость в их обработке. Нужно отметить, что анализ тональности применяется в тех случаях, когда невозможна ручная обработка текстов человеком, что возникает при большом объеме данных. Человек способен прочитать несколько текстов и определить в них оценку и тональность, в то время как программа за это время обработает тысячи текстов, хоть и с меньшей точностью.

Сам термин «тональность» не полностью соответствует понятиям «мнение» и «оценка». Раньше было принято выделять субъективные и объективные фрагменты текста, но всегда следовала оговорка о неравнозначности тональности и субъективности. Термин «тональность» менялся, подстраиваясь под новый материал, который становился объектом исследования, все дальше уходя от термина «субъективность». Классической задачей анализа тональности можно назвать анализ кинорецензий и отзывов на товары, первые крупные исследования и эксперименты проводились на этом материале. Кроме того, рецензия и отзыв как жанр подразумевают наличие мнения автора по отношению к продукту, следовательно, и тональность будет представлена в каждом из них. Кинорецензии как материал для анализа тональности не имеют большой практической ценности, но они послужили отправной точкой для развития систем анализа тональности и показали их потенциальные возможности.

Развитие сети микроблогов Twitter привело к появлению большого числа работ по анализу тональности этого материала. В компьютерных науках и компьютерной лингвистике проводится немало соревнований в различных областях, которые позволяют исследовательским группам высших учебных заведений, научных лабораторий и коммерческих компаний представить свое решение отдельных прикладных задач. Многие соревнования по анализу

тональности, в том числе SentiRuEval, проходящий в России, в обучающую и тестовые выборки добавляют именно твиты. Twitter оказался очень удачным источником для проведения анализа тональности, поскольку расширил потенциальные темы текстов. В Twitter есть как собственно отзывы, так и материалы, где высказывается мнение о различных персонах, событиях или объектах, что расширило возможности применения анализа тональности, например, для выявления мнения пользователей о политиках с возможностью регулярного мониторинга изменения тональности. Подобный проект реализует Sentdex.com, где собирают большое число данных о выделенных темах (война, система здравоохранения и т.д.) и об отдельных людях, постоянно подгружаются новые данные и можно просмотреть, как менялась тональность с течением времени. Этот сайт использует не только данные Twitter, но и публикации на различных новостных порталах. Новостные статьи как материал для анализа тональности выделяются среди остальных, поскольку тональность в них крайне далека от обыденного понимания термина «мнение». Тональность в новостных статьях скорее определяется как действие, положительно или отрицательно влияющее на некоторый объект, субъектом считается агент действия, объектом – экспериенцер.

Как было сказано ранее, целью анализа тональности является выделение в тексте тональных компонентов, но это может проводиться на разных уровнях. Под уровнем анализа тональности понимается единица, из которой выделяется одно мнение. Можно выделить уровень документа, предложения, аспектов, сущностей и событий. Выбор уровня анализа напрямую связан с материалом исследования и с поставленной задачей.

Под *уровнем документа* понимается анализ всего текста, выделение в нем одного субъекта (обычно совпадает с автором), одного объекта и, самое главное, одной тональности. Качественный анализ на этом уровне возможен при относительно небольшом объеме текста, как, например, у твитов, или при анализе текстов с сильно выраженной тональностью, как у отзывов или рецензий. Систем, работающих на этом уровне, немало, и они имеют в основе разные подходы.

Анализ на *уровне предложений* подразумевает деление исходного текста на предложения и анализ каждого из них отдельно.

После чего можно представить общую тональность для всего текста, применив правила. Стоит отметить, что анализ на этом уровне не так популярен, из доступных систем он есть в пакете Vader Sentiment в библиотеке Natural Language Tool Kit для языка программирования Python.

Анализ на *уровне аспектов* дает больше информации об отношении пользователей не к объекту в целом, а к его «аспектам» – отдельным компонентам объекта, которые могут иметь собственную тональность. Аспекты объекта «смартфон» могут включать в себя аспекты «камера», «операционная система», «дисплей» и т.д., иными словами, к аспектам отнесут те понятия, по отношению к которым в тексте может быть выражена тональность. Для сферы кино Т. Тхет, Дж. На и К. Кху [Thet, Na, Khoo, 2010, S. 828] выделили следующие аспекты: cast, director, story, scene, music; для каждого аспекта были представлены термины, которые могут быть отнесены к каждому из аспектов. Выделение тональности по отношению к аспектам, а не к объекту в целом, является востребованной задачей в интеллектуальном анализе данных, потому что в тексте может быть выражена положительная тональность по отношению к одному аспекту, но отрицательная по отношению к другому, и для некоторых задач это является важным фактором. Анализ тональности на этом уровне осложняется необходимостью составления списка аспектов и последующего соотнесения найденной тональности и выделенных аспектов. Составление списка нередко выполняется вручную экспертами, а для последующего анализа каждому аспекту могут приписать список терминов, которые в тексте могут быть репрезентацией аспекта.

Анализ на *уровне сущностей* является более сложным подходом, для начала стоит определить, что понимается под сущностью. Как правило, сущностью являются так называемые именованные сущности (Named Entities) – слова и словосочетания, имеющие строго определенного референта. Примерами именованных сущностей являются люди, локации, геополитические организации, средства массовой информации и т.д. Появление анализа тональности на уровне сущностей можно связать как с развитием и доступностью систем выделения именованных сущностей, так и с обращением интереса исследователей к текстам новостных статей, в которых именно такого рода анализ может дать большое ко-

личество информации. Анализ на этом уровне является одним из наиболее сложных, доступных систем пока нет. Сложность определяется необходимостью выделения сущностей, дальнейшего установления тональных отношений между ними с определением полярности оценки. Анализ тональности на уровне сущностей имеет серьезное отличие от других уровней: автор текста не всегда будет субъектом всех тональностей, сущности в тексте также могут быть субъектами мнения.

Как отдельный уровень выделяется *уровень событий*, хотя на самом деле от анализа тональности на уровне сущностей он мало чем отличается. Более того, «событие» может быть видом именованной сущности, следовательно, и процесс выделения тональности на этом уровне практически не отличается от представленного выше.

Методы анализа тональности не претерпели серьезных изменений во время развития этого направления. Обычно в анализе тональности выделяют подходы:

– *основанный на правилах*, имеет в основе набор правил, написанных экспертом-лингвистом. Подход достаточно трудоемкий, и успешность применения зависит от многих факторов, в том числе материала анализа;

– *основанный на словарях*, для выявления тональности использует различные тональные лексиконы. Этот подход можно назвать одним из самых простых, потому что он сводится к выявлению тональных единиц в тексте, что довольно просто при наличии лексикона, и последующего их подсчета;

– *основанный на машинном обучении*, наиболее широко распространен в анализе тональности. Машинное обучение – подраздел искусственного интеллекта, изучающий методы построения алгоритмов, способных к обобщению и обучению. Традиционно в машинном обучении выделяют задачи обучения с учителем, обучения без учителя и регрессии, но в анализе тональности широко используется только первый тип алгоритмов. Это связано с особенностями регрессии и неприменимостью результатов регрессионного анализа для выявления мнений (применяется только логистическая регрессия, которая на самом деле является линейным классификатором). Обучение без учителя применяется нечасто, поскольку кластеризация, т.е. объединение документов в кластеры

на основе метрик расстояния между ними, для анализа тональности редко дает хорошие результаты;

– *гибридный*, позволяет использовать одновременно несколько подходов, например машинное обучение может получать в качестве признаков не слова, а количество единиц, входящих в тональные лексиконы.

Перечисленные методы являются стандартными для интеллектуального анализа текста, при машинном обучении анализ тональности сводится к обычной классификации.

Проблемы анализа тональности

Анализ тональности, как и любой вид анализа естественного языка, имеет ряд сложно решаемых проблем.

Одной из наиболее сложных проблем считается выделение имплицитной оценки. Деление мнения на имплицитное и эксплицитное типично для анализа тональности, но раньше имплицитную оценку часто опускали и не рассматривали как объект исследования из-за сложной реализации анализа. Эксплицитная оценка в тексте выражена отдельным тональным высказыванием – словом или словосочетанием, явно выражающим тональность, это делает ее доступной для автоматического анализа. Имплицитная тональность очевидна для человека, но трудно формализуема при автоматической обработке.

Выделение иронии и сарказма является проблемой не только анализа тональности, но и многих других систем обработки естественного языка. Системы обработки текста оперируют графемами и словоформами, и обучить их улавливать смысл ироничных высказываний возможно только в небольшой степени.

Проблемой анализа тональности можно назвать и монотематичность отдельных систем. При разработке итогового продукта или обучают программу на выборке текстов определенной тематики, или учитывают характеристики текстов при написании алгоритма. Система, обученная на корпусе кинорецензий, не будет показывать высокие результаты при определении тональности, например, отзывов о мобильных телефонах из-за разной лексики, свойственной этим видам текстов.

Анализ тональности сталкивается и с проблемами, свойственными всем видам анализа текстов, таким как необходимость дизамбигуации и разрешения референции.

Дизамбигуация или разрешение многозначности далеко не всегда становится вопросом исследования, связанным с анализом тональности, но при использовании отдельных ресурсов она будет необходима. Для тезауруса Wordnet была проведена разметка тональности для отдельных синсетов, главных элементов этого тезауруса, и проект SentiWordnet [Baccianella, Esuli, Sebastiani, 2010] теперь входит в библиотеку Natural Language Tool Kit. Необходимость проведения дизамбигуации связана с разной тональностью значений одного слова.

Сложность представляют и проблемы референции и кореференции. При анализе тональности для местоимений нужно устанавливать их антецеденты для верной интерпретации оценки, и неточные результаты разрешения референции могут привести к потенциальным ошибкам в анализе тональности. Проблема кореференции может решаться различными способами, или при помощи графа знаний, или при помощи дополнительных правил и составленных списков кореферентных элементов. Кореференция не ведет к серьезным проблемам с выделением мнений, но установление эквивалентности единиц позволит убрать дублирующиеся тональности.

Современные подходы

Анализом тональности занимаются специалисты в области компьютерных наук и лингвисты, и с каждым годом количество статей на тему извлечения мнений не снижается. Существующие подходы не меняются, но претерпевают изменения и развиваются. Все новые идеи в анализе тональности можно разделить на две группы: изменения, связанные с применением новых алгоритмов машинного обучения, и изменения, связанные с внедрением новых лингвистических теорий и созданием новых лингвистических ресурсов. Несомненно, вторая группа интересует нас больше, но нельзя не сказать и об изменении в арсенале методов машинного обучения, применяемых в сфере анализа тональности.

За последние годы арсенал методов машинного обучения значительно расширился и продолжает расширяться. Если около пяти лет назад чаще всего можно было встретить работы, в которых основным был метод опорных векторов (Support Vector Machine), один из наиболее точных линейных классификаторов, то сейчас все чаще применяются различные нейронные сети: сети прямого распространения, рекуррентные и сверточные сети. Этому способствовало развитие этой отрасли, повлекшее за собой появление крупных библиотек с нейросетями, таких как TensorFlow или Keras, обе вышли в 2015 г. Кроме того, применяются другие методы компьютерного анализа текста, в том числе тематическое моделирование.

Лингвистические новые подходы носят, стоит отметить, более разнообразный характер.

Одним из них является создание новых ресурсов для анализа тональности. Типовыми ресурсами можно назвать корпуса и тональные лексиконы, конечно, созданные для различного материала. Разметка корпуса для анализа тональности нетипична, так как для различных единиц должна быть указана тональность, поэтому обычно требуется ручная разметка, тем не менее в ряде случаев удастся автоматизировать этот процесс. Для сравнения рассмотрим небольшое число корпусов для английского языка в табл. 1 [Семина, 2019].

Таблица 1

Название	Объем	Тексты
Movie Review Dataset	2000 документов	Кинорецензии
Sentiment Relevance Corpus	125 документов 3847 предложений	Кинорецензии
Sanders Twitter Dataset	5387 документов	Twitter
Health Care Reform Dataset	1,922 документа	Twitter
Stanford Twitter Sentiment	1 200 000 документов	Twitter
MPQA v 3.0	70 документов	Новостные статьи

Из данных, представленных в таблице, видно, что объем корпусов различается – если корпус новостных статей собран из 70 документов, то для Twitter число документов превышает миллион. Конечно, это связано и с объемом отдельного документа, и с глубиной разметки.

Другим важным лингвистическим ресурсом для анализа тональности является тональный лексикон. Тональный лексикон включает в себя тональные единицы языка, имеющие метку полярности оценки. При этом к созданию тональных лексиконов применяют разные подходы, часто они собираются автоматически. Выделяют несколько подходов к созданию тонального лексикона: ручной, основанный на словаре и основанный на корпусе текстов [Kochergina, 2015].

Тональные словари можно разделить на три вида:

- 1) содержащие только слова;
- 2) содержащие слова и полярность оценки;
- 3) содержащие слова, полярность и уровень оценки [Agaque, Zhu, Iglesias, 2019].

Для английского языка представлено несколько тональных лексиконов, например SentiWordnet [Baccianella, Esuli, Sebastiani, 2010], LIWC [Tausczik, Pennebaker, 2010], NTU [Chen, Huang, Chen, 2018] и the Harvard inquirer [The general inquirer, 1966].

Для русского языка в свободном доступе находится РуСентиЛекс [Лукашевич, Левчик, 2016], кроме того, русский язык входит в пакет списков оценочных слов, собранный Й. Ченом и С. Скиеной [Chen, Skiena, 2014].

Существует и ряд нетипичных лингвистических ресурсов, созданных для анализа тональности, одним из них являются тональные фреймы. Тональный фрейм включает в себя лексическую единицу и подробную информацию, связанную с тональными отношениями между слотами фрейма, в том числе тональные отношения. Также прописывается возможное грамматическое окружение для поиска этого фрейма и установления тональных отношений. Такие ресурсы позволяют частично выделять имплицитную тональность, поскольку фрейм может содержать подробные отношения между слотами. Недостатком подхода является трудоемкость и невозможность охватить большое количество лексики и все возможные окружения.

Работа с синтаксическим уровнем языка

Интересным и важным является внедрение синтаксической информации в анализ. Тональность относится не только к семан-

тике, как компонент значения отдельных единиц, но и к прагматике высказывания, поэтому для максимально точного выделения тональности необходимо, начиная с графематического уровня пройти все уровни языка, чтобы достичь до тональности.

Синтаксическая информация может дополнять машинное обучение, положительно влияя на качество работы системы. При подобном подходе при обучении системы синтаксические характеристики войдут в число признаков, так в машинном обучении принято называть характеристики, при помощи которых описывается объект. Могут использоваться и синтаксические отношения, что в ряде задач будет давать лучшие результаты [Адаскина, Паничева, Попов, 2015].

Другим подходом является создание тональных корпусов с синтаксической разметкой, их можно назвать тональными трибанками. Группа исследователей университета Стэнфорд представила корпус Stanford Sentiment Treebank, объем которого составляет 9645 предложений [Recursive deep models for semantic compositionality over a sentiment treebank, 2013]. Предложения в корпусе имеют метку полярности на каждой вершине, при продвижении по дереву на каждой вершине метка зависит от показателей вершин под ней. Этот корпус используется для создания систем анализа тональности для английского языка и может использоваться совместно с разными методами автоматической классификации.

Если описанные ранее подходы к привлечению синтаксической информации были связаны с одной из теорий: грамматики непосредственных составляющих или грамматики зависимостей, то в рамках автоматической обработки возможна их комбинация. Сочетая эти способы представления структуры, можно нивелировать недостатки друг друга в извлечении оценочных выражений [Effective Sentiment Analysis of Chinese Online Reviews with Syntax Tree and Linguistics Heuristics, 2013, p. 10].

Это не единственные способы внедрения синтаксической информации в анализ тональности, кроме того, подробные синтаксические данные, которые представляют грамматика непосредственных составляющих и грамматика зависимостей, не всегда необходимы. П.Д. Турни занимался проблемой синтаксических паттернов, что можно назвать простым, но эффективным подходом к решению задачи добавления синтаксической информации.

Паттерн Турни состоит из трех элементов, соответствующих словам естественного языка, третий элемент не относится к тональному паттерну и необходим для более точного выделения паттерна [Turney, 2002, S. 418]. Позже идея получила развитие, и паттерны были дополнены синтаксическими метками Стэнфорда, что значительно облегчало их применение [Almatarneh, Gamallo, 2017]. В табл. 2 метки были заменены на эквивалентные им части речи.

Таблица 2

Первое слово	Второе слово	Третье слово
прилагательное	существительное	любое
наречие (может быть в сравнительной или превосходной степени)	прилагательное	не существительное
прилагательное	прилагательное	не существительное
существительное	прилагательное	не существительное
наречие (может быть в сравнительной или превосходной степени)	глагол (начальная форма, форма прошедшего времени, форма причастия прошедшего времени, герундий)	любое

Паттерны, представленные в работе П.Д. Турни, и в целом подобный подход к адаптации синтаксической информации для интеллектуального анализа, несомненно, не покрывают все возможные случаи представления тональных единиц в тексте. Тем не менее они являются более простыми в создании и применении и могут оказать положительное влияние на результат работы системы.

Привлечение теории риторической структуры

Дискурс как уровень языка редко становится объектом машинного анализа из-за сложностей, возникающих в процессе реализации, тем не менее он может быть полезен при анализе мнений. Идея привлечения теории риторической структуры дискурса к анализу тональности не нова, работы стали появляться с 2011 г., но эта идея не получила широкого распространения.

Несмотря на разные подходы к воплощению отдельных компонентов алгоритма, основной подход встречается во всех статьях: разбиение текста на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) и дальнейшее их объединение в древовидную структуру.

Системы такого рода дают хорошие результаты с *f*-мерой (одна из метрик для определения качества классификации имеет значения от 0 до 1) выше 0,7 [Polarity analysis of texts using discourse structure, 2011]. Более высокий результат показала система М. Крауса и С. Файерригеля [Kraus, Feuerriegel, 2019], также основанная на первоначальном анализе дискурса в рамках теории риторической структуры. Кроме того, возможно привлечение глубоких нейросетевых моделей, например рекуррентных нейронных сетей [Bhatia, Ji, Eisenstein, 2015].

Риторическая структура позволяет выделить более и менее «важные» фрагменты, и в соответствии с этим корректировать тональности этих фрагментов.

Добавление списка правил

Добавление правил можно считать одним из наиболее часто встречаемых способов улучшения работы алгоритма. Правила могут покрывать различные виды задач.

Возможно добавление правил для поиска ироничных и саркастических конструкций, которые будут основаны на поиске фрагментов текста, соответствующих некоторому шаблону. Частично это поможет решить проблему сарказма.

Часто отдельно расписывают правила для обработки отрицаний. В ряде случаев вводят правила, которые на начальном этапе работы добавляют единицам, входящим в сферу действия отрицания, определенный отрицательный маркер, например «не_хороший». В таком случае компьютер будет считать это слово отдельной лексической единицей. Несомненно, существуют и другие подходы к решению этой задачи [A survey on the role of negation in sentiment analysis, 2010].

Добавление правил может также выделить часть имплицитной информации, например, Л. Чжан и Б. Лью [Zhang, Liu, 2011] собрали лингвистические шаблоны для распознавания фраз, выражающих имплицитное мнение, Л. Денг и Дж. Виби [Deng, Wiebe, 2015] использовали логические операции. Их модель определялась использованием множества элементарных элементов или атомов и правил *если - то*, выраженных в виде правил логики первого порядка. Идея логического вывода имплицитной тональности из экс-

плицитной является одной из удачно формализуемых идей, поскольку создание алгоритма вывода представляется возможным.

Отдельно могут составляться правила для обработки фрагментов усиления или ослабления тональности [Zhang, Liu, 2011].

Анализ тональности на протяжении последних 15 лет является актуальным и активно развивающимся направлением исследований, постоянно происходит улучшение подходов к анализу, внедрение новых идей и развитие старых.

Анализ тональности начал развитие с рецензий на фильмы и отзывы, но сейчас он более востребован в других сферах. Рецензии и отзывы стали хорошей основой для развития подходов, адаптации новых идей и методов. Если анализ отзывов имеет практическую значимость, то анализ рецензий для коммерческих компаний не представляет большого интереса. Актуальным направлением является анализ социальных сетей и новостных сообщений с целью выявления отношения к отдельным персонам или событиям. Это востребовано как в сфере политики, поскольку можно отслеживать отношение людей к персонам и проводимым реформам, так и в коммерческой среде. Многие крупные компании заинтересованы в системах анализа данных, с помощью которых можно отслеживать изменения в отношении пользователей к бренду или продукту.

Анализ тональности может являться составной частью других интеллектуальных систем, популярных в настоящее время, таких как выявление стресса у пользователей социальных сетей, определения fake news, систем извлечения данных (англ. data mining), в которых тональные отношения могут извлекаться как отдельный вид связи между объектами.

Это позволяет говорить о неугасающем интересе к анализу тональности как прикладной задаче, более того, в настоящее время его можно считать самостоятельным направлением компьютерной лингвистики с собственной терминологией и уникальными методами.

Список литературы

Адаскина Ю.В., Паничева П.В., Попов А.М. Сентиментный анализ твитов на основе синтаксических связей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диа-

лог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). – Москва: Изд-во РГГУ, 2015. – Вып. 14 (21): в 2 т. – Т. 2: Доклады специальных секций. – С. 1–12.

Лукашевич Н.В., Левчик А.В. Создание лексикона оценочных слов русского языка РуСентилекс // Труды конференции OSTIS-2016. – Минск: Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, 2016. – С. 377–382.

Семина Т.А. Дихотомия субъективность vs объективность и тональная релевантность в задачах анализа тональности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. – Москва: Московский государственный областной университет, 2018. – № 1. – С. 38–45.

Семина Т.А. Корпусные исследования и анализ тональности // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1–2 марта 2019) / ред. колл.: отв. ред. И.И. Валуйцева, отв. секр. Е.П. Савченко, ред. англ. текста И.А. Улиткин; под общ. ред. И.И. Валуйцевой. [Электрон. текстовые дан. (15,6 Мб)]. – Москва: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 560–566.

A survey on the role of negation in sentiment analysis / M. Wiegand, A. Balahur, B. Roth, D. Klakow, A. Montoyo // Proceedings of the workshop on negation and speculation in natural language processing. – 2010. – P. 60–68.

Almatarneh S., Gamallo P. Searching for the most negative opinions // International Conference on Knowledge Engineering and the Semantic Web. Springer, Cham. – 2017. – P. 14–22.

Araque O., Zhu G., Iglesias C.A. A semantic similarity-based perspective of affect lexicons for sentiment analysis // Knowledge-Based Systems. – 2019. – Т. 165. – P. 346–359.

Baccianella S., Esuli A., Sebastiani F. Sentiwordnet 3.0: an enhanced lexical resource for sentiment analysis and opinion mining // Lrec. – 2010. – Т. 10, N 2010. – P. 2200–2204.

Bhatia P., Ji Y., Eisenstein J. Better document-level sentiment analysis from rst discourse parsing. – Mode of access: <https://arxiv.org/pdf/1509.01599.pdf>.

Chen C.C., Huang H.H., Chen H.H. NTUSD-Fin: a market sentiment dictionary for financial social media data applications // Proceedings of the 1st Financial Narrative Processing Workshop (FNP 2018). – Mode of access: <http://nlg.csie.ntu.edu.tw/~hhhuang/docs/fnp2018.pdf>

Chen Y., Skiena S. Building Sentiment Lexicons for All Major Languages // ACL (2). – 2014. – P. 383–389.

Dave K., Lawrence S., Pennock D.M. Mining the peanut gallery: Opinion extraction and semantic classification of product reviews // Proceedings of the 12th international conference on World Wide Web // ACM. – 2003. – P. 519–528.

Deng L., Wiebe J. Joint prediction for entity/event-level sentiment analysis using probabilistic soft logic models // Proceedings of the 2015 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2015. – P. 179–189.

Effective Sentiment Analysis of Chinese Online Reviews with Syntax Tree and Linguistics Heuristics / *C. Cai, Q. Meng, J. Ji, Z. Wang* // International Journal of Advancements in Computing Technology. – 2013. – Т. 5, N 1. – P. 8–19.

Hatzivassiloglou V., McKeown K.R. Predicting the semantic orientation of adjectives // Proceedings of the 35 th annual meeting of the association for computational linguistics and eighth conference of the european chapter of the association for computational linguistics. / Association for Computational Linguistics. – 1997. – P. 174–181.

Hatzivassiloglou V., Wiebe J.M. Effects of adjective orientation and gradability on sentence subjectivity // Proceedings of the 18 th conference on Computational linguistics. / Association for Computational Linguistics. –2000. – Vol. 1. – P. 299–305.

Kochergina K.S. Approaches to forming an evaluative lexicon (juridical linguistic aspect) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов I (XVI) Международной конференции молодых ученых (9–11 апреля 2015 г.). – Томск, 2015. – Вып. 16. – С. 365–367. – Режим доступа: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000534180>

Kraus M., Feuerriegel S. Sentiment analysis based on rhetorical structure theory: Learning deep neural networks from discourse trees // Expert Systems with Applications. – 2019. – Т. 118. – P. 65–79.

Nasukawa T., Yi J. Sentiment analysis: Capturing favorability using natural language processing // Proceedings of the 2 nd international conference on Knowledge capture. ACM. – 2003. – P. 70–77.

Polarity analysis of texts using discourse structure / *B. Heerschop, F. Goossen, A. Hogenboom* [et al.] // Proceedings of the 20 th ACM international conference on Information and knowledge management. ACM. – 2011. – P. 1061–1070.

Recursive deep models for semantic compositionality over a sentiment treebank / *R. Socher, A. Perelygin, J. Wu* [et al.] // Proceedings of the 2013 conference on empirical methods in natural language processing. – 2013. – P. 1631–1642.

The general inquirer: A computer approach to content analysis / *Stone P.J., Dunphy D.C., Smith M.S., Ogilvie D.M.* – Cambridge: The MIT Press, 1966. – 651 p.

Tausczik Y.R., Pennebaker J.W. The psychological meaning of words: LIWC and computerized text analysis methods // Journal of language and social psychology. – 2010. – Т. 29, N 1. – P. 24–54.

Thet T.T., Na J.C., Khoo C.S.G. Aspect-based sentiment analysis of movie reviews on discussion boards // Journal of information science. – 2010. – Т. 36. N 6. – P. 823–848.

Turney P.D. Thumbs up or thumbs down?: semantic orientation applied to unsupervised classification of reviews // Proceedings of the 40 th annual meeting on association for computational linguistics / Association for Computational Linguistics. – 2002. – P. 417–424.

Wiebe J. Learning subjective adjectives from corpora // AAAI Proceedings 2000. – Mode of access: <https://aaai.org/Papers/AAAI/2000/AAAI00-113.pdf>

Wiebe J.M. Tracking point of view in narrative // Computational Linguistic. – Vol. 2 s.–1994. – Т. 20, N 2. – P. 233–287.

Wiebe J.M., Bruce R.F., O'Hara T.P. Development and use of a gold-standard data set for subjectivity classifications // Proceedings of the 37 th annual meeting of the Association for Computational Linguistics. – 1999. – P. 246–253.

Zhang L., Liu B. Identifying noun product features that imply opinions // Proceedings of the 49 th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies: short papers / Association for Computational Linguistics. – 2011. – Vol. 2. – P. 575–580.

2020.04.009. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗАТОР: ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТЕКСТА В МЕТАЯЗЫКОВУЮ СТРУКТУРУ ДАННЫХ / Кузнецов С.А., Скребцова Т.Г., Суворов С.Г., Клеменьева А.В. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2019. – 238 с.

Ключевые слова: автоматический перевод; автоматическая обработка текста; лингвистический анализатор; естественный язык; русский язык; метаязыковая сеть.

В пяти главах монографии (глава 1 «Графематический анализ», глава 2 «Атрибуция токенов», глава 3 «Конструктивно-синтаксический анализ предложения», глава 4 «Коммуникативно-синтаксический анализ», глава 5 «Функционально-прагматический анализ текста»), упорядоченных согласно последовательности этапов обработки текста, рассматриваются графематический анализ, морфологический (атрибуция токенов), конструктивно-синтаксический и коммуникативно-синтаксический анализ предложения, функционально-прагматический анализ текста. Продемонстрирована работа лингвистического анализатора, процесс преобразования понятийно-риторических единиц текста и информационного представления текста в метаязыковую структуру данных.

Проблема автоматической обработки естественного языка сохраняет свою актуальность по прошествии более полувека со времени первых опытов в данном направлении. Сам факт говорит о высокой сложности задачи и отсутствии ясного представления о путях ее решения.

В монографии предлагается оригинальный подход к решению задачи автоматического анализа текста, написанного на русском языке, направленный на выявление его информационной структуры. Конечным результатом анализа является метаязыковая сеть, в узлах которой находятся «участники» описываемой в тексте ситуации (объекты), а на дугах – отношения между ними. Про-

граммное обеспечение, реализующее данный подход, охватывает все этапы обработки текста на естественном языке (ЕЯ) – от графематики до коммуникативного синтаксиса целого текста. В качестве материала анализа могут использоваться любые правильно построенные письменные тексты публицистического, научного, официально-делового стиля, а также художественной прозы.

Проведенное исследование носит поисковый характер, что отчетливо прослеживается в содержании. Авторы не ставили перед собой цели подробного описания лингвистической модели, включая исчерпывающий перечень правил, применяемых на каждом этапе анализа. Основную ценность, по мнению авторов, представляют фундаментальные принципы, на которых основывается предлагаемый подход к автоматической обработке текста. Эти принципы последовательно воплощаются на каждом этапе работы лингвистического процессора.

Описываемый в работе подход отличается несколькими существенными чертами, выделяющими его на фоне современных разработок в области автоматической обработки текста. Прежде всего, он является максимально широким, не ограниченным какой бы то ни было узкой задачей, отдельным видом лингвистического анализа или конкретным типом текста. Он носит комплексный характер и включает учет всех видов информации, содержащейся в вербальном компоненте текста на ЕЯ.

Важной отличительной характеристикой разрабатываемого лингвистического процессора является принципиальный отказ от применения вероятностно-статистических методов на этапе анализа текстовой информации. Признавая полезность аппарата математической статистики для ряда узкоприкладных задач в области языкознания, авторы полагают, что при создании полномасштабной системы автоматического понимания текста на ЕЯ решающей является не количественная, а качественная сторона. Разнообразные логико-статистические приемы анализа текста, исходящие из примата средств программной реализации и сосредоточенные на поиске все более эффективного алгоритма, который позволил бы хотя бы на долю процента улучшить результат, представляются авторам методологически ошибочными. Соответственно адекватный анализ содержания может быть достигнут только при тщательном учете языкового контекста, поэтому приоритетной зада-

чей является максимально полное и точное извлечение лингвистических данных из текста. Поскольку речь идет о текстах на русском языке, это объясняет заметное преобладание в библиографии русскоязычных источников.

В основе предлагаемого подхода лежат правила интерпретации различного рода информации, заключенной в вербальном компоненте текста. Итогом интерпретации является приписывание анализируемым единицам (символам, словоформам, словосочетаниям, синтаксическим конструкциям, риторическим структурам) значений признаков. Имеются в виду графематические признаки (ср. признак «тип» и его значения ‘буквенный’ / ‘небуквенный’, признак «алфавит» и его значения ‘кириллица’ / ‘латиница’ / ‘прочий’), морфологические признаки, включая часть речи (ср. «род» и его значения ‘мужской’ / ‘женский’ / ‘средний’), синтаксические (например, «тип семантической конструкции» со значениями ‘группа сказуемого’, ‘обстоятельственная группа’ и др.) и семантические (например, «тип синтаксической конструкции» со значениями ‘группа сказуемого’, ‘обстоятельственная группа’ и др.) и семантические признаки (ср. признак «фазовость» и его значения: ‘становление’ / ‘возникновение’ / ‘начало’ / ‘осуществление’ / ‘продолжение’ / ‘приостановка’ / ‘возобновление’ / ‘конец’ / ‘преддел’ / ‘результат’).

Таким образом, вся извлекаемая из текста графическая, грамматическая и лексико-семантическая информация последовательно представляется в терминах признаков и их значений.

Подобная методологическая последовательность, хотя и делает описание несколько тяжеловесным, представляется авторам принципиально необходимой. Также отмечается, что слово *значение* в данной работе используется в двух разных смыслах: как ‘языковое значение’ (ср. англ. *meaning*) и как ‘значение того или иного признака’ (англ. *value*). Что касается слова *признак*, его употребление также неоднозначно. Там, где речь идет о графематическом, морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом анализе, понятие «признак» используется в смысле ‘категории, которой присущи определенные значения’. Однако применительно к организации информационной структуры текста *признак* фактически обозначает информацию, приписываемую в тексте выделенным объектам (один из основных компонентов ме-

таязыковой структуры текста), в том числе и соединяющую их друг с другом.

Переходя к другим особенностям описываемого лингвистического процесса, авторы подчеркивают очевидный факт: традиционные лингвистические описания – словари и грамматики – не ориентированы на задачи автоматической обработки языка, а следовательно, нужные для этой задачи сведения не могут быть получены без дополнительных описаний значений слов и синтаксических структур. В частности, требуется тщательная работа с корпусами текстов, чтобы необходимую информацию можно было выразить имплицитивно («если... то...»). При отказе от математических методов выработка такого рода эвристик – путь довольно затратный, но способный давать эффективные решения. Авторы стремились прежде всего к выработке правил, охватывающих не единичные факты, а их классы, хотя и частные фильтры, касающиеся отдельных значений слов и словосочетаний, представляют известный интерес. В работе представлен ряд эмпирически выведенных закономерностей, основанных на кропотливом анализе языковых данных. Собственно говоря, именно такой ракурс анализа текста наиболее точно отражает исследовательский интерес авторов.

Тема неоднозначности языковых выражений и, следовательно, принципов выбора правильной интерпретации проходит через всю монографию. При этом следует подчеркнуть, что в отличие от подавляющего большинства лингвистов, работающих в области автоматической обработки ЕЯ, авторы не ставили перед собой задачу как можно раньше снимать лексическую и грамматическую неоднозначность. Осознавая значимость этой проблемы, возникающей на всех этапах анализа текста, авторы не считают нужным решать ее сразу и любой ценой. В общем случае неоднозначность сохраняется вплоть до того момента, когда лингвистический анализ позволит ее надежно разрешить. Известно, что лексико-грамматическая омонимия, как правило, снимается на уровне синтаксиса, а для определения референции анафорического выражения нередко требуется выход за границы предложения. В то же время есть случаи, когда неоднозначность не может быть снята в принципе – например, если анафора отсылает к внешнему миру (так называемая «экзофора») или авторский текст намеренно дву-

смыслен. В подобных ситуациях сохраняются все допустимые варианты прочтения. Также отмечается, что в задачи лингвистического процессора не входит выявление подтекста, понимание юмора и иносказаний, оценка истинности высказываний, определение художественной ценности текста и т.п.

Работа процессора состоит из нескольких этапов, соответствующих типам анализа. Процессор работает сугубо поступательно. На каждом этапе порождаются всевозможные варианты интерпретации соответствующих единиц. Следующий этап может либо отменить какие-то из вариантов, либо сохранить их все. Возврат назад, к предшествующему этапу, для пересмотра результатов анализа не имеет смысла (поскольку все доступные варианты были своевременно порождены).

Помимо алгоритмов, работа анализатора поддерживается специально созданными словарями, в том числе словарем аббревиатур и сокращений, словарем лексических комплексов (включающих составные предлоги, наречия и пр., а также коллокации и фразеологизмы) и словарем частотных имен собственных. Синтаксический анализ опирается на разработанный авторами семантико-синтаксический словарь, описанию которого посвящен специальный раздел.

Сначала осуществляется графематический анализ всего текста, алгоритм которого является авторской разработкой. Основной результат графематического анализатора состоит в выделении структурных единиц текста (от символа до абзаца) с приписанными им значениями графических признаков. Эти единицы, снабженные соответствующей информацией, используются на последующих этапах работы процессора. Например, такая единица, как токен, далее подвергается морфологической атрибуции. Синтаксический анализ опирается на выделенные ранее части предложения (ограниченные нетерминальными знаками препинания) и предложения. Для построения информационной структуры текста важны как связи между предложениями внутри абзаца, так и межабзацные связи.

После графематического анализа наступает этап атрибуции графических токенов, который в случае словоформ соответствует тому, что традиционно называется морфологическим анализом,

хотя в действительности морфоанализаторы предлагают лишь возможные варианты морфологических характеристик словоформ.

Описываемый в монографии процессор способен обрабатывать более широкий круг токенов, регулярно встречающихся в тексте, а именно аббревиатуры, сокращения и прочие комплексы, которые наряду с буквенными символами могут содержать знаки иной природы. В основе собственно морфологического анализа лежит словарь словоформ, созданный в результате предварительных исследований, связанных с автоматической обработкой текстов, но существенно пополненный в ходе настоящей работы.

В связи с этим авторам представляется, что было бы уместно называть этот этап морфографической атрибуцией. Во-первых, на вход поступают различные цепочки символов, в том числе и такие, которые содержат цифры, знаки препинания и другие символы; таким образом, дело не ограничивается собственно языковым материалом. Во-вторых, даже там, где процессор имеет дело с однородной последовательностью, он фактически производит не анализ, а механическое сопоставление этой последовательности (как некой целостной единицы) с массивом хранящихся в памяти цепочек символов (также целостных единиц) и, если находит совпадения, выдает их все в качестве результата. Это процедура сравнения, а не анализ.

Центральное место в описываемой модели принадлежит синтаксису. Все содержание глав 3 и 4, охватывающее формально-синтаксический анализ, семантическое описание лексики, снятие лексической и синтаксической неоднозначности, а также правила преобразования семантико-синтаксической структуры в информационную модель и сам проект последней, представляет собой исключительно авторские оригинальные разработки.

Принципиальный аспект синтаксического анализа состоит в том, что выявление структуры предложения осуществляется не через построение древесных структур «сверху вниз» (ср. англ. top-down), а путем последовательной циклической сборки «снизу вверх» (ср. англ. bottom-up), в соответствии с линейным порядком слов. Эта идеология, с одной стороны, отличает наш процессор от различных формальных моделей анализа естественного языка, а с другой – сближает его с современными когнитивными исследованиями, направленными на изучение процессов понимания дискурса.

Далее отмечается, что закономерно встает вопрос о том, что следует рассматривать в качестве *предложения*, если сугубо формальный (графический) подход не всегда дает удовлетворительные результаты. Во-первых, существуют неполные предложения, интерпретация которых требует обращения к предшествующему предложению. Во-вторых, в случае прямой речи имеет смысл учитывать в качестве единого содержательного блока весь ее отрезок, который может состоять из сколь угодно большого числа графически оформленных предложений. Авторы подчеркивают, что в их модели предусмотрены возможности обрабатывать оба указанных случая (подробнее см. гл. 1), а также анализировать непроективные предложения.

Авторы указывают, что в работе по созданию лингвистического процессора всплывает целый ряд «вечных» теоретических проблем языкознания, таких как отдельность и тождество слова (ср. обработку сложных союзов, составных предлогов, наречий, числительных, сказуемых и пр.), композициональность семантики (проблема коллокаций и идиом), лексическая многозначность и способы ее описания и пр. В итоге ключевые термины лингвистического анализа – *слово* и *предложение* – оказываются довольно условными, допускающими вариативность в интерпретации. В своем изложении авторы старались сохранять ясность, не употреблять термин *слово* в главе о графематическом анализе, используют термин *словоформа* в морфологическом контексте и оперируют понятием семантико-синтаксический вариант (ССВ) слова там, где речь идет о лексической семантике (термина *лексема* ввиду его неоднозначности также приходится избегать). С термином *предложение* сложнее – заменить его нечем, поэтому в работе он отсутствует.

Синтаксический анализ производится с учетом семантической информации, источником которой служит специально созданный семантико-синтаксический словарь, направленный на многоаспектное описание лексики в терминах семантических признаков, каждый из которых может иметь два и более значений (в итоге получается нечто наподобие семантических формул в лингвистическом процессоре). В этом заключается существенное отличие модели авторов от других семантических представлений, будь то электронные онтологии или словари (семантические, идеогра-

фические), составители которых приписывают фактически одному семантическому признаку многочисленные значения, обычно организованные либо в виде общего списка отдельных морфологических, синтаксических, лексических свойств, характеризующих слово целиком или то его значение, которое, по мнению разработчиков, является наиболее частотным.

Основное назначение семантического описания – способствовать снятию лексико-грамматической омонимии или, по крайней мере, сокращению числа вариантов, полученных в результате синтаксического анализа. Прежде всего, это касается однозначности структурной схемы предложения.

Семантическое описание позволяет также снижать уровень лексической неоднозначности, а в идеале и вовсе ее снимать. Когда синтаксически связанные слова неоднозначны, алгоритм осуществляет последовательный перебор всех соответствующих комбинаторных вариантов с целью сопоставления приписанных им значений семантических признаков. В основе данной операции лежит известная идея о том, что такие слова не должны иметь противоречащих друг другу сем.

У семантического описания есть и другая важная функция, которая обращена вспять (к синтаксическому анализу отдельного предложения), а, напротив, вперед – к интерпретации последовательности предложений, вплоть до целого текста. Дело в том, что комбинации значений семантических признаков у лексических единиц, связанных между собой синтаксическими отношениями, обуславливают категориальный тип описываемой ситуации.

Семантика, таким образом, перебрасывает мостик к следующему этапу – коммуникативно-синтаксическому анализу, распространяющему свое действие на более крупные, чем предложение, отрезки текста. Его организация связана с семантикой еще теснее, чем синтаксис и нижние уровни языковой структуры, что является существенным осложняющим фактором. Ведь из традиционных компонентов лингвистического процессора – морфологического, синтаксического и семантического – достаточно высокой, если не исчерпывающей полноты можно добиться лишь в первых двух компонентах.

Заключительный этап анализа носит отчетливо выраженный поисковый характер и потому описан в работе более схематично,

чем предыдущие этапы. Большое внимание уделено принципам перехода от полученной на предыдущем этапе синтаксической структуры в виде структуры «подлежащее – сказуемое – дополнения – обстоятельства» (ПСДО) к субъектно-объектной метаязыковой информационной модели. Подробно рассматриваются различные варианты соответствия между компонентами синтаксической и информационной структур и проблемы, возникающие при их соотношении.

При описании концепции информационной структуры, в которую преобразуется неструктурированный текст на ЕЯ, неизбежно затрагивается широкий круг задач, подлежащих решению на этом этапе (определение объектов и связей между ними, экспликация неявных компонентов смысла, развертывание пропозиций и выявление отношений между ними, определение кореференции именных групп, интерпретация дейксиса, установление хронологической последовательности событий и др.). В качестве материала привлекаются тексты разных стилей и жанров, что призвано наглядно продемонстрировать невозможность выработки единого подхода к указанным проблемам.

В Приложениях даны анализ предложений из повести Ю.В. Трифонова «Обмен», примеры статей семантико-синтаксического словаря, примеры семантического разбора законодательных текстов.

Е.А. Казак

2020.04.010. МОДЕЛИРОВАНИЕ В КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ КОРПУСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА / Захаров В.П., Азарова И.В., Митрофанова О.А., Попов А.М., Хохлова М.В. – Санкт-Петербург.: СПбГУ, 2019. – 207 с.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; метод моделирования; русский язык; подъязык; автоматическая обработка текста.

Монография содержит описание принципов и процедур создания корпусов языков для специальных целей. Специализированные подъязыки (языки для специальных целей) являются функциональными разновидностями языка, призванными обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в опреде-

ленной предметной области. Особо важное место они занимают в системах автоматической обработки текста.

Методология исследования подразумевает декомпозицию корпусной технологии на отдельные блоки и выработку требований к программно-лингвистическому обеспечению каждого из них с учетом существующих стандартов и типовых проектных решений. В работе со специальными корпусами применяются контрастный анализ, дистрибутивно-статистические методы. Материал и инструмент исследования – существующие и специально создаваемые корпусы с лингвистической разметкой и корпусные лингвистические процессоры.

В исследовании рассмотрены основные параметры специальных корпусов текста, возможности их варьирования и взаимосвязь с типами лингвистических задач. Проведен анализ существующих международных стандартов корпусной лингвистики, разработаны программные средства морфологической разметки. Выделены и описаны формальные признаки научного термина, адаптированы рекомендации проекта Text Encoding Initiative (TEI) для работы со специальными корпусами, выработаны подходы к аналитико-лингвистической разметке, используемой в различных языковых исследованиях. Разработаны автоматизированные процедуры выделения терминов и терминологических словосочетаний из специальных корпусов, процедуры автоматического построения каталога русских конструкций. Предложенная методология может применяться при создании корпусов текстов и исследовании лексики и семантики языков для специальных целей.

Основная тема монографии – моделирование источниковедческой базы исследований языков для специальных целей. В настоящее время огромное развитие получили корпусы текстов как инструменты лингвистического анализа и корпусная лингвистика как особое направление в фундаментальной и прикладной лингвистике. Все современные лингвистические исследования и работы по составлению словарей и грамматик так или иначе ориентированы на использование представительных корпусов текстов. Развитие корпусной лингвистики совпало с развитием современных интеллектуальных программных систем, предназначенных для обработки текстов на естественном языке и требующих большой экспериментальной лингвистической базы.

Поиск в корпусе текстов позволяет по любому слову построить конкорданс – список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник. Корпусы могут использоваться для получения разнообразных справок и статистических данных о языковых и речевых единицах. Например, на основе корпусов можно получить данные о частоте словоформ, лексем, грамматических категорий, проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени, получить данные о совместной встречаемости лексических единиц. Корпусы призваны служить также источником и инструментом многоаспектных лексикографических работ по подготовке разнообразных исторических и современных словарей. Данные корпусов могут быть использованы для подстановки для построения и уточнения грамматик и в целях обучения языку.

Важное место в лингвистике и в информационных технологиях занимают специализированные подязыки (по-другому – языки для специальных целей). Это понятие используется для обозначения функциональной разновидности языка, призванной обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области. Однако в настоящее время это понятие должно быть расширено и на область систем автоматической обработки текста. Понятие языка для специальных целей родственно с такими понятиями, как «подязык», «функциональный стиль», «регистр», «жанр» и др. С лингвистической точки зрения эти языки, с одной стороны, понимаются как ограниченный набор лексических и грамматических конструкций, с другой стороны, они имеют свои особенности по синтаксису, семантике, формальным характеристикам, которые требуют особого изучения и своего экспериментального материала – корпусов текстов. Практика разработки и применения электронных корпусов текстов показала, что невозможно создать универсальный корпус, обеспечивающий решение всех задач. Задачи и цели любого исследования определяют тип корпуса, правила отбора текстов, способ и степень их обработки. Корпусы всегда создаются под определенную задачу или круг задач. Эта задача определяет как наполнение корпуса текстами, так и разметку корпуса.

Среди специальных текстов можно выделить ядерные и периферийные. Ядерными являются научные тексты, насыщенные

специфической лексикой, отсутствующей в общих словарях. Сюда же относятся специфические виды научно-технических документов, такие как патенты, стандарты и т.п. К периферийным текстам можно отнести научно-популярные тексты с меньшей концентрацией специфической лексики, тексты юридического характера и различные тексты так называемой деловой прозы. И те и другие имеют свою специфику.

При проектировании корпуса должен быть решен ряд вопросов, касающихся наполнения и структуры корпуса. Создание корпуса предполагает средства подготовки и загрузки текстов в корпус. Характерная особенность современных корпусов – наличие в текстах специальной разметки, которая заключается в приписывании текстам и их компонентам дополнительной информации (метаданных), записанной в определенном формате. Корпус текстов предполагает специализированную систему управления данными – корпусный менеджер, обеспечивающий функциональные возможности использования корпуса. Все эти и другие вопросы освещаются в данной монографии.

Авторы отмечают, что в последнее время в лингвистической литературе широкое распространение получило понятие «язык для специальных целей» (language for specific purposes – LPS). Это понятие, как правило, используется для обозначения функциональной разновидности языка, призванной обеспечить общение специалистов в определенной предметной области. Это функциональная разновидность литературного языка, обслуживающая профессиональную сферу общения. Текст на таком языке – это текст, в котором аккумулировано и сохранено специальное знание.

Тексты языков для специальных целей, или специализированных подязыков (далее в работе их называют *специальные тексты*), недостаточно полно отражены в общенациональных корпусах (в частности, в корпусах русского языка) и требуют создания для них соответствующих специальных корпусов в качестве отдельных объектов анализа. В монографии под специальным текстом понимаются, прежде всего, ядерные тексты – научные, а также относящиеся к определенному виду или типу (патенты, стандарты, ГОСТы и т.п.).

Специальный корпус, в понимании авторов, является не только набором специальных текстов, но и отражением в каком-

либо из своих параметров специфики конкретной лингвистической задачи. Например, для задач автоматического выделения терминов из текстов некоторой предметной области будет необходимо создать корпус текстов по данной проблематике, причем трудно перечислимое множество тематических областей потребует столь же большого разнообразия корпусов текста. При этом, возможно, потребуется задать тип и назначение словаря, который будет создаваться на базе корпуса. В свою очередь, задача извлечения мнений из текста потребует создания специальных корпусов текста, в которых будут представлены тональные совокупности текстов. Авторы полагают, что важно понять, какие параметры корпусов являются существенными, в какой степени их можно и нужно варьировать, какие инструменты необходимы для технологической и лингвистической поддержки такого варьирования.

Общие направления варьирования можно представить следующим образом: 1) увеличение объема корпуса по определенной тематике (тематика в широком смысле может быть задана в терминах предметных областей, жанров, хронических периодов и т.п.); 2) изменение пропорций текстов и их объемов в сторону максимальной репрезентативности в рамках тематической специфики корпуса; 3) совершенствование и обогащение разметки текстов, которая должна отвечать типу текстов и конкретным решаемым задачам; 4) варьирование программного обеспечения и сервиса.

Корпус текстов становится мощным инструментом в руках лингвиста лишь посредством специализированных программных средств. Неотъемлемой частью понятия «корпус текстов» является система управления текстовыми и лингвистическими данными, которую чаще всего называют корпус-менеджером (или корпусным менеджером). Это специализированная система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме. Также сюда с некоторой долей условности можно отнести средства подготовки и загрузки текстов в корпус.

Современные корпусные системы позволяют решать более сложные задачи, такие как построение частотных списков, выяв-

ление коллокаций (устойчивых сочетаний), ключевых слов и словосочетаний, построение лексико-семантических групп и др.

Функциональность корпусного менеджера определяется типом данных и конкретной задачей, для которой корпус создается. Очевидно, что речевые, семантические, поэтические, диалектологические и прочие корпуса требуют различных метаданных, как лингвистических, так и металингвистических, и, соответственно, разных программных инструментов. То же правомерно и для корпусов, обрабатывающих специальные тексты.

Система управления корпусными данными представляет собой разнообразный комплекс программных средств, которые могут работать автономно, а могут быть объединены в один или несколько комплексов, на самом верхнем уровне выполняющих следующие функции: 1) предварительная обработка текстов; 2) автоматическая разметка; 3) загрузка данных в корпус; 4) поиск в корпусе и выдача результатов (корпусный менеджер); 5) сервисные функции.

Таким образом, необходимо или иметь единый комплекс, который реализует все функции, что бывает крайне редко, или разработать (адаптировать) соответствующие программные средства для каждой процедуры.

В заключение авторы отмечают, что в монографии проанализированы средства и методология создания корпусов специальных текстов. Рассмотрены основные параметры специальных корпусов текстов, возможности их варьирования и взаимосвязь с типами лингвистических задач.

Проведен анализ существующих международных стандартов корпусной лингвистики, разработаны наборы метаданных применительно к специальным корпусам. Разработан собственный формат и программные средства морфологической разметки. Выработаны оптимальные параметры синтаксической аннотации в корпусах текстов.

Адаптирован к работе со специальными корпусами русскоязычных текстов корпусный менеджер NoSketch Engine. Освоена работа с системами Sketch Engine, AntConc.

Сформулированы основные признаки научного термина на уровне формальных параметров, фиксируемых на разных уровнях описания языковой структуры: статистические, статистико-

комбинаторные, синтаксические, морфологические. В случае применения параметров могут быть выделены лексические единицы, сходные с терминами по своим свойствам (прототипы терминов).

Эти параметры заложены в указанные инструментальные средства выделения терминов и терминологических сочетаний. Проверена их эффективность.

На основе разработанной модели программно-лингвистического комплекса созданы корпуса по 31 тематическому направлению общим объемом около 25 млн словоупотреблений. На части из них проведены масштабные эксперименты по автоматизированному выделению терминов и терминологических сочетаний. Эксперименты подтвердили работоспособность разработанных методов. Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность.

Е.А. Казак

2020.04.011. МАЙОРОВА Е.В. О СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ. (Обзор).

Ключевые слова: сентимент-анализ; анализ тональности текста; эмоциональная тональность текста; эмоции; компьютерная лингвистика; прикладная лингвистика; машинное обучение.

Актуальность технологии сентимент-анализа, также известного как автоматический анализ тональности текста, в современном мире растет. Данная технология позволяет обрабатывать большие объемы текстов, что находит применение во многих сферах. Сентимент-анализ может использоваться для мониторинга общественного мнения, проведения маркетинговых кампаний, оценки новостных событий, прогнозирования мнений на основе анализируемых текстов, выявления эмоционального насилия.

Статья А.В. Колмогоровой и др. [Колмогорова, Калинин, Маликова, 2018] посвящена обсуждению промежуточных результатов проекта ранжированного классификатора русскоязычных текстов. В статье представлен подробный теоретический обзор современного этапа развития систем сентимент-анализа. Авторы пишут, что развитие современных технологий позволяет анализировать и классифицировать тексты по представленному в них эмо-

циональному состоянию, – радости, грусти, гнева, – «исходя из анализа статистической значимости некоторых лексем, языковых конструкций, их морфологических и синтаксических признаков, рассматриваемых как маркеры того или иного класса эмоций» [там же, с. 140]. В то же время авторы указывают на определенный ряд дискуссионных вопросов, возникающих несмотря на то, что и с лингвистической, и с технической стороны задача классификации текстов является достаточно разработанной.

Традиция изучения вербального проявления эмоций – лингвистическая эмотиология, являющаяся достаточно сформировавшейся традицией в лингвистике, в последние годы получила широкое распространение и развитие вследствие значительного роста текстового материала за счет популяризации Интернета и социальных сетей.

С технологической стороны сентимент-анализ представляет собой «процедуру идентификации и извлечения из текста эмоционально и оценочно окрашенного отношения говорящего или пишущего к предмету высказывания» [там же]. В настоящее время возрос интерес к возможностям сентимент-анализа со стороны коммерческих организаций, которые используют данную технологию для изучения общественного мнения относительно своих товаров и услуг.

Основными типами классификаторов текстовых данных являются двухчастные и трехчастные классификаторы. Двухчастные классификаторы позволяют разделить тексты на положительно-оценочные и негативно-оценочные (иногда на тексты, имеющие объективную или субъективную модальность), трехчастные же позволяют выделить три типа текстов: положительно-оценочные, негативно-оценочные и нейтральные. Фокусирование разработчиков на выявлении наличия оценки, а не собственно эмоции, отмечено авторами как недостаток современных систем сентимент-анализа.

Технологии сентимент-анализа основываются на двух группах методов: (1) методах, использующих правила и словари оценочной лексики, и (2) использовании машинного обучения. Отмечается отсутствие достаточных по объему размеченных коллекций текстовых данных для русского языка, в связи с чем применение машинного обучения становится затруднительным. Таким обра-

зом, создание общедоступной размеченной коллекции русскоязычных текстов становится весьма востребованной задачей.

В рамках своего проекта авторы стремятся к созданию программы, способной автоматически классифицировать русскоязычные фрагменты текстов по девяти категориям на основе доминирующей в них эмоции: (1) интерес / возбуждение, (2) удовольствие / радость, (3) удивление, (4) страдание / тоска, (5) страх / ужас, (6) стыд / унижение, (7) брезгливость / отвращение, (8) злость / гнев, (9) нейтральные тексты. Теоретической основой для выделения данного репертуара эмоций послужила классификация эмоций Г. Левхейма, известная как «куб Левхейма». Нейрофизиологом Г. Левхеймом были выделены восемь эмоций, зависящих от сочетания уровня трех мономинов – серотонина, дофамина и норадреналина в крови субъекта эмоции. Первая номинация в классе отражает наименее выраженную степень эмоции, а вторая – наивысшую. Классификатор был разработан на основе технологии машинного обучения с учителем. В качестве коллекции текстов был взят художественный текст, вручную разбитый на 1500 фрагментов, которые в дальнейшем были классифицированы волонтерами по девяти вышеназванным категориям. Далее на основе метода «мешка слов» и метода лингвистической экспертной оценки были выявлены дискриминантные черты каждого из классов и построена статистическая модель вероятности принадлежности текста к тому или иному классу.

Авторы проекта поднимают ряд дискуссионных вопросов, возникающих на этапе обсуждения промежуточных результатов. Среди вопросов лингвистического характера трудность определения субъекта эмоции-критерия (вследствие того, что в основе выборки лежит художественный текст, субъектом эмоции можно считать и автора, и персонажа, и реципиента текста) и асимметрия между выражаемыми и переживаемыми эмоциями. Среди технических моментов авторы выделяют выбор сверхфразового единства в качестве уровня анализа, так как одного предложения может оказаться недостаточно для определения эмоции, а также проблемы полифоничности эмоций большого количества разрядов лексических единиц, выражающих эмоцию. Предполагается, что адекватность принятых теоретических решений будет проверена на практике в дальнейшем.

В другой статье [Колмогорова, 2019] автор рассматривает возможность применения текстов другого жанра для создания обучающей выборки текстов. В частности, в данной работе рассматривается жанр нарративных интернет-откровений, появившийся относительно недавно в русскоязычной социальной сети «ВКонтакте». Автор формулирует вопрос о преимуществах и ограничениях использования данного жанра в сравнении с другими интернет-жанрами.

Жанр интернет-откровений – достаточно новое явление и не имеет закрепившегося определения в научной литературе. В статье подробно анализируется контент публичной группы, в которой публикуются тексты интернет-откровений. Так, контент группы составляют «эмоционально окрашенные нарративы от первого лица, в которых авторы анонимно <...> делятся самыми интимными личностными переживаниями» [там же, с. 74]. Опубликованные на интернет-странице тексты находятся в рамках разговорного письменно-речевого стиля, характерного для интернет-среды, и иногда включают обсценную лексику. Разнообразная тематика контента отражается в наборе хештегов группы. Автор статьи предлагает краткое описание данного жанра, следуя методологии нарративной семиотики: актантом выступает человеческая личность, субъектом – «я» рассказчика, объектом – образ самого себя. Актантную позицию помощника занимает откровенность, а чувство стыда выступает в роли противоборствующей силы.

Большинство кейсов, выполненных с использованием технологий сентимент-анализа, позволяют классифицировать тексты на две или три группы (позитивно-оценочные, негативно-оценочные и иногда нейтральные тексты) и часто объединяются в группу *opinion mining technologies*. Основными источниками данных для них являются твиты, посты в блогах, пользовательские рецензии на товары и фильмы и финансовые отчеты. Так как проект классификатора, описываемый автором, предполагает не двух- и трехчастную классификацию, а более сложную схему «8 эмоциональных классов + 1 нейтральный», возникает вопрос о возможности использования вышеназванных жанров для данной цели. Расположив различные жанровые разновидности текстов, традиционно используемых в качестве источников данных для сентимент-анализа, между тремя лингвистическими категориями, – экспрес-

сивностью, оценочностью и эмотивностью, можно увидеть, что из всех интернет-жанров интернет-откровения и посты в блогах обладают наибольшей степенью эмотивности.

Помимо наибольшей выраженности категории эмотивности, интернет-откровения обладают рядом других преимуществ. Во-первых, их размер не является ни слишком большим, ни слишком маленьким, но достаточным для идентификации эмоции. Во-вторых, они обладают всеми основными чертами интернет-дискурса: вводными, неполными, параллельными и эллиптическими конструкциями, обилием повторов, вопросительных и восклицательных предложений, сокращений, разговорных и просторечных лексических единиц. Третье преимущество интернет-откровений связано со способом их публикации: редактор перед публикацией приписывает каждому тексту хештег, таким образом фиксируя эмоцию, которую описывает автор текста. Это значительно упрощает задачу разработчикам классификатора, которым остается только соотнести хештеги с восемью эмоциональными классами. Тем не менее все тексты интернет-откровений являются эмоционально окрашенными, вследствие чего авторам предстоит использовать внешний корпус нейтральных текстов.

Единственным существенным недостатком данного жанра является тот факт, что все тексты представляют собой примеры нарративного дискурса. Отсутствие в выборке текстов-дескриптивов и текстов-аргументативов может оказать негативное влияние на точность модели.

Таким образом, тексты жанра интернет-откровения кажутся весьма удачным материалом для создания обучающей выборки.

В статье Г.К. Гималетдиновой и Э.Х. Довтаевой [Гималетдинова, Довтаева, 2020] рассматривается возможность применения сентимент-анализа для лингвистических исследований эмоциональной составляющей читательского комментария – жанра интернет-коммуникации, «<...> изучаемого в неразрывной связи с новостной статьей, к которой он оставлен в режиме онлайн» [там же, с. 42]. Автоматизированная обработка текстового материала предоставляет исследователям существенные возможности для проведения качественного и количественного анализа эмоциональности читательских комментариев. В своем исследовании ав-

торы статьи изучают особенности выражения эмоциональности у представителей англоязычной и русскоязычной культур.

Изучив данные об исследовании других жанров интернет-коммуникации, авторы статьи делают вывод о невозможности применения неавтоматического способа обработки материала на большом объеме комментариев и предполагают, что качественный анализ эмоциональной составляющей читательских комментариев возможен только в случае применения методов автоматического сентимент-анализа. В настоящий момент существуют два основных метода автоматического определения тональности текста: статистический (на основе заранее размеченных по тональности текстов) и основанный на использовании заранее созданных тональных словарей – семантических тезаурусов позитивных и негативных слов и выражений.

Исследование эмоциональной тональности читательских комментариев проводилось в три этапа. На первом этапе были отобраны 38 газетных статей и составлена картотека читательских комментариев. Второй этап заключался непосредственно в самом проведении автоматического сентимент-анализа отобранного материала при помощи прикладного программного интерфейса ParallelDots API. В результате были выявлены комментарии с позитивной, негативной и нейтральной тональностью. На третьем этапе был произведен экспертный анализ читательских комментариев, позволивший определить, какие именно темы приводят к появлению той или иной тональности читательских комментариев.

В результате исследования было выявлено, что среди русскоязычных комментариев преобладали негативные комментарии (59,3%), в то время как среди англоязычных комментариев наибольшую группу составляли комментарии с нейтральной тональностью (46,1%). И среди русскоязычных, и среди англоязычных комментариев наименьшую долю составили комментарии с позитивной тональностью, однако в процентном соотношении среди русскоязычных комментариев их оказалось вдвое больше (17,7 и 8,4% соответственно).

На этапе экспертного анализа все три типа комментариев были разделены на подгруппы. Среди комментариев позитивной тональности были выделены (1) комментарии, выражающие сочувствие (31,4% среди русскоязычных и 28% среди англоязыч-

ных); (2) комментарии-призывы (5,9 и 7,5% соответственно); (3) отвлеченные комментарии (62,7 и 64,5%). Негативная тональность комментариев была представлена в четырех подгруппах: (1) затрагивающие политические темы (26,4% среди русскоязычных и 49,3% англоязычных); (2) комментарии, содержащие насмешку, иронию или сарказм (16,9 и 13,5%); (3) содержащие оскорбления, имплицитную или эксплицитную оценку ситуации (9,9 и 5,8%); (4) отвлеченные комментарии (46,8% русскоязычных и 31,4% англоязычных). Нейтральные комментарии представлены тремя подгруппами: (1) комментарии на политические темы (6,3% русскоязычных и 16,4% англоязычных нейтральных комментариев); (2) комментарии-отклики (5,2 и 2,7%); (3) отвлеченные комментарии (88,5 и 80,9%). На основании полученных результатов авторы делают вывод о частом употреблении русскоязычными пользователями негативной оценочной лексики, а также большого количества иронии, сарказма и оскорблений, направленных на государство и других комментаторов, в то время как среди комментариев к англоязычным статьям превалирует нейтральная тональность.

Таким образом, авторы приходят к выводу об успешном применении автоматического анализа тональности в изучении читательских комментариев. Несмотря на общий успех применения сентимент-анализа, были отмечены отдельные несоответствия между результатами автоматизированного и экспертного анализа. Предполагается, что подобное несоответствие вызвано неспособностью программного интерфейса выявить подтекст читательских комментариев, выраженный большим количеством иронии и сарказма. В целом автоматический анализ тональности текста представляет собой достаточно объективный и действенный метод, который может с успехом применяться не только в области социологических, но и лингвистических исследований.

М.В. Чернышевич в своей работе [Чернышевич, 2018] анализирует основные существующие типы классификации тональности мнений и предлагает свою шкалу мнений, которая оперирует одновременно как абсолютными, так и сравнительными оценками.

Популярная в настоящее время категориальная шкала, чаще всего является бинарной и оперирует положительной и отрицательной тональностями, которые в некоторых работах дополняют-

ся смешанной и нейтральной. Использование бинарной шкалы требует предварительной фильтрации объективных суждений и нейтральных мнений, что представляет дополнительные неудобства пользователю.

Количественная шкала, используемая наряду с категориальной, не только выявляет наличие сентимента, но и определяет его интенсивность по определенной шкале. В то же время сфера применения многомерных шкал, учитывающих различные эмоциональные оттенки, весьма специфична и ограничена.

Другим существенным недостатком существующих шкал тональности является то, что они учитывают только общие оценки, в то время как сравнительные и частотные оценки, отражающие причины возникновения эмоционального отношения автора, остаются неучтенными. Так, проведя исследование корпуса сообщений пользователей социальных сетей и интернет-платформ, автор статьи приходит к выводу о необходимости создания «гибкой, ориентированной на построение как абсолютных, так и сравнительных оценок [шкалы]» [там же, с. 138]. Предложенная им шкала тональности мнений оперирует как абсолютными, так и сравнительными оценками, что позволит сделать системы сентимент-анализа востребованными у массового пользователя. В такой шкале разделяются общая оценка (Positive – положительная, Negative – отрицательная), отражающая только оценочное значение, и частотная оценка (Appreciation – положительная, Deficiency – отрицательная), которая позволяет проанализировать, что именно нравится или не нравится пользователю. Кроме того, автор выделил дополнительные категории тональности, указывающие на желания и потребности пользователей (например, Desire, Wish). Также отмечается, что в одном и том же предложении могут содержаться разные типы оценок мнений. Таким образом, по мнению автора, представленная в работе шкала является наиболее приемлемой для решения задач сентимент-анализа.

Исследование [Sentiment analysis, 2020] посвящено возможности использования метода анализа тональности текстов научной литературы для упрощения мета-анализа эффективности тех или иных мер, принимаемых в определенной научной сфере. В настоящее время количество опубликованной научной литературы настолько велико, что даже в узкоспециализированных отраслях

экспертам требуются месяцы работы, чтобы собрать необходимые для работы данные. Обработка естественного языка (Natural Language Processing – NLP) позволяет автоматизировать процесс обработки большого объема текстовой информации при минимальном участии человека. Анализ тональности, применяемый в данном исследовании, подразумевает выделение в тексте отдельных проявлений тональности при помощи заранее подготовленного набора текстов, в которых тональность уже определена и оценена.

В статье представлены результаты анализа тональности англоязычных аннотаций к научным статьям, посвященным реинтродукции – переселению диких животных и растений на территории, где они ранее обитали, но по каким-либо причинам исчезли. В процессе работы был собран корпус из 4313 исследований, опубликованных в 1987–2016 гг.; объем корпуса аннотаций составил 1 030 558 словоформ. В ходе проведения анализа тональности были применены языковые модели, обученные на материале текстов общей тематики и не применявшиеся ранее для анализа научных текстов. В связи с этим авторы исследования уделили особое внимание связи между степенью тональности текстов и наличию в них терминологической лексики.

Самыми частыми позитивно окрашенными словами стали: *success, protect, growth, support, help, benefit* ('успех', 'защищать', 'рост', 'поддерживать', 'помогать', 'преимущество'); негативно окрашенными словами: *threaten, loss, risk, threat, problem, kill* ('угрожать', 'утрата', 'риск', 'угроза', 'проблема', 'убивать'). Авторы исследований выявили общий тренд на увеличение позитивно окрашенных текстов с течением времени, что свидетельствует о положительном развитии данной дисциплины. Авторы исследования делают вывод об успешности применения методов сентимент-анализа для анализа научной литературы.

Таким образом, мы можем говорить о высокой востребованности автоматического анализа тональности текстов в современном мире и расширении перспектив его применения.

Список литературы

Гималетдинова Г.К., Довтаева Э.Х. Сентимент-анализ читательского интернет-комментария к политическому тексту // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1 (79). – С. 42–51. – DOI: 10.26170/pl20-01-05.

Колмогорова А.В. Использование текстов жанра «интернет-откровение» в контексте решения задач сентимент-анализа // Вестник НГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17, № 3. – С. 71–82. – DOI: 10.25205/1818-7935-2019-17-3-71-82.

Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1(29). – С. 139–148. – DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148.

Чернышев М.В. Классификация тональности мнений для задачи автоматического сентимент-анализа текста // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. – 2018. – Т. 28. – С. 136–140.

Sentiment analysis of conservation studies captures successes of species reintroductions / *van Houtan K.S., Gagne T., Joppa L., Jenkins C.* // Patterns. – 2020. – URL: <https://osf.io/f4dc7/>

2020.04.012. КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛИНГВИСТИКА И “НЕЛИНГВИСТИКА”».

Ключевые слова: дискуссия; лингвистика; наука – псевдонаука; междисциплинарность; лингвокультурология.

07 ноября 2019 г. в Институте русского языка им. А.С. Пушкина (Москва) прошел круглый стол на тему «Лингвистика и “нелингвистика”: Как междисциплинарность меняет границы». Обсуждение выявило интерес к теме и множественность взглядов, существующих в профессиональном сообществе. Данный обзор написан на основе статей, отражающих материалы докладов, сделанных на заседании круглого стола. Статьи опубликованы в выпуске журнала «Русский язык за рубежом», издаваемого Институтом русского языка им. А.С. Пушкина¹.

Раздел открывается статьей Н.Г. Брагиной «Подвижные границы лингвистики», в которой анализируется проблема разграничения науки и «ненауки» и представлены точки зрения по этой теме. Автор отмечает, что в течение XX в. философы и методологи науки стремились выработать универсальные критерии для распознавания рационального научного знания и отделения его от ненау-

¹ Общая проблематика представлена в электронной версии. – URL: http://www.pushkin.institute/science/russkiy_yazyk_zh_rubezhom/

Работы цитируются по: Русский язык за рубежом / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 2020. – № 1 (разд. Границы лингвистики). – С. 4–55.

учных и псевдонаучных теорий. Среди таких попыток – принцип фальсифицируемости (опровержения) гипотез, выдвинутый К. Поппером в дополнение к принципу верифицируемости, выдвинутому неопозитивистами, а также предложенный И. Лакатосом принцип неопровергаемого «жесткого ядра», которое дополняется изменяющимися гипотезами. В противовес им Т. Кун ввел понятие сменяющихся на протяжении истории научных парадигм, внутри которых определяются ключевые темы и подходы к их изучению.

В отечественной лингвистике во второй половине XX и в первые десятилетия XXI в. также предпринимались попытки определить границы научности – ненаучности. Так, А.А. Зализняк «очертил границы *любительской лингвистики* (иногда ее называют *лжелингвистикой*), а в качестве ее яркого представителя рассмотрел работы А.Т. Фоменко» [с. 5]. Как показал А.А. Зализняк, основным объектом интереса лингвистов-любителей становится этимология.

В настоящее время активно ведется полемика вокруг научности отдельных работ в области лингвокультурологии. Н.Г. Брагина считает скептическое отношение некоторых лингвистов к лингвокультурологии в целом несправедливым: «В русле этого направления последовательно ставятся вопросы аналитического описания оценочной и образной семантики лексических единиц, используются методы контрастивного анализа» [с. 6]. Существование «наивной» лингвокультурологии и отдельные слабые работы не являются основанием считать всю лингвокультурологию псевдонаукой.

В.М. Алпатов в статье «Определения лингвистики в разные эпохи» отмечает, что при очевидности основного предмета лингвистики (изучение языка) в истории европейской лингвистической традиции границы между лингвистикой и «нелингвистикой» постоянно менялись, причем границы лингвистики то сужались, то расширялись. В качестве примеров приводятся парадигмы предыдущих столетий: если в XIX в., особенно во второй его половине, в лингвистике доминировала сравнительно-историческая парадигма, то в XX в. она стала «строго» синхронной. Ф. де Соссюр и структуралисты выводили за пределы лингвистики вопросы о функционировании языка, его связи с психологией и внеязыковыми усло-

виями. Так, Л. Блумфилд в полемике с представителем гумбольдтовского направления Л Шпитцером писал, что обращение к таким категориям, как «разум», «сознание», «понятие», вредят лингвистике и другим наукам [с. 12]. Советские структуралисты стремились вывести лингвистику из области гуманитарных дисциплин и сделать ее точной наукой. Вопросы речи и связи языка с психической реальностью исследовались в те годы в сфере психологии (А.Р. Лурия и его ученики), а не лингвистики. В дальнейшем генеративная парадигма, основанная Н. Хомским, вновь установила связь лингвистики со смежными науками, прежде всего психологией, относя эти вопросы к сфере употребления языка (performance).

В современной лингвистике развивается антропоцентричное когнитивное направление, в котором проблематика лингвистики понимается значительно шире. Как отмечает В.М. Алпатов, это позитивный процесс, который, однако, включает в себе опасность. Обнаруживается стремление лингвистики к неограниченной экспансии во все сферы гуманитарных исследований, что приводит к снижению уровня научной строгости.

В.З. Демьянков в статье «Ребята, это не лингвистика, это языкознание!» прослеживает развитие значений и употреблений слов с основой *linguist* в европейских языках и в русском, сопоставляя их с употреблением слов «языкознание» и «языковедение» в русскоязычной традиции. Автор полагает, что их дифференциация помогает понять то, каким образом наука о языке определяет свой предмет.

В европейских языках слово *linguist* / *linguiste* появилось в середине XVI в., первоначально в Англии; производные от него существительное и прилагательное вошли в употребление только начиная с 20-х годов XIX в. Их первоначальные значения были связаны с понятиями 'свойственный языку' и 'направленный на практическое изучение и знание языков' [с. 16]. Значение, отсылающее к понятию 'связанный с теоретическим изучением языка', вошло в обиход в европейских языках в 30–40-е годы XIX в. благодаря развитию сравнительно-исторического метода, ставшего доказательной основой науки. В русском языке слова с этой основой начали применяться в обыденной речи в середине XIX в., также первоначально означая практическую сторону – 'серьезные

знания языков и умение ими пользоваться'. Мода на термины «лингвистика», «лингвист / лингвистка» свидетельствовала об интересе к иностранным языкам, а также к науке о языке в российском обществе [с. 17].

Термины «языкознание» и «языковедение» также связывались в XIX в. с разными аспектами предмета: первый с практическим знанием языков и умением пользоваться языком, а второй – с научным их изучением. Таким образом, первый из русских терминов был ближе к сосюрговскому *langage*, относящемуся к речи, а второй ассоциировался с *langue* – языком как абстрактной системой знаков. Со временем оба термина стали обозначать 'науку о языке', вытеснив «лингвистику».

Термины с основой *linguiste* только в конце XIX – начале XX в. в Европе обрели значение, связанное именно с наукой о языке и речи. При этом вследствие распространения теории Ф. де Соссюра значение термина *linguistique* сузилось до обозначения науки, изучающей сугубо *langue* как систему знаков, но не функциональные и социально-культурные составляющие языка / речи. В современном русском языке значения во многом синонимичных терминов «лингвистика» и «языкознание», по мнению В.З. Демьянкова, все же дифференцируются, по-разному отображая представления о границах и преимущественных интересах науки. В термине «лингвистика» доминирует смысл 'научно-организационная деятельность', включая изучение всех «внешних» связей языка. Поэтому, в частности, направление, изучающее язык и языковую деятельность через призму человеческого опыта, получило название «когнитивная лингвистика». «Языкознание» – в первую очередь 'система научных методов и набор знаний о языке как системе знаков'; «человеческие факторы» считаются здесь менее существенными.

М.А. Кронгауз в статье «Лингвистика: Гордость и предубеждение» подчеркивает, что междисциплинарные отношения лингвистики с другими науками, усиливавшиеся в отдельные периоды, способствовали ее развитию и повышению статуса. Отмечается, что в эти периоды лингвистика становилась одной из ведущих наук гуманитарного цикла.

Один из таких периодов – конец XIX – начало XX в., когда философы обратились к языку как важнейшему объекту исследо-

ваний. Работы Л. Витгенштейна, Б. Рассела, М. Блэка, Дж. Остина, П. Стросона стали значительным вкладом в лингвистическую науку. Примерно в тот же исторический период установились междисциплинарные связи между семиотикой и лингвистикой. Междисциплинарный характер приняла также теория лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа: в 1953 г. в г. Чикаго прошла конференция, посвященная этой гипотезе, и в ней приняли участие философы, антропологи, психологи.

Как особый этап М.А. Кронгауз отмечает становление структурной лингвистики в СССР в середине и второй половине XX в. В этом процессе значительную роль сыграло создание в 1960 г. Отделения структурной и прикладной лингвистики на филологическом факультете МГУ. В результате произошло разделение лингвистики и филологии, которое М.А. Кронгауз характеризует как возможность ухода лингвистики от идеологического диктата государства, но при этом называет «жестким» [с. 27]. Изменился объект описания (центральным стал языковой механизм) и методы, сблизившиеся с математическими. Это разделение маркировалось терминами: «математическая лингвистика», «структурная лингвистика», «компьютерная лингвистика», «нейролингвистика», «психолингвистика». В этих направлениях были достигнуты позитивные результаты, однако данная тенденция также означала предубеждение лингвистов к традиционной филологии и другим гуманитарным наукам. В результате в 90-е годы «лингвистика перестала задавать новые тренды и образовывать междисциплинарные пространства, став во многом инженерной наукой, занимающейся конкретной реализацией великих идей прошлого» [с. 29]. Сегодня, по мнению М.А. Кронгауза, развитию лингвистики способствует ее включение в сферу когнитивных исследований.

А.В. Циммерлинг в статье «Филология – враг лингвистики» в полемической форме утверждает, что лингвистика и филология в принципе являются различными, автономными друг от друга науками. Их разграничение определяется разными объектами и методами. Лингвистика описывает регулярные механизмы языка, реализуемые автоматически и регулируемые внутрисистемными отношениями. Максимальной единицей лингвистики является предложение, методы – естественно-научные / математические.

Филология – гуманитарная наука, ее объектом является текст как вербальная единица и его жанры.

Лингвистика текста, возникшая в рамках дихотомии лингвистики vs филологии, характеризуется А.В. Циммерлингом как «скрытая филология» [с. 21, 23], поскольку она занимается «анализом произвольных фрагментов текста, не образующих какую-либо парадигму» [с. 23]. Однако в этой области часть исследователей применяют элементы аппарата современной лингвистики, комбинируя его с методами анализа текста. Эту область можно расценивать как расширение лингвистики, но не как ее составную часть.

В статье В.И. Карасика «Социально-языковая идентичность: Динамика, виртуализация, моделирование» прослеживаются тенденции современного развития социолингвистики – междисциплинарного направления, возникшего на стыке лингвистики и социологии. Одним из его важных аспектов стало изучение социально-языковой идентичности, которая представляет собой вид социальной идентичности.

Эта исторически изменчивая категория сочетается с целым рядом измерений человека, поэтому изучение социально-языковой идентичности выявляет подвижность границ между лингвистическим, социологическим, культурологическим и политологическим осмыслением коммуникативного поведения. В.И. Карасик подчеркивает, что дисциплинарная принадлежность исследования определяется тем, какая информация рассматривается в качестве его результата. Для социолингвистики это информация о закономерностях вербальной коммуникации в той или иной социальной группе, для культурологии – сведения о характеристиках культуры общества в социально-групповом измерении. «Социолингвистическое изучение языка и культуры вносит важные уточнения в лингвокультурологическое описание коммуникативного поведения» [с. 33]. Однако при этом профессиональные исследования и выводы социолингвистов должны противостоять «наивным» представлениям о социальной идентичности. Свои суждения В.И. Карасик иллюстрирует примерами из общения в виртуальной среде, на которую сильно влияет процесс глобализации, в частности усиленное проникновение норм и стереотипов, принятых в лингвокультуре США.

М.Л. Ковшова в статье «Наука о языке как часть науки о человеке: Культурологическое движение в лингвистике» анализирует истоки и причины развития междисциплинарных направлений в современной науке о языке, в том числе лингвокультурологии. Расширение границ лингвистики определяется существующим в наше время в гуманитарной сфере запросом на интегративное знание. Формируется фундаментальная парадигма научного познания, исходящая из признания категории информации основанием цивилизации и культуры, поэтому требуется междисциплинарный анализ, дающий доступ к знаниям о разных информационных кодах и структурах и к принципам их согласования.

Культурологическая парадигма в науке о языке, в которой проводятся исследования взаимосвязей языка и культуры (ее также называют антропологической), имеет давнюю историю и развивается в разных направлениях. М.Л. Ковшова отмечает работы В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Ш. Балли, Э. Бенвениста, Р. Барта; среди отечественных исследователей – А.А. Потебня, В.В. Виноградов, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др. Названными выше авторами созданы уже ставшие классическими работы. В лингвистику прочно вошли «не совсем лингвистические» понятия и термины: «языковая картина мира», «культурная семантика», «коды культуры», «концепты культуры», «смыслы культуры», «ключевые слова языка» и другие термины [с. 39].

В культурологической парадигме выделилась лингвокультурология, изучающая знаки языка как экспоненты культурной информации, содержащие ее в своей семантике. Анализ проводится на синхронном уровне, однако он способствует установлению связей между современными языковыми знаками и древними архетипами, мифологической картиной мира. Так, лингвокультурологический анализ фразеологизмов выявил в их образной семантике архетипы, мифологемы, символы, стереотипы, установки, т.е. единицы культуры, надстраивающиеся над языковой семантикой фразеологизмов.

М.Л. Ковшова подчеркивает, что лингвокультурология не является единственно правильным направлением в расширяющейся междисциплинарной зоне гуманитарных наук. Однако недостатки или непрофессионализм отдельных работ в этой области не

являются основанием для объявления всего направления лженаучным или псевдонаучным: лингвокультурология не базируется на ложных предпосылках или фактах и не имитирует научный менталитет [с. 41].

В статье В.И. Постоваловой «Теолингвистика в контексте метамоделирования интегративных дисциплин в современном гуманитарном познании» исследуются условия и эпистемологические основания для создания новых научных дисциплин. Круг релевантных вопросов рассматривается на примере теолингвистики.

Главными особенностями научного познания мира названы следующие: 1) оно нацелено на исследование и понимание не всей действительности в целом, а только ее определенных фрагментов; 2) научное познание осуществляется в предметной форме; 3) научное познание «парадигмально», т.е. осуществляется с помощью «особых призм познания (парадигм)» [с. 46]. Обязательными качествами научного постижения мира являются проблемность, системность, рефлексированность, обосновываемость и интересующая проверяемость нового знания.

Условием создания нового направления служит обнаружение таких явлений и фактов, которые ранее либо не попадали в круг рассмотрения существующих направлений, либо не получали в них адекватного объяснения. Именно такая ситуация, по мнению В.И. Постоваловой, наблюдается в современной науке о языке, за пределами которой остаются «сокровенные моменты духовной реальности» [там же] – сотворение мира. Словом, литургический язык, мистико-аскетическая практика священнобесмолвия, а также понятия символа, синергии, личности в религиозном преломлении. Возникновение православно-христианской теолингвистики как самостоятельной интегративной дисциплины вписывается в контекст возвращения современного гуманитарного знания и лингвистики к антропологической парадигме В. фон Гумбольдта, связывающей изучение языка с сознанием, культурой и духовной жизнью человека.

А.В. Кирилина в статье «Описание лингвистического ландшафта города: Лингвистика и “что-то еще” или новое понимание языка?» анализирует характер и причины изменений в представлениях о языке и его интерпретации, происшедших в современной науке. Лингвистические знания все чаще начинают играть роль

вспомогательных описаний и методов в исследованиях, основная цель которых нелингвистическая. А.В. Кирилина связывает это направление с общим изменением эпистемы в гуманитарных науках, характеризуя современный период как постнеклассический.

Признаками этого периода являются, в частности, признание социокультурной детерминированности научной деятельности и рассмотрение объекта как процесса, или динамичной системы. В этой ситуации «экспертное знание лингвиста обогащает интегрированное научное поле» [с. 50].

Лингвистический ландшафт города (ЛЛ) – объект, изучение которого выявляет особенности данных тенденций. ЛЛ представляет собой саморазвивающийся объект, реагирующий на общественные изменения. Его изучение позволяет получить не только лингвистические знания, но также информацию об общественных и культурных изменениях в городском социуме и его группах. Для современного ЛЛ российских городов характерны возросшая интенсивность межъязыковых контактов, движение в сторону транслингвальности и мультимодальности.

Е.О. Опарина

2020.04.013. ЯЗЫК И ПРАВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.Ю. Меликян. – Ростов-на-Дону: ДОНИЗДАТ, 2019. – Вып. 9. – 123 с.

Ключевые слова: язык; право; лингвокриминалистика; юрлингвистика; лингвистическая экспертиза; речевое манипулирование; инвективность; вербальная агрессия; дискурс-анализ; интерпретация; интент-анализ.

На протяжении последних девяти лет Южный федеральный университет издает сборники «Язык и право: Актуальные проблемы взаимодействия», посвященные лингвокриминалистике и обобщающие опыт ассоциации лингвистов-экспертов Юга России.

В реферируемый девятый сборник серии вошли статьи участников IX Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», которые освещают широкий круг проблем на стыке языка и права: теорети-

ческие вопросы современной юрислингвистики, практические аспекты лингвистической экспертизы, речевое манипулирование, экология языка, методика преподавания дисциплин юрислингвистического цикла и др. Издание предназначается для лингвистов-экспертов, филологов, юристов, журналистов, специалистов по речевым электоральным технологиям, рекламе, PR, патентоведению, брендингу и т.д., а также для преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами юридической лингвистики и вопросами науки о языке.

Секция первая посвящена теоретическим вопросам юрислингвистики. В статье «Методология и практика юридизации инвективной лексики» В.Ю. Меликян отмечает, что одной из наиболее актуальных, сложных и слабо разработанных проблем является вопрос о степени инвективности языковых единиц. С чем это связано? Главный методологический принцип лингвистической экспертизы – анализ конфликтного текста (точнее – дискурса) через призму конкретной нормы права, т.е. состава правонарушения. Использование инвективных языковых единиц имеет отношение к делам об оскорблении и защите чести и достоинства. В этой связи возникает необходимость описать факт оскорбительности через параметризацию феномена инвективности, а также установить ее степень. Последнее необходимо правоприменителю для определения соответствующей санкции лицу.

Следует отметить, что несоблюдение норм морали и этики посредством коммуникативной деятельности может формировать разные составы правонарушения. Лишь инвективные языковые единицы, в обязательном порядке характеризующиеся наличием негативных субъективно-оценочных смысловых компонентов, связаны с таким составом, как «оскорбление» (ст. 5.61 КоАП). Языковые единицы, содержащие в сигнификативном аспекте значения семы, выражающие обвинение в обладании лицом какими-либо негативными качествами, не являются инвективными. Те из них, которые содержат обвинения в нарушении норм права или / и норм морали и этики, формируют такой состав, как «клевета» (ст. 128.1 УК) и «унижение чести и достоинства» (ст. 152 ГК). Если же эти обвинения сопровождаются негативной эмоциональной оценкой, такая языковая единица приобретает статус инвективной,

а также содержит признаки другого состава правонарушения – «оскорбление».

Активно обсуждаемое в лингвистической научной литературе противоречие, связанное с наличием *«неприличного содержания»*, но отсутствием *«неприличной формы»*, на самом деле не является таковым. В статье «Оскорбление» (5.61 КоАП РФ) речь идет о *«неприличной форме поведения»* человека, а не о *«неприличной форме языковой единицы»*.

«Неприличная форма поведения» человека представляет собой нарушение норм морали и этики, которое в лингвистическом аспекте проявляется в нарушении установленных правил коммуникативного поведения. «Неприличность» языковой единицы детерминирована исключительно наличием в коннотативном аспекте значения негативных субъективно-оценочных (т.е. эмоциональных) сем.

Неразличение разных составов правонарушения привело к тому, что в юрислингвистике сформировался расширительный подход к толкованию понятия «инвектива», в соответствии с которым инвектива соотносится с негативной эмоциональной оценкой лица, а также с негативной фактологической информацией о лице, например: *«Термином “имплицитная инвектива” в работе обозначается негативно-оценочная информация о лице, выраженная без использования особых лексических единиц, воспринимаемых в сознании носителей современного русского языка как инвективные, а также негативная фактологическая информация о лице, не имеющая эксплицитного выражения»*¹.

Однако в статье «Оскорбление» речь идет о «неприличной форме», а негативная фактологическая информация («порочащие сведения») имеет отношение к ст. 128.1 УК РФ «Клевета» и ст. 152 КГ РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации».

Таким образом, объективная сторона данных составов правонарушения («оскорбление» и «клевета») формируется разными средствами (орудиями) совершения данных деяний: при оскорблении – при помощи негативно эмоциональной оценки (коннотатив-

¹ Заложная И.В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – С. 11.

ный аспект), при клевете – при помощи фактологической информации, т.е. сведений (сигнификативный аспект).

В.Ю. Меликяном предлагается следующая иерархия видов негативного отношения к кому-, чему-л.: 1) неодобрительное (уважительное (неудовлетворенность, порицание, осуждение) / неуважительное), 2) пренебрежительное (неуважительное), 3) презрительное (крайне неуважительное).

Презрительное отношение также может варьироваться по степени проявления: низкая, средняя, высокая. Таким образом, предлагается различать пять степеней инвективности на соответствующей шкале, которые с учетом существующих стилистических помет (их внутренней формы, практики стилистического маркирования лексем, необходимости их систематизирования), можно обозначить следующим образом: 1 – разговорное, 2 – просторечное, 3 – грубо-просторечное, 4 – грубое, 5 – обценное. Удобство (дополнительный плюс) данной типологии заключается в том, что каждая степень инвективности номинируется по названию той стилистической пометы, которая ей соответствует (должна соответствовать) в словаре.

Существует целый ряд факторов, обуславливающих инвективный потенциал лексемы. Следует в первую очередь учитывать интралингвистические параметры лексемы, которые формируют общий коннотативный аспект значения: коннотации, детерминированные спецификой сигнификативного значения, внутренней формы; наличие образности, особенности образа (дистанция в объективной действительности между первичным и вторичным денотатом, а также «аксиологическая дистанция» между ними); тип эмоциональной оценки (общая или частная); тип значения (лексико-семантическое или грамматическое, собственно признаковое значение или опредмеченный признак); характер языкового знака (дискретный или непрерывный); наличие или отсутствие гендерной асимметрии между денотатом и значением. Кроме интралингвистических, существует большое количество экстралингвистических (дискурсивных) источников инвективности. К ним относятся: тема, место и время коммуникации, характер взаимоотношений между коммуникантами, интенция адресанта, наличие или отсутствие адресации, возрастные, гендерные, социальные,

интеллектуальные, культурные, национальные, религиозные и иные параметры коммуникантов и т.п.

Статья В.Ю. Меликяна и В.А. Трофимовой «О лингвистическом статусе феномена “коммуникативное давление”» посвящена актуальной проблематике речевой агрессии. Согласно П.Б. Паршину, «речевое воздействие в широком смысле – воздействие на индивидуальное и / или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами»¹.

Е.В. Шелестюк различает речевое воздействие в широком и узком смысле. С одной стороны, «речевое воздействие – это произвольная и непроизвольная передача информации субъектом реципиенту в процессе речевого общения в устной и письменной формах, которая осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств и определяется сознательными и бессознательными интенциями адресанта и целями коммуникации»². В узком смысле «это влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов»³.

Шелестюк выделяет три основных вида – убеждение, внушение, побуждение – на основе критерия сферы воздействия. Убеждение – «воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению»⁴. Оно основывается на логической системе доказательств, тезисов и выводов, возможно, в совокупности с эмоциональными средствами воздействия, не препятствующими рациональному мышлению. Типичными процедурами убеждения выступают определение, постулирование,

¹ Паршин П.Б. Речевое воздействие. – URL: <http://www.krugosvet.ru> (Дата обращения: 01.04.2020).

² Шелестюк Е.В. Речевое воздействие. Онтология и методология воздействия. – М., 2014. – С. 38.

³ Там же. – С. 39.

⁴ Там же. – С. 43.

обоснование, описание, экспликация, пояснение, доказательство, опровержение, толкование. Однако аргументация здесь рассматривается в широком смысле, как понятие более сложной сферы интеллектуально-речевой коммуникации. «Аргументация направлена на достижение ожидаемого коммуникативного эффекта, она стремится “навязать” реципиенту значение истинности»¹. Таким образом, порождается манипулятивный вид аргументации, который характеризуется «игнорированием реальных интересов адресата и внедрением в его психику целей, желаний, намерений, отношений или установок, не имеющих у него в момент осуществления речевого воздействия»². Особенностью такого воздействия является его мнимая апелляция к критическому мышлению, так что процедура манипулятивного убеждения формально схожа с истинным объективным рассуждением. Однако в первом случае реципиенту заведомо предоставляются аргументы таким способом, который предопределяет его выбор. В то время как при убеждении выбор, принять или опровергнуть предложенную коммуникантом мысль, остается за слушающим, «в манипуляции у адресата более пассивная роль, он не может противостоять манипуляции и становится ее жертвой»³. Не располагая достаточными сведениями о предмете речи или истинных намерениях адресанта, реципиент не способен распознать коммуникативные ловушки и рассматривает условия манипулятора как вполне приемлемые. Таким образом, убеждение – это эксплицитный тип воздействия, предоставляющий взвешенные аргументы, соответствующие объективной действительности, а также открытую форму интенции автора. Манипуляция направлена на скрытое влияние «на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» «путем искусного использования определенных ресурсов языка»⁴.

¹ Шелестюк Е.В. Речевое воздействие. Онтология и методология воздействия. – Москва, 2014. – С. 44.

² Там же. – С. 46.

³ Озюменко В.И. Манипуляция общественным сознанием в средствах массовой информации как угроза национальной безопасности // Язык, культура и «мягкая сила». – 2018. – С. 29.

⁴ Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – Москва: Флинта: Наука, 2010. – С. 25.

Под внушением Е.В. Шелестюк понимает такой тип воздействия, который препятствует сознательному восприятию и обработке информации. Объектом внушения выступает подсознание, которому навязываются определенные идеи или поведение. Внушение проявляется на различных языковых уровнях высказывания и осуществляется путем бессознательного присоединения мысли адресата к картине мира реципиента.

Побуждение рассматривается как стимулирование адресата к действию с помощью открытых методов воздействия как в мягкой допустимой форме, так и в жесткой с нарушением коммуникативных норм.

Л.М. Месропян выделяет такие виды речевого воздействия, как убеждение, манипуляция, агрессия и приказ¹, в то время как П.П. Лобас настаивает на следующей классификации: убеждение, манипуляция, приказ и обман². Большинство исследователей приходят к выводу, что разграничение убеждения и манипуляции основывается на критерии открытой / скрытой формы осуществления речевого воздействия. По мнению Е.Л. Доценко, «манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент»³.

В приводимом в статье примере из фильма «Географ глобус пропил» учительница пытается возражать решению директора принять на работу человека, по ее мнению, несведущего в педагогической деятельности. Пытаясь убедить своего потенциального коллегу в его некомпетентности, она использует тактику намека:

– А вы представляете себе... э-э... Виктор Сергеевич, – губы ее брезгливо вздрагнули, – что такое работа учителя? Вы имеете понятие о психологии подростка? Вы сможете составить себе

¹ Месропян Л.М. Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2014. – С. 6.

² Лобас П.П. Лексические средства убеждения и манипулирования в политическом дискурсе (тропика, синонимика, топика): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 47.

³ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – Москва, 1997. – С. 60.

программу и планы индивидуальной работы? Вы умеете пользоваться методическими пособиями? Вы вообще представляете себе, что такое школа?

Однотипные по своей синтаксической организации вопросы в рамках приведенного контекста выполняют нехарактерную для них функцию. Они используются вовсе не для получения новой информации, а для того, чтобы заставить собеседника задуматься о целесообразности своих намерений.

Реализуя нетипичную для него функцию, вопрос акцентирует внимание адресата на предмете речи. Адресант при этом не ожидает ответа, а косвенно призывает оппонента дать ответ на заданные вопросы самому себе, в чем и заключается тактика намека, действие которой усугубляется тактикой нагнетания. Данная тактика «строится за счет последовательности экспрессивных речевых актов ассертивного типа с интенцией порицания»¹. Риторические вопросы, не предполагающие участия второго коммуниканта в разговоре, при чрезмерном использовании могут превратиться из средства речевой выразительности в настоящее вербальное оружие. Они препятствуют смене коммуникативной роли, что приводит к доминированию одного из говорящих, в чем проявляется нарушение максимы количества и максимы такта. Кроме того, построенная по принципу анафоры речь (*Вы имеете, Вы сможете составить, Вы умеете пользоваться*) приобретает категоричный и бескомпромиссный характер.

Широкое употребление профессиональной лексики (*программа, планы индивидуальной работы, методические пособия*) подавляет уверенность в себе собеседника и в конечном итоге отрицательно влияет на его психологическое состояние. Все данные приемы заряжают высказывание агрессией и слишком активно воздействуют на адресата. Своего апогея агрессия достигает в последнем предложении, которое с помощью лексемы вообще, носящей оттенок пренебрежения, резюмирует все вышесказанное.

Н.В. Судзиловская в статье «Терминология правовых актов: требования, предъявляемые к ней на законодательном уровне» обсуждает проблематику терминологии закона.

¹ Мощева С.В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации (на материале коммерческого и некоммерческого рекламного дискурса): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2017. – С. 399.

Особенности понятий закона отмечались в работах различных ученых: А.С. Пиголкина, В.Ю. Туранина, Е.В. Васьковского, И.А. Ильина, Ю.Г. Арзамасова, А.А. Кененова и Г.Т. Чернобель, Н.Ф. Ковкель, А.И. Кулеш и др.

Обращались к данному вопросу и практики, участвующие в подготовке нормативных правовых актов. В Методических рекомендациях Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по лингвистической экспертизе законопроектов содержатся как рекомендации, так и наглядные примеры правки ошибок в использовании терминов в действующих законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации¹.

Н.А. Калинина в научно-практическом пособии «Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы» в задачи лингвистической экспертизы включает оценку стилистического качества текстов законопроектов, соответствия нормам современного русского языка с учетом функционально-стилистических особенностей юридических текстов, их типологической специфики, терминологии². В Российской Федерации проект Закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», активно обсуждаемый на протяжении уже нескольких лет, так и не был принят. Если рассматривать его как вероятный к принятию проект закона, то следовало бы отметить, что лексема «термин» в нем встречается всего 2 раза и раскрывает правила единообразного употребления терминов и определения специальных терминов.

Следует отметить, что белорусский законодатель начал закрепление требований к юридической терминологии принятием Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее – Закон-2000), продолжил изданием Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 «О мерах по совершенствованию

¹ Методические рекомендации Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по лингвистической экспертизе законопроектов. – М.: Изд. Гос. Думы, 2013. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70363040/> (дата обращения: 30 апреля 2020 г.).

² Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы. – М.: Известия, 1997. – С. 13.

нормотворческой деятельности» (далее – Указ № 359) и усовершенствовал в 2018 г. в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон-2018).

Статьей 28 «Основные требования нормотворческой техники» Закона-2018 установлены также и общие требования к терминологии правовых актов: единство терминологии в законодательстве, единообразии и однозначности терминологии нормативного правового акта. Данные нормы ранее содержались в статье 23 «Общие требования, предъявляемые к нормативному правовому акту» Закона-2000 и в пунктах 48 и 49 Указа № 359 и практически не претерпели изменений.

Языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта, регламентированные статьей 29 Закона-2018 и статьей 31 Закона-2000, претерпели значительные изменения, касающиеся порядка слов в предложении, ограничений в применении однородных членов предложения, деепричастных оборотов, количества строк в предложении и др. Например, установлено, что одно предложение в рамках одного структурного элемента, как правило, не должно превышать шести строк. Что касается непосредственно терминологии, то требования к ней, установленные данной статьей, практически не изменились и содержат общее предписание об использовании юридической терминологии.

Пунктом 3 статьи 30 Закона-2018 установлены условия введения новых терминов и их определений:

- термин обозначает понятие, которое ранее не использовалось в законодательстве;
- имеющиеся определения не позволяют передать точное значение термина ввиду особенностей сферы правового регулирования нормативного правового акта;
- термин по-разному трактуется юридической наукой и в практике правоприменения.

Секция вторая конференции и сборника носит название «Психологические аспекты лингвистической экспертизы и речевое манипулирование». В работе А.Г. Волковой «Методика интент-анализа в лингвистической экспертизе устного текста: проблема интерпретации текста» указывается на то, что коммуникативные намерения говорящего (коммуниканта) не менее важны, поэтому

они все чаще становятся объектом судебной лингвистической экспертизы. Для рассмотрения намерений (интенций), по-разному проявляющих себя в процессе коммуникации, может быть применен метод интен-анализа.

Интен-анализ является методикой, которую используют в работе судебные эксперты-психологи, однако анализ интенций (намерений) может также осуществляться экспертом-лингвистом при проведении комплексной психолого-лингвистической экспертизы устного или письменного текста.

Исходя из порождения интенций, подход к изучению интенций текста – не только устного, но и письменного – можно определить как психосемантический, т.е. связанный с рассмотрением семантических пространств, а также с реконструкцией системы личностных смыслов, индивидуальных значений автора текста. Реконструкция индивидуальных значений важна при выделении и определении интенций говорящего.

Интенция, или намерение, выделяется из текста по совокупности признаков, выявляемых посредством следующего алгоритма интен-анализа: 1) определение стиля текста (если речь идет о письменном тексте) и особенностей коммуникативной ситуации; 2) выделение языковых средств, характерных для того или иного стиля речи (эмоциональная окрашенность текста, сравнения, лексические особенности, наличие специфических эпитетов); 3) выделение грамматических средств и их интерпретация: употребление и динамика употребления личных местоимений, существительных, глаголов; 4) выделение значимых для автора текста тем или микротем, объектов разговора (если речь идет об устном тексте); 5) выделение или редуцирование тем текста проходит в зависимости от наличия так называемых дескрипторов, т.е. описаний или подробностей, касающихся объектов устной или письменной речи; 6) выделяются только те темы, которые имеют не менее двух дескрипторов, в противном случае тема считается не значимой для анализа целевой установки автора текста; 7) количественная обработка данных: подсчет количества значимых тем-интенций; 7) интерпретация результатов.

Если проанализировать изложенные этапы анализа, то можно увидеть, что основная проблема – это интерпретация данных, полученных в результате интен-анализа текста, предполагающая

качественную обработку данных, которая, с одной стороны, связана с количественной обработкой, с другой – использует количественные данные для получения выводов по тексту. Сложность интерпретации данных заключается, во-первых, в возможности субъективности при осуществлении этой процедуры; во-вторых, в возможной неоднозначности самих интенций: «фактор “размытость интенций” является важной особенностью функционирования языка в целом и связан с его глубинной природой»¹.

Эксперт-лингвист анализирует информацию, содержащуюся в диалоге или полилоге, на трех уровнях: 1) лексический уровень: утверждение, мнение, оценка заключаются в употребленных лексемах; 2) уровень фразы (высказывания): в этом случае при нейтральных лексических средствах (не содержится языковых маркеров мнения, оценки) смысл передается в presupпозиции. «Presupпозиции образуют такой компонент плана содержания высказывания, который предполагается известным участникам ситуации общения или является основой осмысленности высказывания – оценки его как истинного или ложного»². В качестве примера приводится предложение «Суд посчитал правонарушение Петрова незначительным и назначил условное наказание»: presupпозиция данного предложения «Петров совершил правонарушение»³; 3) уровень целостного текста или отрывка текста (макроуровень). На данном уровне смысл можно интерпретировать только с учетом всего текста: в расположении текстовых частей и связи между частями (в композиции), в способе подачи фактов (авторское мнение может выдаваться за общеизвестную истину).

Все три из указанных уровней могут быть проанализированы при осуществлении интен-анализа, так как интенции выражаются не только в словах и фразах, но и в целостном тексте.

Проблемы при проведении интен-анализа сводятся к следующему: 1) субъективность при оценке данных, – фактор «размытости» самих интенций, 2) проблема соотношения анализа интенций диалогического единства и анализа интенций целостного

¹ Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интен-анализ политических текстов // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 4. – С. 103.

² Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – Москва, 2007. – С. 48.

³ Там же. – С. 49.

текста, 3) интерпретация «авербальных следов» в контексте интенций (паузы, повторы, хезитации и т.д.).

Методика проведения лингвистического исследования в составе комплексных психолого-лингвистических экспертиз может быть дополнена новыми методами работы с текстом, среди которых интент-анализ, дискурс-анализ, коммуникативный анализ. Данные виды текстового анализа принадлежат к междисциплинарным, т.е. проводящимся специалистами различных областей (лингвистики, психологии, социологии и т.п.). Поэтому при проведении экспертизы устного текста, например текста разговоров между двумя или несколькими коммуникантами, подобные методы могут применяться как в лингвистической, так и в психологической части экспертного исследования.

Работа А.В. Меликян и А.Е. Марченко «Способы выражения речевой агрессии в испанских медиатекстах» посвящена феномену агрессии в медиатексте. В большинстве лингвистических работ, предметом исследования которых является речевая агрессия, данный феномен рассматривается преимущественно в рамках психолингвистического подхода: психологическое понимание агрессии распространяется на речевое поведение, а лингвистический аспект сводится к способу выражения: «Речевая агрессия – это использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манеры речи, оскорбляющей чье-либо достоинство»¹. В целом вербальная агрессия в области психолингвистических исследований трактуется как проявление негативных эмоций в процессе коммуникации: «речевая агрессия – это форма речевого поведения, направленного на оскорбление, намеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. Речевая агрессия мотивирована агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние собеседника»².

Признаками проявления агрессии в конкретной ситуации общения выступают такие факторы, как: 1) отрицательное комму-

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. Кожинной М.Н. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва, 2006. – С. 340.

² Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – 2-е изд., испр. – Москва: Флинта; Наука, 2007. – С. 87.

никативное намерение адресанта (стремление говорящего оскорбить, унижить адресата, выразить негативные эмоции и т.д.); 2) несоответствие речевого акта характеру, обстановке общения и «образу адресата» (фамильярное обращение в официальной обстановке, оскорбительные намеки в адрес собеседника и т.п.); 3) отрицательная эмоциональная реакция адресата (раздражение, гнев, обида) и сопровождающее ее ответное высказывание – обвинение, ответное оскорбление, выражение несогласия, упрек и т.д.¹.

В процессе коммуникации учеными выделяются эксплицитный и имплицитный типы агрессии. Эксплицитная речевая агрессия понимается как открытая форма агрессии, «план содержания которой соответствует плану выражения в пределах одного агрессивного высказывания»². К языковым средствам, задействованным при выражении данного типа агрессии, причисляют «стилистически маркированные языковые средства (экспрессивно-окрашенную лексику, инвективу, грубо-, просторечные слова и словосочетания, жаргонную лексику и т.д.)»³, а также высказывания, демонстрирующие открытую враждебность говорящего к реципиенту: угрозу, оскорбление, грубое требование, порицание, злопожелание и т.д.

Имплицитная агрессия предполагает скрытое проявление агрессии. К средствам выражения данного типа речевой агрессии относят: намеки («диффамация»), «искажение фактов», «неправомерное обобщение», «иронические замечания», «скрытые угрозы»⁴; а также пассивные формы коммуникации: «перебивание», «лишение слова», «запрет на коммуникативные действия», «прекращение контакта с собеседником или нежелание в него вступать»⁵. К имплицитным проявлениям агрессии можно также отнести незакреп-

¹ Изард К.Е. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980. – С. 68.

² Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия в школьной речевой среде: дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2001. – С. 106.

³ Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – Москва: Ладомир, 1997. – С. 180.

⁴ Шейгал Е.И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики: антропоцентрические исследования. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – Вып. 28. – С. 204–222, 214–218.

⁵ Седов К.Ф. Речевая агрессия в межличностном взаимодействии // Прямая и непрякая коммуникация. – Саратов: Изд-во ГУНЦ «Колледж», 2003. – С. 204.

ленные в языке путем лексикализации или грамматикализации такие языковые средства, как ирония и сарказм.

В.Ю. Апресян, говоря о способах выражения имплицитной агрессии, выделяет ряд грамматических и лексических средств. Так, проявлением вербальной агрессии в определенных контекстах может считаться употребление в речи императива¹. В русском языке часто наблюдается использование императива в непрямой функции (псевдоимперативы): *Фельдшер вспылил и крикнул: – Поговори мне еще! Дубина...* (А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда). Здесь повелительное наклонение используется не для побуждения к действию, а для выражения угрозы: адресант проявляет намерение от вербальной агрессии перейти к агрессивным действиям в случае совершения адресатом того или иного действия.

Еще одним грамматикализованным способом выражения имплицитной агрессии является использование вопросительных предложений, которые в прямой своей функции употребляются для выражения просьбы сообщить какую-либо информацию. Использование данного средства выражения имплицитной речевой агрессии наблюдается в ситуациях, когда говорящий считает, что адресат недостаточно сообразителен или наблюдателен, не замечает очевидного или же не делает того, что от него требует ситуация.

Задача вопросительных предложений в таких случаях – упрекнуть или задеть адресата, выразить раздражение. Типичные примеры вопросов: *Для кого я говорю?; Вы не видите, что написано?*

Лексические средства выражения имплицитной агрессии в языке намного более частотны, чем грамматические. Одним из примеров выражения имплицитной агрессии посредством лексических средств является гипербола, например: *Не таскай такую тяжесть; Куда вы запихали мой рюкзак?* и т.д. Очевидно, что вместо выделенных слов могут быть употреблены нейтральные выражения: *Не носи такую тяжесть; Куда вы положили мой рюкзак?*

Таким образом, основное отличие эксплицитной вербальной агрессии от имплицитной заключается в том, что эксплицитно

¹ Апресян В.Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара. – Протвино, 2003. – С. 16.

агрессивные слова имеют негативные коннотации в основном лексическом значении, тогда как имплицитно агрессивные слова черпают заряд агрессии в иных источниках.

Наиболее обобщенная классификация вербальной агрессии представлена в указанной выше и других работах К.Ф. Седова.

Приведём пример из испанского медиатекста в статье:

¿Sabrías decir si estas frases son del presidente del gobierno de España o de mi primo de ocho años? ¿Podéis decir, con estas palabras: el jefe del gobierno de España o de mi primo de ocho años?

В данном высказывании содержится очевидная насмешка, заключающаяся в сравнении главы испанского правительства с восьмилетним ребенком.

Секция третья сборника носит название «Лингвистическая экспертиза в профессиональной сфере». В работе А.Б. Бушева «Дискурс антисемитизма в политике Запада» отмечается, что антисемитизм во Франции явился серьезным этапом кризиса республики, кризиса демократии (2015 год). Наряду с журналом «Шарли» атаке подвергся кошерный супермаркет. «Исламофашизм» (выражение М. Вальса, занимавшего в то время пост министра внутренних дел), *терроризм, джихадизм или радикализм* был окрашен во Франции антисемитскими тонами. В европейских странах мы наблюдаем харассмент евреев, атаки на улицах и в виртуальном пространстве, атаки на носящих кипу, символические убийства евреев; социологические опросы показывают усиливающиеся антисемитские настроения и опасения евреев. Антисемитизм присутствует в политическом дискурсе, в университетском дискурсе. Властями рассматриваются меры по противодействию со стороны правоохранительной системы. Атаки на школы, синагоги, местные сообщества происходят во многих странах.

В статье приводится пример антисемитских атак в Интернете из британского парламентского документа¹:

28/06/2016 Twitter @johnmannmp why don't you admit you're a Zionist wh*re then??

02/05/2016 Twitter RT John Mann's a wee

¹ Home Affairs Committee Antisemitism in the UK Tenth Report of Session 2016–17. Report, together with formal minutes relating to the report Ordered by the House of Commons to be printed 13 October 2016.

Zionist sh*te. I support Ken's right to free speech.

NOT anti-Semitic.

17/05/2016 Twitter John Mann MP really is a prize ZIo servile
tw*t

30/04/2016 Twitter @**** @JohnMannMP shouting lies like an
unhinged Zio Attack dog isn't dignified

30/04/2016 Twitter @JohnMannMP On the edge of my seat. lulz
It's

time for Zio-Puppet Hour w/ John Mann!

28/04/2016 Twitter @JohnMannMP YOU ARE A ZIO NAZI!

P*LL*CK! The only people conducting a holocaust nowadays is
Israelis. SHAME!

28/04/2016 Twitter I wonder how much the Zionist lobby is pay-
ing @JohnMannMP for this utterly shambolic display. Disgraceful.

28/04/2016 Twitter @JohnMannMP How much are your jewish
paymasters paying you then mate? Enough to buy some land on a
Palestinian olive

Антисемитские действия в Европе сопровождаются мощным антисемитским дискурсом. Антисемитский дискурс присутствует в политическом и медийном пространстве, в пространстве блогосферы видны выраженные антисемитские атаки. Можно наблюдать, как традиционно правый, так и левый и арабский антисемитизм. Причиной последних объявлена политика Израиля. Деятельность системы образования должна показать антисемитский дискурс и информировать о его опасности.

Е.А. Рычева и С.С. Сорока в работе «Манипулятивные стратегии и тактики в речи российских и чешских правых политиков в Интернет-коммуникации» анализируют право-популистский дискурс. Как отмечает Р. Водак, речь правых популистов обладает такими характеристиками, как деление на «хороших» и «плохих» людей, перекладывание вины, оскорбление политических противников, генерализация, драматизация и эмоциональность, преувеличение и обещание спасения / освобождения¹. Таким образом, правые политики в первую очередь обращаются к эмоциональной

¹ Wodak R. The Politics of Fear. – SAGE Publications Ltd: London, 2015. – 238 S.

и экспрессивной стороне высказывания, нежели к объективности и правдивости доносимой информации.

Особенность манипуляции в речи правых политиков в пространстве Интернета заключается как в содержательном плане процесса коммуникации (многоуровневость, многослойность, креализованность), так и в способе его реализации (использование возможностей Интернета, наличие обратной связи с аудиторией, мгновенность публикации и реакции на нее и т.д.).

Концентрация различных приемов манипуляции на разных уровнях позволяет политику завладеть вниманием аудитории и воздействовать на ее сознание.

Авторы работы используют классификацию И.Г. Катеневой. Анализируя материалы общественно-политических оппозиционных изданий, И.Г. Катенева разграничивает стратегию дискредитации, псевдорационально-эвристическую стратегию, фрустрационную стратегию и стратегию героизации¹, каждая из которых реализуется благодаря набору коммуникативных тактик.

Так, в ходе стратегии дискредитации используются следующие коммуникативные тактики.

1.1. Бездоказательное умаление авторитета. Одной из особенностей речи В. Жириновского является дискредитация действий и высказываний оппонентов путем их сравнения с поведением душевнобольного человека.

«Навальный обнаглел – говорит, что это он нам (победу) сделал. Совсем уже с ума сошел, ему надо к психиатру. Он видит, что мы побеждаем там, и примазался, что это он тоже помог ЛДПР»².

Таким образом политик стремится нивелировать важность и ценность выводов политического противника, указав на его неспособность осуществлять разумные действия и мыслительные операции.

¹ Катенева И.Г. Механизмы и языковые средства манипуляции в текстах СМИ: на материале общественно-политических оппозиционных изданий: дис ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2010. – С. 15.

² Жириновский отправил Навального к психиатру, так как он «примазался» к ЛДПР. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2714359.html> (дата обращения: 29.11.2019).

Некомпетентность и беспомощность политика как речевой личности часто сравнивается с образом куклы-марионетки, которая не способна самостоятельно принимать решения и выполняет все, что ей скажут. Так, например, Т. Окамура упрекает премьер-министра Б. Сobotку в том, что он не является значимой политической фигурой, а лишь выполняет чужую волю: *«Přestože se jednalo o interpelace na premiéra, tak jsem se odpovědi na místě od premiéra nedočkal, takže mi musí premiér do 30 dnů odpovědět písemně. Vážený pane premiére, mělo by se konečně veřejně vyjasnit, kdo Vás vlastně zezadu řídí. Již před volbami mnozí komentátoři vyjádřili obavy, že, cituji: “Nyní půjde o to, jestli ČSSD bude autonomní stranou, nebo slabým článkem budoucí vlády, kde si bude někdo vodit premiéra na provázku”»*¹.

Говорящий подчеркивает слабость и нерешительность оппонента путем повторного обращения к одному и тому же образу (*řídít zezadu, vodit na provázku*) для усиления экспрессивности и эмоциональности речи.

1.2. Наклеивание ярлыков. Речь правых политиков отличается резкостью и однозначностью заявлений по шкале ценностей «хорошо / плохо». Правые политики открыто заявляют о негативном отношении к предмету речи, не оставляя возможности для двойного толкования своих высказываний. Реализация данного приема позволяет политику привлечь внимание адресата сообщения и повлиять на его сознание. Например, В. Жириновский, говоря о либеральных политиках, упрекает их в отсутствии патриотизма и желании предать родину и ее идеалы: *«Прозападные демократы хотят сдать Крым, бросить Донбасс, перестать помогать Сирии, распуснуть армию и сдать ядерное оружие. Но мы – патриотические политические силы – не хотим капитуляции России, и народ не хочет. Поэтому на выборах демократы получают не больше 1% голосов»*².

¹ Официальный сайт партии «Svoboda a přímá demokracie. – URL: <https://www.spd.cz/novinky/tomio-okamura-sobotka-je-loutkou-lobbistu> (Дата обращения: 29.11.2019).

² Владимир Жириновский. Запись в Twitter: 24.7.2019. – URL: <https://twitter.com/zhirinovskiy/status/1154048858466291714> (Дата обращения: 29.11.2019).

При помощи субъективных высказываний с яркой негативной оценкой говорящий стремится дискредитировать идеи, планы, вызвать чувство отторжения, страха, ненависти.

Для речи Т. Окамуры свойственен прием «нанизывания» ярлыков для нагнетания эмоционального напряжения: *«Další důkaz, že Evropská unie podporuje masovou nelegální migraci a nahrazení původního evropského obyvatelstva obyvatelstvem africkým a arabským. Sluníčkáři chtějí zničit Evropu. Německá kapitánka lodi Sea-Watch 3 Carola Racketeová, která pašuje nelegální imigranty do Evropy, včetně vrahů a zločinců, sklídila po svém vystoupení v Evropském parlamentu aplaus Tomio Okamura»*¹.

Политик приводит субъективные выводы в качестве доказательств разрушительной деятельности политических оппонентов, побуждая адресата принять его точку зрения как единственно верную.

1.3. Оскорбление. В речи правых политиков встречаются открытые оскорбления оппонентов и реализация приема дисфемизации. Использование инвективной лексики является средством выражения речевой агрессии. В. Жириновский использует инвективы, характеризуя поведение обобщенного лица: *«Позор! Скажите вашим детям, что вы – не русские здесь сидите, а предатели русского народа!»*²

Он может делать это и адресно, обращаясь к конкретному человеку: *«Подлая грязная свинья! Я никогда этого не говорил! Это специально сделали, чтобы опустить ЛДПР и меня»* Жириновский vs Затулин: его башка будет валяться на земле. Он везде смердит!³

В ходе реализации данной тактики политик употребляет и стилистически сниженную лексику с резко негативной коннотацией (например, арготические слова и выражения).

В речи Т. Окамуры встречается обличение отдельных социальных и профессиональных групп. Так, политик негативно оце-

¹ Т. Окамура Запись в Facebook: 9.10.2019. – URL: <https://www.facebook.com/tomio.cz/posts/2851139614896835> (дата обращения: 19.11.2019).

² Позор парламенту: видео скандального ухода Жириновского с заседания Госдумы. – URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/429811-pozor-parlamentu-video-skandal-pogo-ukhoda-zhirinovskogo-s-zasedaniagosdumy> (дата обращения: 29.11.2019).

³ Выступление В. Жириновского. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=s5auZG1rOiQ> (дата обращения: 29.11.2019).

нивает деятельность журналистов, прямо называя их трусами и лжецами: *«Ti novináři jsou fakt srabi! Na lhání mají nejčtenější titulní stranu, ale na omluvu už ne. Kde ještě lžou?»*¹

Сообщение информации в подобном виде способствует передаче жесткой и резкой оценки, что оказывает сильное прагматическое воздействие на сознание аудитории.

В ходе реализации **псевдорационально-эвристической стратегии** политик стремится создать иллюзию объективного и непредвзятого суждения и понимания действительности. При этом речь политика характеризуется логичностью рассуждения и комментирования событий. Однако в ходе повествования политик подменяет понятия, навязывая целевой аудитории определенную точку зрения и создавая иллюзию объективности в представлении информации за счет псевдоаргументации. Данная коммуникативная стратегия реализуется за счет следующих тактик: совместное рассуждение, генерализация, апелляция к авторитету.

Реализуя **фрустрационную стратегию**, речь политика активизирует отрицательные эмоции аудитории при помощи того, что говорящий создает и поддерживает психологическое напряжение адресата запугиванием и негативным прогнозированием. Целью данной стратегии является выведение реципиента из состояния эмоционального равновесия, моделирование ситуации опасности, страха, усиление тревоги.

Фрустрационная стратегия реализуется за счет следующих тактик: нагнетание отрицательных эмоций, шокирование «фактами», негативное прогнозирование.

Секция четвертая носит название «Современная лингвокриминалистика». Работа И.М. Баловой, Л.А. Будаевой и Г.Е. Щербань «О некоторых способах выражения адресной направленности высказываний в лингвистической экспертизе» посвящена категории адресата.

Категория адресации способна эксплицитно указывать на собеседника и представлена средствами адресации, выполняющими задачу организации общения. Исследователи выделяют такие средства адресации, как обращения, указательные и личные место-

¹ Tomio Okamura. Запись в Twitter. – Режим доступа: URL: https://twitter.com/tomio_cz/status/1197228504896692224 (дата обращения: 29.11.2019).

имения, глаголы в форме 2-го лица, адресные метатексты, междометия. Наряду с «прозрачными» случаями адресной направленности, когда оскорбляемое / унижаемое лицо эксплицитно выражено личным именем и фамилией, личным анафорическим местоимением и т.п., встречаются конструкции, в которых адресат оскорбления либо унижения «затемнен», представлен неопределенно.

Так, в средствах массовой информации достаточно частотны случаи употребления страдательных безличных и неопределенно-личных синтаксических конструкций, сопровождаемых суммирующей анафорой: *«Реальная практика состоит в том, что стандартная российская нефть, добываемая компаниями-отправителями, **изымается** из трубы и **перекидывается** на бесконечное множество – десятки и сотни – мини-заводов, которые прилепились к “Т”. Там из нее **извлекаются** легкие фракции, а назад в трубу **сливаются** отходы низкотехнологичной перегонки, переработанные остатки нефтехимического производства и посторонние примеси, разбавленные растворителями».*

Автором приводится и другой пример. Речевое поведение адвоката не потому плохое, что он плохо ведет себя в суде, а скорее наоборот: речевое поведение адвоката в суде плохое, потому что адвокат плох. Таким образом, высказывание *«Вам место не в адвокатуре, а на базаре»*, адресованное адвокату, содержит негативную оценку его личности, а не отдельных речевых действий в ситуации общения.

Анализ не вполне прозрачных случаев определения адресата показал, что в основе выражения категории адресации лежат интенции коммуникантов, которые по тем или иным причинам не указывают прямо на адресата, что затрудняет его выделение, но не является безнадежным.

В работе Е.Н. Бондаренко «Об особенностях определения негативного характера информации путем установления интенции адресанта в лингвистической экспертизе» речь ведется о негативной интенции автора просьбы, заявления, обращения, жалобы, претензии и т.п.

Наличие «косвенной интенции нахождения виновника проблемы»¹ в аргументации документов приводит к возникновению споров в плоскости диффамации. Адресат может не просто осуждаться, но и обвиняться в совершении преступлений, бездействии, непорядочности и лжи.

Кроме того, некоторые заявления для удовлетворения просьбы требуют обязательного указания на факты нарушения закона и т.п. Отсюда адресант вынужденно выражает какую-либо негативную информацию, не ставя своей целью дискредитацию, но реализуя ее.

Автор статьи указывает на то, что по этой причине внимание лингвиста-эксперта должно быть сосредоточено не столько на квалификации негативных высказываний, сколько на соотношении коммуникативного намерения адресанта с излагаемыми сведениями. Здесь актуализируется интенция, определяющая смысл сказанного: характер информации определяется основной иллокуцией адресанта. В некотором смысле уместно даже говорить о наличии / отсутствии «скрытой интенции», когда заявление, обращение, жалоба, претензия и т.п. пишутся вовсе не для решения проблемы, лично важной для автора, а для дискредитации какого-либо лица, когда жанр речевого произведения служит своего рода «маскировкой». Иными словами, создавая текст в рамках обращения-требования, автор вовсе не пытается добиться решения насущной проблемы, а высказывает негативную информацию путем применения речевой тактики ухода от правовой ответственности. Следовательно, в подобных случаях исследованию необходимо подвергать как оспариваемые высказывания, так и коммуникативное намерение адресанта текста.

Например, представленное на исследование письмо Андрея Трошкина (все наименования физических и юридических лиц изменены в соответствии с требованием конфиденциальности) описывает речевую ситуацию недобросовестного выполнения работодателем своих обязанностей. Адресант обращается к генеральному директору ООО «Манья Русь» В. Стравински, интерпретируя произошедшее с ним в основной части деловой бумаги. При этом ав-

¹ Коноваленко И.В. Иллокутивная составляющая жанра обращения граждан в официальные инстанции // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 12. – С. 331.

тор текста указывает и конкретную организацию, с которой у него возникли проблемы: *«Я готовлю заявление в прокуратуру о невыплате мне зарплаты за доставки Ваших автомобилей Маня за очень длительное время. / Прошу Вас направить мне на мой почтовый адрес в 30-ти дневный срок копии всех доверенностей ООО “ТимОпера” на получение транспортных средств и актов получения и передачи автомобилей Маня с моей фамилией, которые я перегонял в 2016–2017 годах. Копии этих документов должны быть заверены печатью Вашей организации. У меня еще есть оригинальные доверенности на Управление Маньями. Все эти документы подтвердят прокуратуре мою работу с доставкой Ваших автомобилей <...> Пусть прокуратура выясняет, почему я не получал зарплату за свою работу с Маньями <...> Таких водителей в тяжелом материальном положении без зарплаты после перегонов Маний как я очень много»* (Авторская орфография и пунктуация сохранены, текст представлен в реферируемой статье Е.Н. Бондаренко).

Выделенный речевой фрагмент содержит информацию о факте невыплаты автору письма заработной платы, только представлены данные сведения в таком компоненте плана содержания высказываний, который предполагается участниками коммуникации как известный, обуславливающий осмысленность сообщений. Иными словами, Андрей Трошкин использует пресуппозицию – семантический элемент текста, предполагающий истинными, само собой разумеющимися обозначенные в нем фоновые знания: автор неявно вводит в письмо информацию о невыплате ему зарплаты как общеизвестное, очевидное для собеседников. Это подтверждается контекстом общего отрицания (метод Баранова А.Н.)¹, где отрицается только эксплицитная часть высказываний, а имплицитная часть остается неизменной. Например: *«Я готовлю заявление в прокуратуру о невыплате мне зарплаты за доставки Ваших автомобилей Маня за очень длительное время»* → *«НЕВЕРНО, что я готовлю заявление в прокуратуру о невыплате мне зарплаты за доставки Ваших автомобилей Маня за очень длительное время»* → *«Я не готовлю заявление в прокуратуру о невыплате мне зар-*

¹ Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М., 2007. – 592 с.

платы за доставки Ваших автомобилей Мания за очень длительное время» (компонент смысла «о невыплате мне зарплаты за доставки Ваших автомобилей Мания» не отрицается и образует пресуппозицию); «Таких водителей в тяжелом материальном положении без зарплаты после перегонов Мания как я очень много» → «НЕ-ВЕРНО, что таких водителей в тяжелом материальном положении без зарплаты после перегонов Мания как я очень много» → «Я не отношусь к водителям в тяжелом материальном положении без зарплаты после перегонов Мания» (компонент смысла «без зарплаты после перегонов Мания» не отрицается и образует пресуппозицию). Выделенные неизменные компоненты высказываний являются обязательными, поскольку выступают условием осмысленности рассматриваемых сведений. Так как пресуппозиция всегда выступает истинной, то по модальности сообщения квалифицируются как скрытые (имплицитные) утверждения.

Таким образом, вошедшие в сборник статьи обсуждают актуальные вопросы взаимодействия языка и права: квалификацию правонарушений в юрислингвистике, юридизацию инъективной лексики, статус манипуляции, агрессии, пресуппозиции, имплицитности в речевых актах оскорбления, стратегии и тактики манипуляции в речи правых политиков, косвенные акты оценки, практическую оценку медийных материалов и т.д. Сложилось направление языкознания – лингвокриминалистика (юрислингвистика) – экспертная работа, которая рассматривает вопросы на стыке языка и права, имеет свой терминологический и теоретический аппарат и свои исследовательские процедуры.

А.Б. Бушев

КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС. РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

2020.04.014. ЕВРОПЕЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТСКИЙ ДИСКУРС: ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧЕВОЙ ИНТЕРАКЦИИ. Прагмалингвистические очерки / Алферов А.В., Кустова Е.Ю., Попова Г.Е., Тамразова И.Г., Червоный А.М. – М.: Московский Политех, 2019. – 248 с.

Ключевые слова: лингвистический дискурс; прагматика.

Работа состоит из предисловия, трех частей (часть 1 «Лингвопрагматические аспекты парламентского дискурса. Политическая дискурсивная формация и парламентский дискурс», часть 2 «Релевантность политического дискурса», часть 3 «Эристическая дискурсивная тональность») и заключения.

В монографии представлены различные аспекты изучения парламентского дискурса как части политической коммуникации. Проводится анализ структуры и функциональности парламентского дискурса, общеполитической коммуникации, диалога политического класса и гражданского общества. Предметом изучения стал парламентский дискурс Европы на примере Национальной ассамблеи Франции и Европарламента, отражающий события украинского кризиса 2014–2016 гг. и выступления «желтых жилетов» во Франции осенью 2018 г. В центре исследования – теоретические аспекты политической коммуникации и критический анализ дискурса информационно-идеологической конфронтации.

Парламентский дискурс – один из институционально центральных в политической коммуникации. Актуальность и необходимость его исследования и обусловлены узкоспециальным интересом в рамках политической и дискурсивной лингвистики, и определяются самой жизнью в силу растущего интереса к законодательному процессу: все четче проявляется потребность гражданского общества видеть реализацию своих прав и исполнение социальных запросов в выборных институтах власти. Отсюда возникает необходимость научиться и научить понимать парламентскую коммуникацию. Для этого необходимо обратиться к явлению «парламентский дискурс», проникнуть в его природу, определить пути его культурологического и лингвистического исследования.

Идея парламентаризма до сих пор не вошла в менталитет русского человека как осознанная часть его гражданской идентичности, видимо, в силу особенностей верховной власти в России.

Областью проведенного исследования является политическая лингвистика – дисциплина, не так давно оформившаяся, существующая в преломлении разных лингвистических парадигм, направлений, методологий.

Объектом исследования становится парламентский дискурс (ПД) современной Европы, инкарнированный в дебатах Национальной ассамблеи Франции и Европарламента, с точечным сопоставлением с другими парламентскими институтами.

В монографии представлены различные аспекты изучения ПД как части обширного текстового пространства политической коммуникации. Проводится анализ структуры и функциональности парламентского дискурса, выявляются основные аспекты анализа устно-письменных парламентских текстов (протоколы заседаний). Предлагаются некоторые подходы к исследованию институциональной коммуникации.

Парламентскому дискурсу в отечественной лингвистике посвящены немногочисленные работы, которые либо делают его точкой приложения существующих социо- и прагмалингвистических парадигм и когнитивных методов, либо затрагивают частные вопросы языкового и / или дискурсивного анализа парламентской коммуникации, либо речь в них идет о том, «как нам обустроить» российский парламент с опорой на исторические традиции.

Зарубежная лингвистика не присваивает особого лингвистического статуса политически маркированным исследованиям, хотя имя им – легион. Парламенту посвящены многочисленные статьи и монографии в различных лингвистических и риторико-аргументативных перспективах. Лингвопрагматическая направленность этих исследований имманентна. Информативность парламентской коммуникации носит особый характер. Тексты парламентской коммуникации далеки от информативности в смысле сообщения новой информации. В основе парламентской коммуникации лежит принцип отнесения «положения вещей», событий и реалий действительности в пресуппозицию по отношению к целям и функциям тех или иных парламентских коммуникативных действий.

Парламентская текстовая деятельность направлена, прежде всего, не на передачу информации как таковой, а на анализ и оценку происходящих событий как основания для регулирования, направления этих событий в то или иное русло социополитического деятельностного континуума. В самом общем смысле коммуникативная функция парламентского дискурса подчинена регулятивной функции не спорадически, но институционально, по определению.

Наличие многочисленных попыток представить теорию дискурса как метод исследования той или иной части текстовой деятельности служит для авторов основанием предложить еще одну модель концептуализации на этот раз парламентского дискурса, основываясь на нескольких методологических источниках.

Во-первых, это интеракциональная парадигма исследования языка и речи, представляющая механизмы речевого взаимодействия и позволяющая рассматривать парламентский дискурс в первую очередь в проблематике «грамматики речи». Во-вторых, это динамическая модель, представляющая дискурс как процесс порождения текста, процесс интенционального превращения плана содержания в план выражения. И в-третьих, это интерпретирующий и когнитивно-контекстуальный подход, постулирующий априорную неоднозначность и имплицативность пропозиционального содержания любого текста, взаимное проникновение произведенных ранее и будущих дискурсов в едином социополитическом пространстве парламентской коммуникации.

Таким образом, предлагаемую концепцию можно назвать транспарадигмальной – интеракциональной, когнитивно-контекстуальной и герменевтически интерпретативной. При этом в основе лингвопрагматической теории речеактовой интеракции лежит идея корреляции текста и социально-политической среды, окружающей этот текст.

Дискурс современной парламентской коммуникации – это дискурс в «3D». Помимо прямой трансляции и записи заседаний парламента интерактивные технологии создают многомерное текстовое пространство, где имя политика сопровождается гипертекстовыми ссылками, которые не только позволяют узнать его карьерные данные, партийную принадлежность, но и связаны с видеозаписями его выступлений, его персональным блогом и твит-

тером, т.е. представляют его персональный мультимедийный дискурс. Это относится и к законодательным документам, снабженным гиперссылками на статьи конституции, поправки к закону и комментарии к ним. При этом парламентский дискурс (ПД) невозможно исключить из политической дискурсивной формации (ПДФ), частью которой он является.

Предлагаемый интеракциональный метод исследования предполагает дихотомическое деление рассматриваемых категорий, взаимодействующих друг с другом, вступающих в противоречие, структурирующих категориальное пространство парламентского дискурса. Анализ опирается на метод концептуальных оппозиций, интеракциональный по своей сути, который может стать основой анализа парламентской коммуникации. Такие оппозиции существуют не только на метауровне, но составляют глубинную структуру дискурсивной организации парламентской коммуникации. Они существуют не в смысле непреодолимых противоречий, а в смысле противопоставляемых, но взаимодействующих друг с другом, перетекающих друг в друга антиномий. Говоря о дихотомичности такого подхода, авторы не исключают градуальность проявления той или иной оппозиции в ее конкретной реализации.

Наконец, немаловажным, а может быть, и определяющим фактором исследования становится анализ ПД по направлениям реализации следующих интеракциональных категорий:

– категория интересубъективности (личностной модальности), включающая такие тактики речевого поведения, как интенциональность (направленность / ненаправленность), эгоцентричность / объективизация, эмотивность / экспрессивность (конативность) / миметичность (кооперативность) и т.д.;

– категория релевантности, включающая в себя подкатегории: аргументативности и аксиологичности (система аргументации и оценок, уловки, стратегемы, ценностные ориентиры и проч.); имплицитности / эксплицитности (подразумевания, пресуппозиции, логические и риторические манипуляции и остенсивная коммуникация; интертекстуальности (цитации, метафоричность, идиоматичность и т.п.); дискурсивной когерентности риторической оформленности.

Нарушение релевантности вызывает коммуникативный сбой, который, накладываясь на политические антагонизмы и усиливая их, рождает третью исследуемую категорию – категорию эристичности (агональности) политического дискурса.

Такая категориальная триада обусловила структуру монографии, состоящей из трех частей, которые в свою очередь содержат очерки, составленные из отдельных тезисов – статей, раскрывающих основные результаты проведенного исследования.

Материалом исследования послужили скрипты парламентских дебатов, материалы официальных сайтов парламентов и парламентариев, материалы электронных и печатных СМИ, личные веб-дискурсы отдельных политиков и партий (сайты, блоги, Твиттер и т.д.).

Анализ проводится на основе категориального «картирования» и методики ивент-анализа. Авторы приходят к выводу о том, что политическая деятельность обеспечивается агональным дискурсом – дискурсу власти противостоит оппозитивный дискурс, – но агональность в рамках парламентской делиберации должна иметь конкурентный и конструктивный характер, критическая дискуссия должна превалировать над речевой эристикой.

Интеракциональность ПД проявляется, таким образом, как взаимодействие политических акторов и производных от них политических текстов-дискурсов. Реферируемая работа строится на принципах социо- и прагматингвистического интеракционизма, в основе которого лежит идея о том, что политика – это не только «борьба за власть», осуществляемая через борьбу идей, борьбу текстов и уничтожение противника, но и перманентное взаимодействие, делиберация, интеракция между участниками политического процесса, поиск консенсуса и принятие решения.

Такая интеракция может носить конструктивный или демагогический, кооперативный или антагонистический характер. Целостность политического процесса представляется при этом как динамический баланс би- и полиполярных интеракций. Этот характер определяется, главным образом, когнитивным зарядом концептуальных моделей политических акторов, которые в конечном итоге определяют прагматику политического взаимодействия (дискурса). Поэтому в работе авторы рассматривают парламентский дискурс, прежде всего, как когнитивно-речевую интеракцию

в ее концептуальных коллизиях, аргументативно-персуазивных стратегиях и тактиках.

Подчеркивается, что диалог в политике, диалог политического класса и гражданского общества представляет собой актуальный предмет междисциплинарных исследований. Делиберативные дискурсы, аргументация, воплощаясь в парламентских дебатах, предвыборных полемических коммуникациях, теледебатах и т.д., становятся ядром политической дискурсивной формации. Выявление дискурсивных механизмов, лежащих в основе релевантности и эристичности коммуникативной интеракции, конкретизирует предмет исследования и определяет актуальность решения поставленной прагмалингвистической проблемы в рамках политической лингвистики.

Парламентский дискурс (ПД) представляется вершиной политической коммуникации, так как в институциональной (конвенциональной) форме отражает все коллизии политической борьбы в обществе. Типология жанров ПД (проекты законов, протоколы заседаний, выступления, декларации, заявления и проч.) может строиться, прежде всего, с точки зрения динамики и статики парламентского дискурса. Динамика открывает *интеракциональность* ПД, статика – его *институциональность*.

Институциональность ПД проявляется в том, что, в отличие от многих других речевых жанров, в законодательных актах прописан их перлокутивный эффект: данные речевые произведения («сообщения»), будучи декларативами, носят прескриптивный характер. Они призваны изменять действительность, регулировать те или иные ее процессы. Их неисполнение подлежит санкциям со стороны общества (государства). Такая институциональная текстовая деятельность рождает множество противоречивых взаимодействий (интеракций), не только на уровне динамики (выработки, обсуждения, дебатов), основанной на тех или иных интересах (прагматика релевантности текста), но и на уровне их текстового юридического статуса (прагматика эффективности текста). Субъектами такой текстовой деятельности становятся профессионалы (юристы, экономисты и т.д.), создатели законодательных текстов как *extra muros* (президентские и правительственные законодательные проекты), так и *intra muros* (парламентская инициатива). Выработанные тексты имеют свою адресную направленность.

В парламентской коммуникации можно выделить два типа адресатов – легитимные (декларированные) и конклюдивные (полномочные) адресаты. Первым адресатом предполагается «целевая аудитория» (общество, избиратели), которая в случае законодательных текстов является «бенефициантом», ведь пресуппозицией парламентских текстов является «общее благо». Вторым адресатом являются законодатели как субъекты-«демиурги», занятые производством, совершенствованием и принятием (легитимацией) законодательных текстов, и профессионалы-исполнители (властные структуры). Как в первом, так и во втором адресном пространстве законодательные тексты подлежат интерпретации, что становится, с одной стороны, фундаментом регуляции социального поведения в обществе в целом, а с другой – основанием для существования такой области знания, как юриспруденция, ответственная за «правильное» толкование данных текстов и отражающаяся, в частности, в особой филологической форме – юрислингвистике как науке о юридической силе и функциональной релевантности законодательных текстов. Поэтому парламентская дискурсивная практика значительно шире текстовой деятельности. Она включает в себя, прежде всего, внеречевое (деятельностное) взаимодействие, служащее и ситуативной рамкой, и интенциональной пресуппозицией парламентской дискурсивной формации. Таким образом, парламентская дискурсивная практика являет собой конгломерат институциональности и интеракциональности.

Интеракциональная природа парламентского дискурса заключается в институциональной необходимости сосуществования различных дискурсов: идеологических, партийных, культурных, этнических, наконец идиополитических, т.е. присущих тем или иным ярким политическим фигурам. Парламентский дискурс суть производное от окружающей его общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся, прежде всего, агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью речевых и часто далеко не парламентских средств «аргументации», что, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции. Но тем не менее парламентский дискурс отличается своей интенциональностью, определяемой необходимостью принятия решений, которые имеют большой политический

вес, требуют значительно большей меры ответственности, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. Встает вопрос о механизмах превращения полемической по своей сути политической коммуникации (интеракции) в институциональную законотворческую текстовую деятельность. В данном случае можно ставить вопрос об институциональности дискурса как о мере ответственности субъектов, его порождающих.

Е.А. Казак

2020.04.015. ОПАРИНА Е.О. ЖАНРЫ СОВРЕМЕННЫХ СМИ: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА. (Обзор).

Ключевые слова: жанры печатных СМИ; российские СМИ; французские СМИ; итальянские СМИ; стилистические особенности; экспрессивные средства в печатных СМИ; виды комического в печатных СМИ.

В каждом из видов вербальных дискурсов, в том числе в средствах массовой информации, существует свой набор жанров, которые характеризуются своими специфическими признаками. В значительной степени различие жанрообразующих признаков обусловлено формами отображения действительности, присущими разным дискурсам и жанрам. Для лингвистов интерес представляют языковые средства, формирующие жанровые и стилистические особенности текстов СМИ. М.Н. Ким и Е.М. Пак определяют журналистские жанры как «устойчивые типы публикаций, объединенных сходными содержательно-формальными признаками» [Ким, Пак, 2020, с. 237]. Эти авторы систематизируют группу художественно-публицистических жанров журналистики, анализируя их жанрообразующие признаки, сходства и различия.

Отличие художественно-публицистических жанров от информационных и аналитических основывается на двух ключевых признаках, определяющих их название. Первый из этих признаков (публицистичность) проявляется в открытости и эмоциональности авторской позиции, в прямой обращенности к адресату. Художественность состоит в присутствии в журналистском произведении образной инфраструктуры и образных языковых средств как способа построения композиции и отображения объектов. Она также

проявляется в специфике образа автора: в журналистской публицистике, в отличие от образа автора в художественных текстах, читатель имеет дело не с вымышленным «лицом», а с реальной и конкретной личностью.

К художественно-публицистическим жанрам М.Н. Ким и Е.М. Пак относят обозрение, очерк, памфлет и фельетон [Ким, Пак, 2020]. Эти жанры имеют длительную и интересную историю, так или иначе связанную с художественной литературой.

Истоки обозрения относятся к античной эпохе: историк Плутарх (I–II вв. н.э.) в «Сравнительных жизнеописаниях» представил обозрение более 50 биографий выдающихся деятелей Греции и Рима. Основателем журналистского обозрения «считают французского писателя Луи Себастьяна Мерсье (1740–1814), который на протяжении 1781–1788 гг. отдельными частями публиковал в одной из газет свою многотомную книгу очерков “Картины Парижа”» [там же, с. 235]. В российской журналистике большой вклад в развитие жанра внесли в XIX в. критики и общественные деятели, публиковавшие в газетах годовые обозрения литературы: В.Г. Белинский, Н.И. Греч, А.А. Бестужев.

Современный жанр обозрения, как отмечают исследователи, является наиболее универсальным в публицистике: ему свойственны и информационное, и аналитическое, и художественное начала; его объектом может быть любая сфера жизни. Его главные жанрообразующие признаки – панорамность, проявляющаяся в представлении разных, но типичных фактов и позволяющая выявить взаимосвязи фактов, а также опора на сами факты. Именно они являются «центром тяжести» в обозрении и доминирующей творческой установкой автора [Ким, Пак, 2020, с. 239].

Первые прообразы художественно-публицистического жанра очерка появились в XVIII в. в Англии. Они представляли собой описания быта и нравов лондонской жизни. Журналисты Р. Стил и Дж. Андисон печатали их в журналах «Spectator» и «Tatler» в 1709–1712 гг. В начале XIX в. в жанре очерка работали В. Гёте и Г. Гейне и другие известные писатели. Происхождение очерка связывают с «литературой путешествий», с которой очерк имеет общие черты до настоящего времени. Очерк постоянно развивался, вырабатывал новые поджанры.

В сложной природе очерка интегрируются литература и наука. В его стилистике закрепились важные для художественной литературы тенденции: образность, психологизм, лиризм, особая интерпретация категорий пространства и времени, индивидуальность стиля. Поэтому его можно исследовать в терминах поэтики. Научные методы современного очерка заимствуются прежде всего из социологии и психологии. Быт, мотивы действий человека, социальные и личные проблемы и конфликты анализируются с помощью методов этих наук, а художественная интерпретация осуществляется средствами поэтики. Примерами могут служить судебные очерки и очерки-расследования. При этом публицистический очерк в любой своей разновидности отличается от художественного произведения. В нем есть определенный предел условности: публицистика ориентирована на документальное изображение, на факт. Вымышленная картина мира или вымышленный образ человека не могут быть основой сюжета журналистского очерка.

Образ автора в современном очерковом произведении трансформировался по сравнению с более ранними стадиями развития этого жанра: автор открыто выражает свое «я», позицию и оценки, не всегда совпадающие с позицией героев. Кроме того, более ярко проявляются индивидуальные авторские стили. Уже несколько десятилетий в отечественной публицистике заметна также другая тенденция, а именно сконцентрированность авторов очерков на определенных темах и ситуациях. Среди известных примеров – Ю. Щекочихин, который исследовал проблемы подростков в поздний советский период, а затем нравы преступного мира; В. Песков, который писал на темы природы; Я. Голованов, очерки которого были посвящены науке и изучению космоса [Ким, Пак, 2020].

Художественно-публицистические жанры памфлета и фельетона имеют дело с документальными фактами и объединяются по признаку наличия комического компонента. Однако между ними есть серьезные различия. Памфлет отличается обличительной направленностью и злободневностью, вид комического в нем – острая сатира, сарказм (едкая, язвительная насмешка). Обычные темы памфлета – острая социально-политическая критика и обличение нравов. Важным жанрообразующим признаком памфлета

является полемическое противостояние, которое, в отличие от дискуссии, не нацелено на поиск компромисса или общей точки зрения. Цель памфлета – дискредитация объекта [Ким, Пак, 2020, с. 335]. Фельетон может отличаться большей деформацией факта, фантазией, но за его образами всегда стоит конкретное жизненное явление.

Жанрообразующие признаки фельетона способствуют созданию типичного образа – человека в социальном ракурсе или какой-либо общественной проблемы. История этих жанров также различна. Начала памфлетной публицистики исследователи видят в античных сатирических жанрах, таких как речи римских ораторов, разоблачавших противников. Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) в трактате «Об ораторе» подчеркивал, что смех вызывается не самым безобразным фактом, а особым углом зрения, под которым оратор его рассматривает и представляет. Разновидностью памфлета была инвектива, которой пользовался Цицерон. Это понятие определяется «Новейшим философским словарем» как «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата» [Ким, Пак, 2020, с. 326].

В числе источников памфлета исследователи также называют басни Эзопа (VI в. до н.э.), имевшие остросатирический и при этом философский и морально-дидактический характер¹. Именно благодаря этим признакам басни Эзопа выступали одновременно и как публицистическое, и как художественное «орудие», в котором автор высказывал свою позицию в аллегорической форме. Исследователи выявляют связь памфлета также с жанром менипповой сатиры, названной так по имени Мениппа из Гадары (III в. до н.э.). М.М. Бахтин подчеркнул характерную для этого жанра особенность, состоящую в том, что «самая смелая и необузданная фантастика и авантюра внутренне мотивируются, оправдываются, освещаются здесь чисто идейно-философской целью – создавать исключительные ситуации для провоцирования и испытания фи-

¹ Благодаря наличию в басне морально-дидактической направленности, «Аристотель, к примеру, рассматривает данную поэтическую форму не в своей “Поэтике”, а в “Риторике”» [Ким, Пак, 2020, с. 324].

лософской идеи – слова, правды, воплощенной в образе мудреца, искателя этой правды» [цит. по: Ким, Пак, 2020, с. 325].

Жанр фельетона имеет менее длительную историю. Название (от фр. слова *feuilleton* «листок») этот жанр получил вследствие того, что во французских газетах в конце XVIII – начале XIX в. стали публиковаться в листках-приложениях тексты с развлекательным содержанием. Впоследствии, однако, признаки жанра изменились, и он приобрел сатирический характер.

В отечественной периодике подобные рубрики появились в первой половине XIX в., и вскоре проявилась дифференциация внутри жанра: нравоописательные фельетоны (Ф. Булгарин, О. Сенковский), фельетоны на темы литературных и театральных новостей (В. Соллогуб, К Полевой), фельетоны, близкие к очеркам и течению натурализма (Н. Некрасов). В дальнейшем в русском фельетоне соединились разные виды комического – юмор, сатира, ирония (А.В. Амфитеатров, В.М. Дорошевич, А.Т. Аверченко, Н.А. Тэффи) [Ким, Пак, 2020].

Таким образом, художественно-публицистические жанры журналистики, при всех различиях, основываются на интеграции документальности и образности.

Особенность современных СМИ – активное применение экспрессивных средств, сближающих новостные и аналитические жанры с разговорной речью, причем часто – сниженной стилистики. Это эмотивно-оценочные эпитеты, метафоры, а также выражения, апеллирующие к фоновым знаниям читателей и основанные на аллюзиях, цитатах, клише, прецедентных текстах. Нередко такие языковые средства служат созданию комического, в том числе агрессивно комического эффекта – высмеиванию или оскорблению политиков и общественных деятелей, принадлежащих к противоположному по отношению к данному СМИ направлению. Однако в выборе такой стилистики может проявляться и другая цель – сближение с читателем определенного круга и определенных политических взглядов [Аристова, 2019; Перотто, 2018].

М. Перотто исследует этот феномен на материале итальянской печати, устанавливая связь негативно оценочных экспрессивных единиц с выборными кампаниями и политическим направлением изданий [Перотто, 2018]. Анализ заголовков в четырех популярных итальянских газетах в период выборной кампании

2015 г. позволил выявить основные стратегии выражения агрессивности и повышения ее «градуса» в период предвыборных дискуссий. 1. Стратегия интенсификации страха, не считающаяся с требованием политкорректности: *Donne uccise: un killer su 4 è straniero* (Libero, 16.03) – «Убийства женщин: каждый четвертый киллер – иностранец». 2. Стратегия имплицитной агрессии, дискредитирующая или обезличивающая оппонента: *Se provi Giggino, lo scarti subito* (Libero, 11.03) – «Если попробуешь Джиджино, то сразу его и забракуют», где фамильярное, типично неаполитанское обращение *Джиджино* по отношению к Луиджи Ди Майо (лидеру «Движения Пять Звезд») звучит как унижительная насмешка. 3. Стратегия иронического и насмешливого описания людей и фактов: *Operazione Frankenstein. Se mi fate premier io i pezzi li trovo. Il potere populista nel paese fragile* (La Repubblica, 11.03) – «Операция Франкенштейн. Если вы меня назначите премьером, то я соберу все части. Популизм в хрупкой стране». В данном случае намек на сущность популизма осуществляется через аллюзию к элементу прецедентного текста – широко известному литературному образу созданного человеком чудовища. 4. Стратегия ерничества, часто с употреблением экспрессивных эпитетов, измененных фразеологизмов, ненормативной лексики: *Chi pesca un nero trovo un tesoro. Si specula sull'immigrazione* (Libero, 14.03) – «Кто выловит черного, найдет и сокровище. Спекулянты иммиграции», что представляет собой игру на итальянской поговорке *Chi trova un amico trova un tesoro* – «Кто найдет друга, найдет сокровище». Исследование М. Перотто показало, что проявлений агрессивности в итальянской прессе больше в тех случаях, когда речь идет о внутренней политике, особенно в период выборной кампании. Особенно часто резкие, неполиткорректные высказывания с использованием ненормативных единиц и оскорбления позволяет себе газета «Libero», придерживающаяся правоцентристского направления. Издания нейтрального и левоцентристского направлений («Il Corriere della sera», «La Repubblica», «Il Giornale») применяют «стратегии невежливой и агрессивной информации» [Перотто, 2018, с. 217] более имплицитно и завуалированно.

Выявленные тенденции имеют параллели во французской прессе. В.Н. Аристова анализирует эту тему на примере двух сатирических периодических изданий – еженедельников «Charlie

Hebdo» и «Le Canard Enchaîné» [Аристова, 2019]. Анализ лексических, стилистических и прагматических средств создания комического эффекта основывается в указанной работе на подборке их публикаций за 2009–2016 гг., при этом выбор производился вне зависимости от того, к какому виду комического (юмор, ирония, сарказм) относится содержание публикации.

Исследование текстов двух газет показывает, что в них доминируют сходные темы и отстаиваются сходные ценности – эгалитаризм, антирасизм, светский характер общества и государства, права человека, в том числе свобода слова и право на миграцию, гендерное равенство, феминизм. Главные темы – политика и действующие политики, основным объектом сатиры становятся представители правых политических групп и взглядов. Однако стилистика и языковая репрезентация комического различны.

«Charlie Hebdo» действует вне каких-либо языковых табу и морально-этических норм. Для «Le Canard Enchaîné» существует понятие самоцензуры, издание избегает бранной лексики и грубости. Оно стремится, по выражению журналиста этой газеты Д. Фонтэна, «быть легким и жестоким одновременно, немного в стиле Вольтера, немного ироничным... Тон Канада – более-менее литературный» [цит. по: Аристова, 2019, с. 7]. Например, в свое время годовщина президентства Франсуа Олланда была отмечена обеими газетами. Для этого события «Le Canard Enchaîné» выбрал емкую формулировку, использующую правовую лексику: «*Hollande condamné à 2 ans avec sursaut!*» (07.05.2013) – «Олланд, с блеском приговоренный к двум годам!». Такая формулировка, содержащая внутреннюю иронию, вполне точно и при этом с соблюдением литературной нормы выражает оценочное отношение издания к ситуации. «Charlie Hebdo» в тот же день откликается на событие бранной лексикой с аллюзией к нижней части тела: *peter le cul*.

Оба издания активно применяют игру слов, идиоматику, тропы, аллегории, рифмы и ассонансы: «*Y a d'la joie partout au Pôle emploi*» («Charlie Hebdo», 7.05.2013) – «Радость царит в Центре по безработице». Саркастический эффект по поводу растущей безработицы основан на рифме слов *joie* и *emploi*, противоположных по смыслу («радость» и «безработица»), а также на аллюзии к известной во французской культуре песне Ш. Трене со словами: «*Y a d'la joie partout...*» – «Радость, везде радость...» (здесь перевод мой. –

Е. О.). «Charlie Hebdo» широко использует гиперболы: «*L'immense Sarkozy a de nouveau droit aux gros titres des gazettes...*» (7.07.2013) – «Громадный Саркози снова имеет право на крупные заголовки в газетах...» [Аристова, 2019, с. 9]. Активно применяются также неологизмы, часто совмещающие в своей структуре разные смысловые сферы и стилистические регистры: «*Sarko leur promet une zlatanée*» («Le Canard Enchaîné», 13.03.2013) – «Сарко [сокр. от Саркози] обещает им победу». Неологизм *une zlatanée* восходит к имени знаменитого футболиста Златана Ибрагимовича, символизирующего победу. Однако речь в данном случае идет не о футболе, а о возрождении экономики, обещанном Саркози [Аристова, 2019, с. 10].

Изучение целевой аудитории этих сатирических изданий, проведенное методом анонимного анкетирования, выявило мотивацию и предпочтения читателей. Оказалось, что «Le Canard Enchaîné» имеет больше постоянных читателей и уровень их образования выше. Характерно, что средний возраст читателей этого еженедельника более молодой, чем у тех, кто интересуется «Charlie Hebdo». «Le Canard Enchaîné» всеми респондентами признан как информационное издание, которое интересно также своими расследованиями. «Charlie Hebdo» характеризовался как издание – новостной комментатор. Респонденты часто выражали критику по поводу чрезмерного использования бранной лексики, вульгарности карикатур, агрессивной антицерковной сатиры в этом издании. Кроме того, многие участники опроса отмечали, что далеко не все материалы еженедельников кажутся им действительно смешными, притом что обе редакции делают главной установкой именно комизм и сатиру [Аристова, 2019, с. 14–15].

Таким образом, анализ языка периодических печатных изданий трех стран (России, Франции и Италии) позволяет выявить сходные тенденции. В художественно-публицистических, информационных и аналитических жанрах СМИ активно используются языковые средства, традиционно относящиеся к художественным жанрам. Эффект выразительности создается за счет сочетания нейтральных, информативных единиц с механизмами языковой экспрессии: тропами, символикой, гиперболами, перифразами идиом, пословиц, известных фраз. Распространенным средством стала также апелляция к фоновым знаниям читателей, что проявляется в аллюзиях и применении прецедентных выражений.

К ярко выраженным тенденциям можно также отнести снижение стилистического регистра как результат активного применения лексики нелитературных слоев: сниженной разговорной и просторечной, иногда с включением бранных и табуированных элементов. Такое направление во многом объясняется острой политической борьбой, но также стремлением «приблизиться» к читателю. Однако все же существуют различия между стилистикой, нацеленной на осмеяние и унижение оппонента за счет резко пейоративных, ненормативных оборотов, с одной стороны, и способами, позволяющими формировать ироничный или сатирический характер текста более тонко и «нормативно» – с другой. Как показало исследование, для этих целей может применяться достаточно широкий инвентарь средств, и современные СМИ различаются по своему выбору и предпочтениям.

Список литературы

Аристова В.Н. Французские еженедельники «Charlie Hebdo» и «Le Canard Enchaîné»: Лингвистические средства создания комического, тематическое поле и целевая аудитория // Вестн. СПб. ун-та. Язык и литература. – Санкт-Петербург, 2019. – № 16 (1). – С. 4–19.

Ким М.Н., Пак Е.М. Художественно-публицистические жанры // Ким М.Н., Пак Е.М. Жанры печатных и электронных СМИ. – Санкт-Петербург: Питер, 2020. – Гл. 4. – С. 234–335.

Перотто М. Элементы актуальной языковой стратегии невежливости в итальянской печати // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: Материалы Междунар. науч. конференции, состоявшейся в Ин-те лингвистики РГГУ 23–24 октября 2018 г. / отв. ред. Шаронов И.А. – Москва: Полит. энциклопедия, 2018. – С. 213–224.

2020.04.016. СОТИРОВА В.В. О ВЛИЯНИИ ПАРАМЕТРА «РАЗМЕР СООБЩЕСТВА» НА ФОРМИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ. (Обзор)¹.

Ключевые слова: размер сообщества; грамматическая структура языка; языковое многообразие.

В мире существует более 7000 языков, и на протяжении многих лет ученые пытаются понять, чем обусловлено такое язы-

¹ © Сотирова В.В., 2020

ковое многообразие. Исследования последних десяти лет, основанные на диахроническом и типологическом анализе языков, показали, что социальная среда, в которой развивается язык, влияет на формирование его структуры. Считается, что упрощение грамматической структуры языка связано с такими социальными факторами, как размер сообщества, характер взаимодействия между членами сообщества, а также количество членов сообщества, изучающих второй язык. Авторы отмечают, что эти три фактора тесно связаны между собой, поэтому оценить роль каждого из них в отдельности без проведения лабораторных исследований представляется сложным. В статьях, включенных в настоящий обзор, экспериментально доказано влияние размера сообщества, говорящего на определенном языке, на формирование структуры данного языка.

В статье [Raviv, Meyer, Lev-Ari, 2018] описываются результаты двух экспериментов, в ходе которых ученые наблюдали за общением групп из четырех и восьми человек на искусственном, выдуманном во время взаимодействия языке. Авторы подчеркивают, что для чистоты эксперимента необходимо обеспечить участникам больших групп такое же время взаимодействия, какое получили участники меньших групп, поэтому большим группам предоставили дополнительные семь раундов. Ученые выяснили, что после шестнадцати раундов и малочисленные, и большие группы разработали структуру языка, на котором общались, однако большие группы сделали это быстрее. Отмечается, что размер группы не влиял на достижение коммуникативной цели, однако большая вариативность языковых средств была замечена в небольших группах испытуемых. Авторы высказывают предположение, что результаты этого исследования могут найти применение при дальнейшем изучении языкового многообразия и изменений, происходящих в языках.

В статье [Raviv, Meyer, Lev-Ari, 2019] авторы ставят целью проверить гипотезу о том, что размер сообщества влияет как на структуру языка, так и на другие аспекты коммуникативной системы. Эксперимент включал в себя три этапа: на первом этапе участники, находясь вместе, давали названия абстрактным картинкам, на втором этапе в парах участники по очереди описывали и угадывали картинки, на третьем этапе проводилось два индивидуальных тестирования (в середине и в конце эксперимента) для то-

го, чтобы получить полное представление о лексиконе всех членов группы. В ходе эксперимента испытуемым было запрещено использовать известные слова и существующие языки, необходимо было придумывать новые лексические единицы.

Авторы оценили коммуникативные системы, сложившиеся в малочисленных и больших группах, по четырем аспектам: 1) достижение коммуникативной цели, 2) конвергенция, 3) стабильность и 4) структура языка. В результате анализа авторы пришли к выводу, что размер сообщества не повлиял на первые три аспекта. Тем не менее в больших группах сформировался более систематичный язык, наблюдалось наличие грамматической структуры, хотя довольно простой и предсказуемой. Авторы отмечают, что участники сформировали группы лексических единиц отдельно для описания формы предмета на картинке, отдельно для описания движения. Различия наблюдались не только с позиций лексики: одни группы описывали углы, основываясь на осевой системе восприятия мира (в контексте понятий «верх-низ», «право-лево»), другие группы использовали для этого систему циферблата.

В заключение говорится, что авторы связывают формирование более систематичного языка в больших группах с давлением, которое оказывается на участников из-за необходимости преодолевать трудности в коммуникации. Также отмечается, что несмотря на большую вариативность входных данных в больших группах и меньшие возможности взаимодействовать с другими членами группы, в конце эксперимента в таких группах наблюдалась унификация языка у всех членов группы.

Список литературы

Raviv L., Meyer A.S., Lev-Ari S. The role of community size in the emergence of linguistic structure [Равив Л., Майер А.С., Лев-Аари Ш. Роль размера сообщества в возникновении структуры языка] // Proceedings of the 12 th International Conference on the Evolution of Language (EVOLANG XII). – Torun, 2018. – P. 402–404. – DOI:10.12775/3991–1.096.

Raviv L., Meyer A.S., Lev-Ari S. Larger communities create more systematic languages [Равив Л., Майер А.С., Лев-Аари Ш. Сообщества большего размера создают более системные языки] // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2019. – N 286 (1907). – P. 2019–1262. – DOI:10.1098/rspb. 2019.1262.

2020.04.017. РЕЙНДОРФ М., ВОДАК Р. ИЗМЕНЕНИЯ ЯЗЫКА ТЕКСТОВ РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРОВ: Дискурсивное и корпусное исследование австрийского варианта немецкого языка 1970–2010 годов

RHEINDORF M., WODAK R. Genre-related language change: Discourse-and corpus-linguistic perspectives on Austrian German 1970–2010 // Folia Linguistica. – 2019. – Т. 53, N 1. – С. 125–167.

Ключевые слова: австрийский вариант немецкого языка; языковые изменения; исследования дискурса; анализ жанров.

Статья М. Рейндорфа и Р. Водак посвящена изучению движущей силы, стоящей за процессом языковых изменений, с позиции социолингвистики и анализа дискурса. Авторы считают, что жанр должен рассматриваться как неотъемлемый посредник между изменениями в обществе и языке.

Исследование включает качественный и количественный анализ широкого круга языковых черт письменных жанров, в которых наиболее ярко проглядываются языковые и социальные изменения. При отборе жанров для исследования учитывались следующие факторы: (1) жанр должен относиться к одной из тех сфер жизни общества, в которых социальные изменения наиболее заметны – СМИ, образование, бизнес; (2) жанр существует достаточно долго (рассматриваются жанры, возникшие не позже 1970 года); (3) основные черты жанра достаточно устойчивы; (4) жанр хорошо изучен; (5) тексты жанра находятся в публичном доступе; (6) жанр фактоориентирован; (7) жанр имеет довольно формализованную структуру. Таким образом были отобраны следующие жанры: школьное выпускное эссе (Erörterung), статья новостного агентства (Agenturmeldungen), газетное сообщение (Zeitungsberichte) и ежегодный отчет крупных австрийских компаний (Geschäftsberichte). Авторы исследования ставят перед собой следующие исследовательские вопросы:

– какие языковые черты претерпели большие изменения в период с 1970 по 2010 г.;

– какие из языковых изменений носят общий характер, а какие связаны с особенностью жанра и сферой функционирования в обществе;

- являются ли какие-либо из этих изменений параллельными, отложенными, специфичными, контрнаправленными;
- какими контекстуальными факторами можно объяснить полученные результаты.

В работе рассматриваются изменения, произошедшие в австрийском варианте немецкого языка в период с 1970 по 2010 г. Чтобы учесть как изменения, произошедшие в языке, так и сохранившиеся в нем черты, в ходе исследования был рассмотрен широкий спектр критериев: ориентированность на читателя, структура текста, выбор лексических единиц, синтаксис.

Под ориентированностью на читателя в исследовании подразумевается способ и средства выстраивания отношений между автором текста и читателем. Эти отношения выражаются в прямых и не прямых обращениях автора к читателю, употреблении местоимения *мы*, выборе регистра, отсылках к фоновым знаниям читателя, употреблении или, наоборот, отказе от употребления терминов и сокращений. Исследования структуры текстов касались также длины и структуры отдельных частей текста, наличия заглавия и подзаголовков, длины абзацев. Анализ синтаксиса, неразрывно связанного со структурой текста, затрагивал длину и состав предложений. Со стороны выбора лексических единиц, традиционно самого подверженного изменениям критерия, рассматривалось использование в тексте терминов, жаргонизмов, заимствованных слов, неологизмов, сокращений, фразеологизмов, сложных слов и номинализаций.

Для исследования был собран корпус общим объемом 332 969 словоформ, в который вошли доклады об управлении двух крупных австрийских компаний за 1970 и 2010 г., школьные выпускные эссе 1970 и 2010 г., газетные сообщения (взяты в равных долях из таблоида Krone и более серьезной газеты Presse) и статьи австрийского агентства печати APA за те же годы. Для статистической обработки материала применялось программное обеспечение WordSmith Tools, тегирование и категоризация производилась при помощи программы MAXQDA.

Публикация ежегодного доклада об управлении традиционно требуется от всех крупных компаний Австрии. Для точности результатов исследования в корпус были включены только те разделы докладов, которые присутствовали во всех отчетах. Было от-

мечено, что общее количество слов (так же, как и страниц) увеличилось в четыре раза за 40 лет. Кроме того, заметно изменилось оформление и качество печати, что свидетельствует о важности данной формы отчетности в качестве «визитной карточки» компании. Желание руководства представить компанию в наиболее выгодном свете для потенциальных клиентов и инвесторов также отразилось на степени обращенности текстов к читателю. В отчетах 1970 г. полностью отсутствовали прямые обращения к читателю *Вы (Sie)*, тогда как в отчетах 2010 г. было обнаружено 29 таких обращений. Кроме того, появились обращения к отдельным группам читателей (*'Dear shareholders'*). Авторство текста также выражается намного чаще посредством местоимения *мы (wir)*: количество употреблений данного местоимения в отчетах 1970 г. увеличилось на 43% и достигло 154 употреблений. Стало также употребляться местоимение *я (Ich)*, однако подобное упоминание о себе возникает в тех случаях, когда автор скорее говорит о компании, чем от лица компании. Другим важным маркером увеличения ориентированности на читателя стало изменение подхода к употреблению жаргонизмов и терминов. Если в отчетах 1970 г. полностью отсутствовали определения употребленных терминов и всего дважды во всей выборке встретилась расшифровка использованных аббревиатур, в отчетах 2010 г. были добавлены целые глоссарии, объясняющие все технические и экономические термины и сокращения, употребляемые в основном тексте отчета. Такие же заметные изменения произошли и в самой структуре текстов. Отчеты 2010 г. состоят из большего количества поджанров. Только одна рубрика из докладов 1970 г. исчезла к 2010: некрологи сотрудников. Количество внутритекстовых ссылок увеличилось на 967% (9 в 1970 г. и 96 в 2010). Все это позволяет сделать вывод о более комплексной текстовой структуре ежегодных докладов в 2010 г. по сравнению с 1970.

На 95% возросло количество заимствований из греческого и латинского языков, что особенно заметно на примере глаголов и прилагательных (*differiert, divisional, akquiriert, präferiert*). Кроме того, в текстах стали употребляться англоязычные термины из области экономики и финансов (*Free Cash Flow, Gearing Ratio, Purchase Price Allocation*), которые полностью отсутствовали в 1970 г. На 143% возросла информационная плотность текста, од-

нако заметно сократилось количество слов, имеющих более двух корней, сложные слова стали заменяться аналитическими формами (*Unternehmenslagebericht* в 1970 г., *Lagebericht des Unternehmens* в 2010 г.). В плане синтаксических изменений были отмечены небольшое увеличение средней длины предложения и рост количества сложных предложений.

Использование в качестве материала исследования выпускных школьных эссе дало авторам шанс взглянуть на то, как изменились тексты в сфере образования. Особенностью школьных эссе является то, что они пишутся без подготовки, от руки и в ограниченный промежуток времени. Это ведет к большому количеству отклонений от принятых норм языка. Для точности результатов исследования в корпус были включены эссе, оцененные на все баллы оценочной шкалы, используемой в образовательной системе Австрии: от «отлично» (1) до «неудовлетворительно» (5). Традиционная форма написания таких эссе не подразумевает прямого обращения к читателю, поэтому его применение оценивается как ошибка. В корпусе эссе выпускников 1970 г. было обнаружено всего одно подобное обращение в формальной клишированной фразе (*'The kind reader may excuse this'*), в связи с чем оно не было помечено как ошибка. Среди эссе 2010 г. прямое обращение встретилось трижды и все три раза было засчитано за ошибку. Количество упоминаний автора о себе, выраженных местоимением *Ich* увеличилось на 87%. Структура выпускного эссе, которой обучают в школе, в основном осталась неизменной: аргументативное эссе принято начинать с вопроса или тезиса, за которым следует серия аргументов и контраргументов и вывод. Этой структуры придерживались 81% выпускников в 1970 г. и 78% в 2010 г. В плане синтаксиса авторами было отмечено увеличение средней длины предложения при неизменной доле сложных предложений в тексте. Кроме того, увеличилось количество отклонений от грамматической нормы. Так же как и в текстах ежегодных отчетов компаний, в эссе стали чаще употребляться аналитические формы. Наиболее заметные изменения произошли в лексике: количество заимствований из латинского и греческого уменьшилось на 49%, в то время как заимствований из английского языка стало больше на 1057% (14 в 1970 г. и 162 в 2010 г.). Уменьшилось и количество употребляемых фразеологизмов.

Корпус газетных статей был собран из материалов двух распространённых австрийских газет: *Presse* и таблоида *Krone*. Исследователи предполагают, что выбор газет, ориентированных на разный круг читателей, позволит получить более полную картину языковых изменений текстов данного жанра. К 2010 г. количество употреблений местоимения *мы* (*wir*) увеличилось в два раза, а количество упоминаний о самой газете возросло на 50%. В то же время количество жаргонизмов и терминов осталось неизменно маленьким. Значительные изменения претерпела структура газетной статьи: увеличилось количество подзаголовков, в то время как средняя длина абзаца сократилась на 34%. Появились внутритекстовые ссылки, которые отсутствовали в статьях 1970 г. К 2010 г. размылись синтаксические различия между двумя типами газет. Если в 1970 г. средняя длина предложения таблоида была на 8 слов меньше, чем в статьях *Presse*, то к 2010 г. они сравнялись как по длине, так и по сложности предложений. Наиболее яркие изменения также произошли в сфере употребления заимствованных слов. Количество заимствований из латинского и греческого уменьшилось на 50% у *Krone* и 66% у *Presse*. Количество заимствований из английского языка возросло не так значительно. Авторы исследования пришли к выводу, что жанр газетных статей больше остальных стремится к упрощению.

Еще одним источником материала для исследования стали статьи новостного агентства. Язык статей ведущего новостного агентства Австрии АРА традиционно считается «эталонным» австрийского варианта немецкого языка: в АРА строго следят за соблюдением языковых норм авторами статей и редакторами. Проведя исследование на корпусе текстов данного жанра, авторы не нашли примеров прямого обращения авторов к читателям. Выраженных маркеров авторства в текстах также обнаружено не было. Термины и аббревиатуры практически не употребляются ни в статьях 1970 г., ни в статьях 2010 г. Средняя длина текста выросла на 29%, при этом количество предложений в тексте увеличилось с 8 до 13, в то время как длина самих предложений уменьшилась на 21%. Было отмечено, что длина предложений уменьшилась во всех тематических разделах. Упрощения синтаксиса коснулись также состава предложений: в статьях 2010 г. был выявлен рост числа простых предложений. В то же время возросла информационная

плотность предложений: около 30% слов являются сложными, количество заимствований из латинского и греческого увеличилось на 47%, а заимствований из английского стало в пять раз больше в сравнении с 1970 г. Кроме того, частота фразеологизмов в текстах увеличилась на 50%.

Таким образом, исследование, проведенное авторами, выявило основные изменения, произошедшие в австрийском варианте немецкого языка в период с 1970 по 2010 г. Было выявлено, что часть изменений, как например уменьшение заимствований из латинского и греческого, характерны для различных жанров и сфер употребления. Другие же черты характерны только для одного определенного жанра (например, употребление более сложных конструкций в текстах ежегодных отчетов компаний). Даже близкие друг другу жанры газетной статьи и статьи новостного агентства демонстрируют как параллельные, так и разнонаправленные тенденции развития. Авторы предполагают возможность развивать свое исследование, задействовав в дальнейшем другие жанры и добавив анализ разговорного языка.

Е.В. Майорова

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

2020.04.018. ОПАРИНА Е.О. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА. (Обзор).

Ключевые слова: лингвистика текста; гибридные тексты; поэтический язык; новизна в поэзии; авангардный дискурс; жанры интернет-поэзии.

В данном обзоре анализируются разрабатываемые в настоящее время направления и методы исследования текстов. В центре рассматриваемых работ – изучение художественного (поэтического) текста и поэтического языка как инструмента его создания; это также исследование механизмов взаимодействия этого типа текста с другими типами с целью понять глубинные основания его построения и выявить способы их обновления. В сфере внимания также оказываются подходы к анализу художественных текстов, используемые в нелингвистических дисциплинах.

В русской и западной культурах поэтический язык в значительной степени ориентирован на поиски новых средств выражения и на противостояние общезыковой системе. Этот процесс принимает особенно интенсивный характер в авангардных направлениях.

Одним из способов обновления является синтез художественного текста с элементами других семиотических систем и создание на этой основе гибридных текстов и, шире, гибридных дискурсов. Термин «гибридность», как отмечает О.В. Соколова, предполагает взаимодействие текстов по типу контаминации, «когда один из текстов или дискурсов включает в себя языковые элементы и коммуникативные стратегии другого» [Соколова, 2020, с. 52]. Гибридность отличается от другого способа взаимодействия текстов – интертекстуальности, которая основана на диалогических отношениях между языковыми элементами и контекстами¹. Гибридные тексты характеризуются структурной гетерогенностью, при которой разноструктурные элементы – языковые, кодовые, жанровые образуют синтез, обладающий новыми свойствами (в терминологии Ж. Делёза он определяется как «дизъюнктивный синтез») [там же, с. 53].

Гибридные тексты активно создавались европейским авангардом в первые десятилетия XX в. Так, для взаимодействия художественного и политического дискурсов были эстетические и социально-культурные предпосылки. Именно авангардный художественный дискурс, при своем стремлении к использованию разных кодов, имеет тенденцию к повышенной перформативности и воздействию на адресата, к формированию новой реальности, что выражено в концепции авангарда как «искусства-жизнетворчества». Для него релевантной оказывается концепция «политизации искусства (эстетики)» и «эстетизации политики», что было отме-

¹ Н.А. Фатеева выделяет несколько типов и интертекстуальных отношений: 1) собственно интертекстуальность (образующая конструкции «текст в тексте», включая цитации и аллюзии); 2) паратекстуальность (отношение текста к заглавию, эпиграфу, послесловию); 3) метатекстуальность (пересказ, комментирующая ссылка на претекст); 4) архитектстуальность (жанровая связь текстов); 5) иные модели и случаи интертекстуальности (интертекст как стилистическая фигура, звуко-слоговой и морфемный типы и др.). См.: Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2007. – 282 с.

чено В. Беньямином. В русском искусстве начала XX в. понятие революции стало ключевым для осмысления связи между политикой и культурой. Это выразилось не только в языковых экспериментах футуристов, но также в статьях: «Искусство и революция (по поводу творения Рихарда Вагнера)» А. Блока и «Революция и культура» А. Белого, написанных в 1917–1918 гг.

На примере текстов русского и итальянского авангарда первых десятилетий XX в. О.В. Соколова прослеживает основные проявления гибридизации художественного и политического дискурсов: 1) языковую, 2) жанровую, 3) поликодовую, 4) мультимедийную [Соколова, 2020]. Примерами языковой гибридизации являются ономотопеи, воспроизводящие звуки военных действий, в поэтическом языке, разработанном итальянским футуристом Ф.Т. Маринетти, и контаминированные слова разной структуры (*вольшевик* → из *воля* + *большевик* В. Хлебникова; в *грозобуквом ералаше* В. Маяковского). Яркими примерами гибридных жанров, возникающих на стыке авангардного художественного и политического дискурсов, являются манифесты итальянских футуристов и «Приказ по армии искусств» В. Маяковского. В этих текстах гибридная природа проявляется в синтезе социально-политических и эстетических установок. Поликодовая гибридизация, состоящая в совмещении двух или более семиотических систем в пределах одного текста, проявляется, например, в плакатах-агитках, совмещающих вербальные, кинематические и фотомонтажные средства.

Мультимедийные гибридные тексты, как считает О.В. Соколова, отличаются следующими ключевыми свойствами: они используют несколько каналов передачи информации и несколько кодов, и при этом требуют привлечения инновационных технологий. Мультимедийность позволила авангардистам первых десятилетий XX в. создать произведения нового формата, которые можно обозначить как «сверхтексты», или «тотальные произведения искусства», созданные «посредством преодоления границ между формами эстетической презентации» [Соколова, 2020, там же, с. 72]. Примером мультимедийной гибридизации, синтезирующей коды художественного и политического дискурсов, является проект «республика Фьюме», осуществлявшийся Г. Д'Аннунцио в 1919–1920 гг. в Италии. Проект включал в себя открыто политиче-

скую акцию – въезд в город Фьюме с солдатами¹, а также акции, в которых совмещались политический и художественный дискурсы. Это написанная Д'Аннунцио Конституция Фьюме, его послания властям и гражданам Италии и других стран, обращения к населению города (так называемые «речи с балкона»).

Эти речи, как и тексты Д'Аннунцио, особенно интересны в плане синтеза дискурсов и языковых пластов: в них соединяются политический, поэтический, драматургический и религиозный дискурсы, архаика, латинизмы и неология. Среди латинских выражений, реактуализированных Д'Аннунцио и вошедших в активное употребление, О.В. Соловьева отмечает *milite ignoto* «неизвестный солдат» – надпись Д'Аннунцио на могиле безвестного солдата, погибшего в Первую мировую войну, и *mare nostrum* букв. наше море – обозначение Средиземного моря у древних римлян, которое стало использоваться вновь в политических целях [Соколова, 2020, с. 72]. Основной интенцией, объединявшей вербальные и невербальные акции Д'Аннунцио, была прагмаэстетическая – «создание нового языка и новой семиотики» [там же, с. 73]. Этому служат наложение и взаимопроникновение художественного и политического дискурсов, эмпирического контекста и доминирующей фатической функции [там же], что вместе резко повышает перформативность текста, его воздействия на адресатов.

Вопрос о языковом новаторстве поэтов в различных культурах и в разные эпохи оценивался по-разному, в том числе с полярными оценочными знаками. В отечественной поэзии XX в. признавалось право поэта на отход от общезыковой нормы, на креативность, специфика которой задавалась самим поэтом. Соответственно, задача исследователей поэтического языка состояла в выявлении нестандартных языковых явлений и установлении закономерностей возникновения нового. В последние десятилетия XX в., по мнению Н.М. Азаровой, в русской поэзии сложилась ситуация, которую можно квалифицировать как «диктат креативности» [Азарова, 2019, с. 86]. Данное явление имеет социальные корни и распространяется на самые разные виды дискурса и

¹ Город Фьюме по договору, подписанному после Первой мировой войны, мог быть потерян Италией, и акция, организованная Г. Д'Аннунцио («самостоятельная республика Фьюме»), продолжалась два года и приветствовалась итальянским населением города [Соколова, 2020, с. 73–74].

деятельности. Ряд авторов, мнение которых Н.М. Азарова поддерживает, напрямую связывают требование креативности как непреложной необходимости с условиями капиталистического рынка¹.

Такое положение имеет ряд последствий для поэтического языка и его исследователей. Н.М. Азарова считает верными следующие положения: сама поэзия больше не представляет собой особый, выделяющийся на фоне других язык и не выявляет тенденции развития общенародного языка; исследователь лишается возможности установить алгоритм определения новизны в поэтических текстах и должен вырабатывать новые методы анализа [Азарова, 2019, с. 86].

Эта ситуация имеет несколько вариантов разрешения, один из которых состоит в принятии современными молодыми авторами нового поэтического принципа, который можно называть «неявной новизной», или «неявной неологией» [там же, с. 88]. Данный поэтический принцип обладает рядом особенностей: новая неология избегает собственной новизны, как и фирменных языковых приемов. Вследствие этих факторов новое предстает в тексте как идиоматическое и его трудно разложить на отдельные языковые приемы: «Если буквально десять лет назад поэтический текст приглашал к лингвистическому анализу, то сейчас многие тексты как будто подспудно сопротивляются как лингвистическому исследованию, так и аналитике как таковой» [там же, с. 90].

Построение текста в поэтике «неявной новизны» может быть уподоблено стратегии хеджирования – представления нежелательной, табуированной информации в неявном, смягченном виде.

В сфере истории культуры и философии «сокрытие новизны» имеет параллель, например, в сокрытии сакральных смыслов в текстах мистиков. Н.М. Азарова также отмечает это явление как переход от XX в. ко времени, когда «мы вдруг обрели способность мыслить новое без инициации, без апологии инновации, за которой следует триумф креативности» [там же, с. 89].

Термин «паттерн» активно применяется в различных науках: в информатике и программировании, в философии, культурологии, психологии, дизайне, медицине, биологии и многих прикладных областях. Как отмечают Т.В. Цвигун и А.Н. Черняков, в отече-

¹ Mould O. Against creativity. – London; New York, 2018. – 256 p.

ственной филологии и лингвистике этот термин и соответствующее ему понятие еще не получили широкого применения [Цвигун, Черняков, 2019]. Объясняя значение этого термина и его смысловое отличие от широко применяемых в лингвистике текста терминов «повтор» и «рекуррентность», авторы указывают, что следы «паттернового мышления» обнаруживаются во многих теориях предшественников, например в морфологическом анализе сказки у В.Я. Проппа, в нарратологических теориях французских структуралистов (например, у А.-Ж. Греймаса), в теории поэтической функции Р. Якобсона, в трансформационной грамматике Н. Хомского [там же, с. 99]. Предлагается рабочее определение понятия «паттерн» в проекции на языковой материал и лингвистический анализ текста: «это узуальная или окказиональная языковая (синтаксическая, морфологическая и др.) модель, схема, имеющая характер инварианта и получающая узнаваемую вариативную, синтагматическую развертку в тексте» [там же]. Сам инвариант не обязательно присутствует в тексте, но он реконструируется адресатом через содержащиеся в тексте и легко опознаваемые варианты. Паттерн характеризуется как «потенциальная парадигма, становящаяся таковой именно благодаря синтагматическому “умножению” своих репрезентаций в пространстве текста» [там же, с. 99].

В качестве примера текста, имеющего паттерновую природу, приводится известное стихотворение А. Блока, начинающееся словами «Ночь, улица, фонарь, аптека...». Лингвистическая природа паттерна как текстопорождающего механизма заключается в том, что он «проблематизирует» отношения между повтором и вариацией, идентичностью и различием. Отмечается, что А. Блок намеренно отказался в этом стихотворении от полных повторов и симметрии на лексическом и синтаксическом уровнях при сохранении номинативных конструкций в начале и конце текста. Именно благодаря одновременному действию вариативности и грамматического тождества текст может быть охарактеризован как имеющий паттерновый характер.

Таким образом, инвариантно-вариативная природа паттерна отличает его от повтора / рекуррентности и делает «паттерновое письмо» [там же, с. 101] осмысленной стратегией текстопорождения, однако такой, которая одновременно и деконструирует ис-

ходный дискурс. Этот тезис получает доказательство на примере текстов современных поэтов – А. Монастырского (книга «Поэтический мир», 1976) и Д. Пригова (цикл «Культурные песни», 1974), которые используют в качестве паттерна стихотворения русских и советских поэтов.

В художественных текстах значительная смысловая и структурная роль принадлежит многократным повторениям, таким как повторы определенных сюжетных ходов, композиционных приемов, мотиву двойничества. В повторах выражается принцип взаимоотраженности смыслов художественного текста. Г.М. Зельдович исследует способы создания эффекта смысловой взаимоотраженности¹ на материале нарративного прозаического текста [Зельдович, 2020]. Цель такого построения текста определяется как дискурсивное выделение наиболее значимых фрагментов. Среди приемов, служащих этой цели, не только параллелизм, сравнения и метафоры, но также использование слов и выражений одновременно в двух резко противоположных значениях (амфиболия), а также связь выделяемого фрагмента с предтекстом через анафору. Устанавливается, что смысловое подобие отдельных фрагментов нарративного текста в наибольшей степени свойственно первому плану, т.е. главной сюжетной линии повествования. Однако данный принцип повествования применяется и для придания большего веса важным фрагментам второго плана.

Дискурсивное выделение приводит к детривиализации фрагмента и, соответственно, к затрудненности его восприятия. Таким образом, смысловая взаимоотраженность требует при восприятии текста дополнительных когнитивных затрат. Особенно это касается явления амфиболии, заставляющего читателя мысленно согласовывать логически несовместимые единицы / высказывания и искать их смыслы («*Мне стало противно, и я ушел. Вернее, остался*», С. Довлатов) [цит. по: Зельдович, 2020, с. 90]. Сигналом детривиализации и одновременно ее смягчением является связь выделяемых фрагментов с предшествующим текстом. Такая дискурсивная связь, которая часто является прогнозируемой, осуществляется через анафору. Анафора, в свою очередь, ча-

¹ В художественном тексте, особенно поэтическом, применяется также принцип формальной взаимоотраженности, который не исследуется в данной статье. – *Прим. авт.*

ще всего реализуется через подлежащее, обеспечивающее прочную преемственность референта выделяемого фрагмента и его предтекста. Таким образом, дискурсивное выделение фрагментов нарративного текста предполагает участие целого комплекса языковых и текстовых механизмов [Зельдович, 2020, с. 96].

Анализ интернет-жанров в последние годы привлекает внимание отечественных исследователей, это касается в том числе жанров интернет-поэзии. М.А. Кронгауз исследует формальные и содержательные механизмы жанров «пирожков» и «порошков», останавливаясь также на их истории в интернет-поэзии [Кронгауз, 2019].

Пирожки и порошки – жанры, генетически связанные между собой. Пирожки зародились в среде авторов хокку на русском языке в начале XXI в., своим названием они обязаны тому, что первые стихи в этом жанре касались в основном темы еды. Вскоре стали появляться сообщества любителей жанра в «Живом журнале». Жанр порошков, возникший в среде авторов пирожков, представляет собой модификацию первоначального стихотворного формата. Их названия фонетически созвучны, кроме того наименование «порошки» отсылает к «винтажной фармакологии» [там же, с. 111]¹. Оба жанра характеризуются определенным стихотворным форматом. Пирожки представляют собой нерифмованные четверостишия, написанные четырехстопным ямбом с чередованием женских и мужских клаузул:

*сперва жена моя сбежала
потом собака и коты
сейчас смотрю как трудно рыбкам
аквариум толкать к дверям* (Severus) [там же, с. 111].

Порошки имеют два формальных отличия – в них четвертая строка усечена до двух слогов и рифмуется со второй:

*пусть карл и клара постарели
но пронеся сквозь годы страсть
все смотрят что бы друг у друга
украсть* (колик) [там же, с. 112].

¹ «как написано в “истерической справке” на сайте “Порошки»» (<http://poroshokuhodi.ru/history.html>) [Кронгауз, 2019, с. 111].

В обоих жанрах отсутствуют знаки препинания и используются только строчные буквы, имя автора заменено сетевым ником.

Большинство исследователей называют оба данных жанра, как и другие жанры интернет-поэзии, пограничными между литературой и фольклором¹. Среди характерных для них содержательных черт выделяется установка на абсурд, сближающая их с поэзией нонсенса; отмечается также их участие в создании нового явления – фольклорно-литературного гипертекста². М.А. Кронгауз отмечает формальные и содержательные механизмы стихотворений-порошков. Усечение четвертой строки способствует семантическому и прагматическому выделению помещенного в ней слова, при этом выделенная строка по смыслу противопоставлена предыдущим и неожиданна. Для описания такой концовки используется термин «пуант» (от фр. *pointe* «острие», «острота»). Под влиянием финала – пуанта переосмысляются образы персонажа, представления о функциях и ролях людей, традиционные оценки той или иной ситуации, которые присутствуют в первых трех строчках. В числе таких превращений по частотности выделяется взаимопревращение «мужчина → кот», которое нередко сопровождается прецедентными феноменами:

*идет налево песнь заводит
о красоте любви весне
ну а потом идет направо
к жене
(bro) [Кронгауз, 2019, с. 121].*

Мотив превращений в порошках, по мнению М.А. Кронгауза, связывает его объекты по образцу метафоры: в них объект предстает как принадлежащий одновременно к двум разным сферам, и это может рассматриваться как художественный способ познания и объяснения мира [там же, с. 123].

¹ Отмечается, что они возникли в контексте таких принадлежащих к разным культурам поэтических жанров, как хайку, лимерики, частушки, «садистские стишки», поэзия обэриутов, «гарики» И. Губермана и др. [Кронгауз, 2019, с. 114].

² Петренко С.Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2017. – С. 19–21.

Список литературы

Азарова Н.М. Философские основания предьявления новизны в поэтическом тексте // Слово. ру: балтийский акцент. – Калининград, 2019. – Т. 10, № 4. – С. 85–96.

Зельдович Г.М. Взаимоподобие смыслов и структура художественного текста // Слово. ру: балтийский акцент. – Калининград, 2020. – Т. 11, № 1. – С. 87–100.

Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии «порошок») // Слово. ру: балтийский акцент. – Калининград, 2019. – Т. 10, № 4. – С. 109–126.

Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов // Слово. ру: балтийский акцент. – Калининград, 2020. – Т. 11, № 1. – С. 50–86.

Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Сказать почти то же самое»: Текст как паттерн, паттерн как текст // Слово. ру: балтийский акцент. – Калининград, 2019. – Т. 10, № 4. – С. 97–108.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

2020.04.019. ТРОШИНА Н.Н. ЭМОТИВНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ РУССКОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ.

TRISHINA N.N. Emotive Ecolinguistics and the problems of the Russian language speech communication.

Аннотация. Эмотивная лингвоэкология основывается на общих положениях лингвокультурологии и на концепции лингвистической теории эмоций. Развитие эмотивной лингвоэкологии связано с явным усилением эмоционального начала и агрессивности в речевых практиках во всех сферах коммуникации, что обусловило развитие алетической (узуальной) языковой нормы в ущерб деонтической (литературной). Это усиливается тем, что социальное взаимодействие сегодня осуществляется в основном в сфере массовой культуры, которая не способствует качественному развитию дискурсивной компетенции носителей языка, приводит к постепенной девербализации общества, отказу от высокого стилевого регистра в речевом общении, к распространению жаргонизмов и обценной лексики.

Abstract. Emotive ecolinguistics is based on the general provisions of culturology of language communication and the concept

of the linguistic theory of emotions. The development of emotive ecolinguistics is associated with a clear increase in the emotional beginning and aggressiveness in speech practices in all areas of communication, which has led to the development of the aletic (usual) language norm to the detriment of deontic (literary) one. This process has been reinforced by the fact that social interaction is carried out mainly in the sphere of mass culture that does not promote quality development of the discourse competence of language speakers, leading to the gradual deverbalsation of the society, rejection of the high stylistic register in speech communication and the spread of slang and obscene language.

Ключевые слова: эколингвистика; макроэколингвистика; микроэколингвистика; эмотивная лингвоэкология; коммуникативная этика; девербализация общества; дискурсивная компетенция; лингвоэкологический баланс языка; жаргонизмы, обценная лексика.

Keywords: ecolinguistics; macroecolinguistics; micro ecolinguistics; emotive ecolinguistics; communicative ethics; deverbalsation of the society; discursive competence; ecological balance of a language; slang words, obscene vocabulary.

Понятие экологии охватывает сегодня самые разные сферы, важные для существования как человеческого общества в целом, так и каждого человека в частности. Поэтому на страницах газет, на телеэкране, в Интернете широко дискутируются проблемы экологии окружающей среды, культуры, технического прогресса и многих других сфер жизни. Естественным следствием актуальности экологических проблем явилась экологизация современного научного знания, т.е. распространение идей и терминопонятий первоначально исключительно биологической экологии как науки об охране окружающей среды (по Э. Геккелю) на другие естественно-научные и даже гуманитарные науки, в том числе и на лингвистику, в результате чего сформировалась новая отрасль языкознания – эколингвистика.

Язык исследуется с позиций эколингвистики участниками различных лингвоэкологических объединений в России, например, в Лаборатории лингвоэкологии и речевой культуры Сибирского федерального университета, в Центре экологии языка и речи Пензенского государственного педагогического университета, в Лабо-

ратории экологии языка и речи Тамбовского государственного университета.

В эколингвистике наиболее распространена точка зрения, согласно которой в этой области выделяются два основных направления исследований:

1) макроэколингвистика, занимающаяся проблемами выживания, исчезновения / смерти языков, а также проблемами языковой политики, языковых конфликтов и языковых прав человека;

2) микроэколингвистика, в рамках которой языковые единицы, речевые акты и речевое поведение в целом анализируются с позиций коммуникативной этики.

Это направление исследований получило также название «лингвоэкология». Ее проблематику определяет А.П. Сковородников (ведущий российский специалист по лингвоэкологии, руководитель Красноярского регионального отделения Российской риторической ассоциации): 1) языковая и речевая деградация (исследование факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию); 2) языковая и речевая реабилитация (исследование путей и способов обогащения языка и совершенствование системы этических и прагматических постулатов речевого общения) [Сковородников, 2000, с. 70].

Это направление основывается: 1) на общих положениях линвокультурологии, в которой наиболее ярко проявился «культурный поворот» в социогуманитарном знании, в результате чего общепризнанными стали понятия «языковленность культуры» и «культурообусловленность языка»; 2) на методологических принципах лингвистической теории эмоций [Шаховский, 2008], заявляющей о «необходимости учета влияния эмоционального слова на здоровье человека посредством установления взаимозависимости между лингвоэкологией и валеологией» [Панченко, 2013, с. 374; Панченко, Штеба, 2013, с. 5], т.е. наукой о здоровье человека. Взаимосвязь лингвистики эмоций и эмотивной лингвоэкологии уточняет Н.Г. Солодовникова: «Ситуации формируют эмоции, которые влияют на выбор реализующих их семиотических знаков, и наоборот. Экологичности коммуникации способствует баланс позитивно- и негативно-оценочных эмотивов» [Солодовникова, 2013, с. 46].

Становление эмотивной лингвоэкологии является ответом на явное усиление эмоциональности и агрессивности общения во всех сферах жизни – от бытовой до официальной и профессиональной, на что обращает внимание А.И. Цой: «Порой сиюминутные эмоции общающихся порождают неуместные аффективы *На хрен! Зараза! Да это жопа вообще! Да хрен его знает!* Подобные эмотивы можно рассматривать в качестве маркеров неэкологичной коммуникации, поскольку они не только загрязняют, засоряют нашу речь и обедняют культуру человеческого общения, но и способны отрицательно влиять на здоровье коммуниканта и наблюдателей коммуникативной ситуации» [Цой, 2013, с. 289].

В рамках эмотивной лингвоэкологии используется термин «эмотиология», обозначающий междисциплинарную отрасль науки, предметом изучения которой является роль эмоций в деятельности человека. В узком смысле эмотиология понимается как лингвистика эмоций, т.е. как дисциплина, сформированная на стыке психологии и языкознания, и изучающая связь эмоций и языка. В отечественном языкознании результаты изучения этой связи обобщены и представлены в монографиях В.И. Шаховского «Лингвистическая теория эмоций» [Шаховский, 2008 а, 2008 б], «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» [Шаховский, 2009], «Голос эмоций в языковом круге *homo sapiens*» [Шаховский, 2012], в которых лингвистическая категория эмотивности трактуется как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы» [Шаховский, 2008 а, с. 5].

Суть взаимодействия языка с национальной культурой четко определил В.И. Карасик в статье «Ценностные параметры лингвоэкологического общения»: «...язык получает от культуры систему потребностей человеческого общества как огромного распределенного организма, перерабатывает эти потребности в смысловые кванты, выражает их в знаках и, в свою очередь, передает культуре упакованный опыт в виде слов, словосочетаний, высказываний, текстов, речевых жанров и типов дискурса» [Карасик, 2013, с. 191].

Таким образом, выстраивается цепочка: система потребностей общества – смысловые кванты – тексты / дискурсы (вербаль-

ные и креолизованные). Вербализация этой цепочки подвержена постоянным изменениям, так как постоянно изменяется, прежде всего, ее начальное звено – система потребностей человеческого общества под воздействием экономических, политических и социальных факторов. На первый план выходят иные смысловые кванты в соответствии с изменяющимися параметрами культурной парадигмы общества [Бакач, 1998]; соответственно меняются требования к «вербальной упаковке» смысловых квантов, т.е. меняется языковая норма, принимаемая / непринимая лингвокультурным сообществом. Поэтому важно, какая из двух типов языковой нормы оказывается актуальной в данное время для социокультурной ситуации в обществе: деонтическая норма (кодифицированная) или алетическая (узуальная, отражающая наиболее распространенные вербальные привычки носителей языка) [Германова, 2016, с. 10]. Для отечественной лингвистики более традиционно признание деонтической нормы, характерной для прескриптивного подхода к языку и речевым практикам. Алетическая же трактовка языковой нормы характерна для дескриптивной лингвистики, которая видит свои задачи исключительно в сборе и описании языковых фактов (см. об этом подробнее в: [Трошина, 2014]).

Вопрос о соотношении двух названных типов языковой нормы и о влиянии этого соотношения на сохранность / разрушение русскоязычной лингвокультуры должен рассматриваться в контексте демократизации речевого общения и общества в целом с учетом того, что социальная практика представлена сегодня, в основном, в сфере массовой культуры. Как отмечает В.И. Карасик, лингвистически релевантной характеристикой этой культуры «является гипертрофия эмоционального компонента и редукция рационального компонента в вербальных реакциях» [Карасик, 2010, с. 108], что сопровождается снятием многих тематических и стилистических табу. Это наблюдение В.И. Карасика подтверждает актуальность исследований в области эмотивной лингвоэкологии для решения проблем современной русскоязычной коммуникации. Результатом такой «демократизации» является девербализация общества (термин В.И. Карасика: [Карасик, 2010, с. 113]), подготовленная к тому же недостаточным развитием дискурсивной компетенции и дискурсивных навыков значительной части носи-

телей русского языка. «Приходится констатировать», пишет автор, «что развитие дискурсивной компетенции граждан не рассматривается в нашем обществе как одно из приоритетных направлений в языковой политике, и это наносит несомненный урон культуре поведения наших современников. Такая компетенция не усваивается стихийно в обиходном общении, более того, она принципиально несовместима с повседневным модусом бытия. Следовательно, дискурсивная компетенция должна быть детально осмыслена лингвистами, сформирована в школе, поддержана в средствах массовой информации и постепенно принята массовым сознанием как тип престижного поведения» [Карасик, 2010, с. 113].

Именно неразвитость дискурсивной компетенции людей в сочетании с резким снижением уровня образования и эмоционального воспитания в средней школе привела к повсеместному расширению сферы влияния алетической нормы и, следовательно, к массовым нарушениям деонтической языковой нормы. Результатом этого явилось падение речевой культуры, а также культуры в целом, прежде всего, в молодежной среде. Доказательства этому печальному факту приводит А.П. Сковородников, который провел со студентами первого курса Сибирского федерального университета (102 человека в возрасте от 17 до 20 лет) эксперимент на понимание ими библейских фразеологизмов, используемых в современной художественной литературе и публицистике. Как выяснилось в результате этого эксперимента, по пятибальной системе фразеологическая компетенция студентов (вчерашних школьников) равна 0,17 балла. Они не понимают библейских выражений в прессе, например: *Что же до комедий, то кто же сегодня в них бросит камень?* (Литературная газета, 2007, № 47–48); *В XX веке мы всем народом взойшли на Голгофу* (Завтра, 2007, № 42). А.П. Сковородников констатирует «дистрофию мира эмоций» у «рыночной личности» [Сковородников, 2016, с. 44]. Этот вывод подтверждается результатами другого проведенного им же эксперимента. На этот раз в качестве респондентов были выбраны 20 человек с высшим филологическим образованием – магистры, аспиранты, молодые преподаватели филологического отделения Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета. Им были предложены 120 слов, обозна-

чающих эмоции и эмоциональные состояния человека, например *возгордиться, добросердечный, кроткий, ликовать*, которые надо было распределить по трем рубрикам – часто употребляемые, редко употребляемые и совсем не употребляемые. При обработке анкет существенными считались только те количественные показатели, которые были получены не менее чем от 50% респондентов. Выяснилось, что 44 слова из 120 (36,7%) оценены как редко употребляемые или вообще не употребляемые [Сковородников, 2016, с. 44].

Сокращение сферы высоких эмоций объясняет практическое исчезновение высокого стилового регистра из речевых практик и уход из употребления слов, передающих этические представления и имеющих огромный лингвокультурный потенциал. Сегодня их используют только наиболее образованные носители русского языка, круг которых, к сожалению, сужается. «Если в обществе сужается круг людей, понимающих и ценящих такие слова, неизбежно происходит их переход из живого лексического запаса в область пассивного словаря», – пишут Л.А. Брусенская и Э.Г. Куликова в монографии «Экологическая лингвистика» [Брусенская, Куликова, 2018, с. 22]. По их мнению, «усилиями современных мастеров слова эта лексика может снова вернуться в ‘светлое поле сознания’» [Брусенская, Куликова, 2018, с. 22].

С меньшим энтузиазмом относится к такой перспективе М.Н. Эпштейн – лингвист и культуролог, инициатор и куратор конкурсов «Слово года» и «Неологизм года», проводимых в России с 2007, – оценивая солженицынскую попытку расширения русского языка за счет восстановления утраченной и утрачиваемой архаичной лексики: «Язык не может жить одними только воспоминаниями. Чтобы ответить на вызов времени, языку нужно воображение, способность творить новые слова и понятия, не ограничиваясь только восстановлением своего прошлого или заимствованиями из других языков» [Эпштейн, 2006].

Высокий стиловый регистр отстает под натиском субстандарта. Причины этого называют И.В. Баженова и В.А. Пищальникова в книге «Актуальные проблемы лингвистической безопасности»: 1) следование тезису «допустимо все, что не запрещено законом» привело к размыванию нормы во всех сферах жизни (в том числе и языковой нормы) и к смене когнитивных структур со-

знания; 2) социально одобряемая «близость к простому народу» привела к люмпенизации культуры вообще и к использованию жаргонной лексики, в частности; 3) массовое освобождение из тюрем людей, осужденных за антисоветскую деятельность и привнесших в речевое общение элементы лагерной субкультуры, которыми «на волне ‘свободомыслия’ заразилась и часть российской интеллигенции» [Баженова, Пищальникова, 2015, с. 133–134]. Сложилась совершенно неприемлемая с лингвоэкологической точки зрения ситуация, когда обценная лексика, мат «становится неощутимым для речевой нормы коммуникантов и используется носителями языка всех типов – от школьников до политиков и педагогов. В большинстве случаев говорящие с помощью мата не выражают эмоций, для них мат неэмоционален, безоценочен и неэкспрессивен, что указывает на его деэмоционализацию» [Шаховский, 2012, с. 68]. Полностью солидаризируясь с В.И. Шаховским, В.В. Леонтьев подчеркивает, что «употребление матерных слов и выражений просто так, ради своеобразной моды, ведет к ‘обесчеловечиванию’ человека разумного» [Леонтьев, 2013, с. 371].

Детабузация грубого просторечия отражается в лексикографических изданиях [Брусенская, Куликова, 2018, с. 111]. Издающиеся большими тиражами словари жаргонизмов и арготизмов русского языка (например, [Елистратов, 2000; Елистратов, 2013; Мокиенко, Никитина, 2003]) способствуют распространению обценной и субстандартной лексики несмотря на то, что такие словари снабжены пометой «ограничение 18+».

А.П. Сковородников прослеживает языковой статус жаргонизмов и динамику их вхождения в литературный язык, отмечая изменения оценки этой лексики лингвистами, занимающимися проблемами культуры речи и лингвоэкологии. Выделенные этапы соответствуют этапам появления и становления моды на жаргонизмы:

«1) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах, но еще не зафиксированные лингвистическими словарями;

2) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и включенные в словари жаргонов, но не зафиксированные толковыми словарями современного русского языка;

3) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные не только в словарях жаргонов, но и в толковых словарях современного русского языка с пометой 'жарг.';

4) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные словарями жаргонов и словарями современного русского языка с пометами 'жрр.', 'разг.-сниж.' и 'разг.';

5) жаргонные слова и выражения, употребляемые в газетных текстах и зафиксированные как в словарях жаргонов, так и хотя бы в одном из толковых словарей современного русского языка без ограничительных помет» [Сковородников, 2016, с. 101].

При таком положении дел в лексикографической сфере едва ли стоит рассчитывать на «самоочищение» русского языка и сохранение его «лингвоэкологического баланса» [Савельева, 1997, с. 47; цит. по: Сковородников, 2016, с. 96].

Нарушению лингвоэкологического баланса русского языка во многом способствуют игровые и манипулятивные приемы в рекламном дискурсе, используемые «с целью нарушения (или обхода) общепринятых языковых и этических норм, считает Л.П. Амири [Амири, 2013, с. 161]. Автор справедливо видит одну из важнейших задач эмотивной лингвоэкологии в том, чтобы сделать язык рекламной коммуникации более соответствующим литературной норме, избавив рекламные тексты от целенаправленного нарушения грамматических и орфографических правил и, тем более, от вульгаризмов. Называются следующие варианты таких нарушений: 1) создание орфографически-графических окказионализмов-контаминаций через вариации в написании согласных, например, через удвоение согласного: *Мы ВЕЛЛЛиколенно разбираемся в пляжных курортах и отдыхе* (реклама сети агентств пляжного отдыха «ВЕЛЛ»); *ДИВВные окна!* (реклама фирмы окон «ДИВВ»); вариации в написании гласных: *Билайн. Бисплатно – все входящие с мобильных* (реклама компании «Билайн»); 2) использование графогибридизации, например, *раZOOMный выбор* (реклама слабоалкогольного напитка “ZOOM”). Эти «ошибки» в рекламе могут закрепиться в сознании людей. Кроме того, сочетания букв кириллического и латинского алфавитов могут создать эффект вульгарности «на грани фола», чтобы привлечь внимание

потребителя, например: *Студенческий MIX – заMIXуй по полной!* (реклама тарифа “MIX” сотового оператора).

Л.П. Амири абсолютно права, видя опасность вульгаризации рекламного пространства из-за доступности рекламы как механизма распространения социокультурного опыта [Амири, 2013, с. 161] (в данном случае крайне нежелательного) и изменения норм родного языка [Амири, 2013, с. 161–162].

Еще одной весьма спорной особенностью современной русскоязычной коммуникации является широкое распространение в ней англоамериканских заимствований. Это нередко вызывает у людей чувство дискомфорта – ощущения, что с ними говорят на иностранном языке и при этом обманывают, в результате чего у них возникает чувство неприязни к английскому языку.

Основной причиной усиления позиций английского языка считается процесс глобализации и связанная с ней языковая мода «на все англоамериканское». Ю.Н. Караулов внес корректировку в такой подход к проблеме: «...внедрение иноязычных слов идет от лености ума, консерватизма мышления говорящего и пишущего, от нежелания ‘растормошить’ ресурсы родного языка и заглянуть в его запасники, а иногда... от стремления к элитарности в тексте, от гордыни знающего иностранные языки перед незнающими их» [Караулов, 1995, с. 20]. Соответственно, в специальной литературе представлены точки зрения «за» и «против» распространения англоамериканизмов. Согласно позиции защитников этого явления, заимствование – это естественный процесс, который ведет к обогащению принимающего языка. Никакой опасности для русского языка не существует, в языке останутся только нужные заимствованные единицы, остальные сами со временем исчезнут. Обществу нет никакой необходимости принимать меры по спасению русского языка. Мнение о способности русского языка к самоочищению и самозащите от ненужных инноваций разделяет И.Б. Левонтина – автор книги «Русский со словарем»: «Если в языке прижилось новое слово или новое значение старого слова, значит, это зачем-то языку нужно: в нашем сознании, культуре появился новый смысл, новое понятие, для которого недостаточно словесной оболочки. А если нет потребности в такой оболочке, – как новое слово ни насаждай, язык его либо отторгнет, либо пере-

осмыслит и вложит в него то содержание, которое ему нужно» [Левонтина, 2010, с. 009].

Точку зрения об опасности массированного проникновения заимствований в русский язык разделяет большинство исследователей, в частности, процитированный выше М.Н. Эпштейн. На вопрос, как складывается судьба русского языка, он ответил: «Плохо. Русский язык стремительно теряет свое место в мировой лингвосфере. Переполняется заимствованиями, почти перестал рождать слова на своей собственной корневой основе. Русские слова не заимствуются другими языками, не несут новых идей... Представление, что язык сам решит свои проблемы, – это как жить “на авось”. Это может привести к тому, что через два-три поколения русский язык перейдет на латиницу, потому что подавляющее большинство слов в языке станут варваризмами, а алфавит должен соответствовать лексическому составу языка. ‘Мерчендайзер’ на русском языке воспринимается ужасно и непонятно. Как на латинице, например, ‘ощущение’ *oschuschenije*. Если большинство слов в русском языке будут заимствованиями из языков с латинской основой, тогда и русскому языку придется переходить на латиницу. Тогда и Пушкина, и Толстого будем читать на латинице, такой переход с кириллицы на латиницу уже близок к завершению в Сербии» [Эпштейн, 2014].

Детальный перечень мнений лингвистов по названной проблеме приводится в кандидатской диссертации Н.С. Гуторовой «Аксиология языковых заимствований в контексте лингвистической экологии» [Гуторова, 2016]. Автор выражает взвешенную позицию, согласно которой «на первый план при решении вопроса об иноязычии в языке должна быть выдвинута риторическая категория уместности» [Гуторова, 2016, с. 12]. Таким образом, с точки зрения лингвоэкологии оправданными можно считать заимствования, если они «детерминируются потребностями языка в номинации и репрезентации ‘импортируемых’ им новых концептов» [Гуторова, 2016, с. 7]. В этом случае не возникает угрозы безопасности языка, которую автор определяет как «такое состояние сложной системы, когда действие внешних и внутренних факторов не приводит к ухудшению системы или к невозможности ее функционирования и развития» [Гуторова, 2016, с. 11].

В заключение подчеркнем, что формирование новых направлений лингвистических исследований всегда является ответом гуманитарного знания на актуальные проблемы социокультурной ситуации в данном лингвокультурном сообществе. Одним из таких ответов и являются исследования в области эмотивной лингвоэкологии, которая видит свою задачу в том, чтобы обратить внимание образовательных институций и СМИ на тревожную ситуацию в русскоязычном речевом общении.

Список литературы

Амири Л.П. Языковая игра – угроза экологичности общения в речевой культуре: (На материале рекламной коммуникации)? // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 160–172.

Баженова И.В., Пищальникова В.А. Актуальные проблемы лингвистической безопасности. – Москва: Юнити = Unity, 2015. – 151 с.

Бакач Н.Б. Культурная парадигма как объект социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 1998. – 21 с.

Брусенская Л.А., Куликова Э.Г. Экологическая лингвистика. – Изд. 3-е, стереотип. – Москва: Флинта; Наука, 2018. – 184 с.

Германова Н.Н. Лингвокультурные основания нормативной грамматической традиции: На материале грамматик английского языка XVII – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2016. – 47 с.

Гуторова Н.С. Аксиология языковых заимствований в контексте лингвистической экологии: (На материале современных англоамериканизмов): дис. ... канд филол. наук. – Майкоп, 2016. – 171 с.

Елистратов В.С. Словарь русского арго: (Материалы 1980–1990 гг.). Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2000. – 693 с.

Елистратов В.С. Словарь русского капиталистического жаргона начала XXI века. – Москва: МАКС ПРЕСС, 2013. – 175 с.

Карасик В.И. Ценностные параметры лингвоэкологического общения // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 191–201.

Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Перемена, 2010. – 421 с.

Караулов Ю.Н. О некоторых особенностях современного состояния русского языка и науки о нем // Русистика сегодня. – М., 1995. – № 1. – С. 5–23.

Левонтина И.Б. Русский со словарем. – М: Азбуковник, 2010. – 335 с.

Леонтьев В.В. Невежливые выказывания в свете эмотивной лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 363–374.

Панченко Н.Н. Экологичность коммуникации сквозь призму достоверности информации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 374–388.

Панченко Н.Н., Штеба А.А. Введение // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 5–7.

Савельева Л.В. Языковая экология: русское слово в культурно-историческом освещении. – Петрозаводск: КГПУ, 1997. – 144 с.

Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: Специализированный вестник Краснояр. гос. ун-та. – Красноярск, 2000. – Вып. 3 (11). – С. 70–78.

Сковородников А.П. Экология русского языка. – Красноярск: Сиб. фед. гос. ун-т, 2016. – 388 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани: Матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. 4400 слов и 4000 устойчивых сочетаний. – СПб.: Норинт, 2003. – 446 с.

Солодовникова Н.Г. Содержание научного направления «эмотивная лингвоэкология»: Проблемы и перспективы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 43–52.

Трошина Н.Н. Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкой германистике // Субъект познания и коммуникации: Языковые и межкультурные аспекты: сб. науч. трудов, посвященный юбилею Л.И. Гришаевой. – Воронеж: Наука; Юнипресс, 2014. – С. 414–429.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – Волгоград: Перемена, 2008 а. – 419 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – Москва: Гнозис, 2008 б. – 416 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Изд-е 3-е. – Москва: URSS, 2009. – 204 с.

Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге homo sapiens. – Москва: URSS; Либроком, 2012. – 141 с.

Цой А.И. Лингвоэкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 288–294.

Этштейн М.Н. Русский язык в свете творческой филологии разыскания. – URL: <https://magazines.gorky.media/znania/2006/1/russkij-yazyk-v-svete-tvorcheskoj-filogii-razyskaniya.html> (дата обращения: 10.03.2020).

Этштейн М.Н. Геометрия отношений // Exlibris. – URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2014-04-17/2_persona.html (дата обращения: 09.03.2020).

ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

2020.04.020. ДОШЛЫГИНА А.В. ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. (Обзор)¹.

Ключевые слова: лингвокреативность; F-креативность; E-креативность; аберрация; неологизмы; лингвистические инновации; грамматика; морфология; семантика.

В настоящей работе обозреваются статьи по лингвокреативности в современном английском языке, в частности в онлайн-пространстве как медиаплатформ, так и социальных сетей. В первой статье [Bergs, 2019] поднимается вопрос о феномене лингвистической креативности, во второй статье [Bergs, 2019] приводятся конкретные примеры лингвокреативности в англоязычном Интернете.

В попытке ответить на поставленный в названии статьи [Bergs, 2019] вопрос А. Бергс обращается к понятию креативности как таковой и со ссылкой на Д. Симонтона (2012) определяет ее как оригинальность, помноженную на уместность. Автор статьи задается следующими вопросами. Возможна ли креативность в языке, и если да, то каким образом язык как система, основанная на правилах, допускает появление лингвистических инноваций? Каким образом говорящие воспринимают неожиданные единицы языка?

Рассуждая над ответами, А. Бергс приводит утверждение Н. Хомского, согласно которому в рамках теории генеративной грамматики в языке существует ограниченный набор правил, по которым может быть построено бесконечное число грамматически правильных предложений. В таком случае возникает вопрос, можно ли считать такие ограниченные правилами предложения креативными. Дж. Сэмпсон² дает отрицательный ответ, так как считает, что такого рода предложения можно назвать лишь производительностью, но не креативностью в языке. Он сравнивает новые грамматически правильные предложения с операцией умножения в ма-

¹ © Дошлыгина А.В., 2020

² Sampson G. Two ideas of creativity // Evidence. Experiment and argument in linguistics and philosophy of language / Hinton M. (Ed.). – Bern: Peter Lang, 2016. – P. 15–26.

тематике, когда результат умножения больших чисел не рождает ранее неизвестное число, а лишь добавляет его в ряд заведомо предусмотренных математическим правилом чисел. Такую креативность Дж. Сэмпсон называет F-креативностью¹ (*F-creativity*), где F обозначает признак «фиксированный» (*fixed*). В противоположность ей он также выделяет E-креативность (*E-creativity*), где E – «увеличивающийся», «расширяющийся» (*enlarging, extending*). Креативность второго типа можно наблюдать, когда происходит умышленное или неумышленное нарушение правил языка.

Лингвистические инновации имеют несколько источников или индивидуальных каналов происхождения. К таким источникам А. Бергс относит малапропизмы² (*malapropisms*), неуместные выражения (*inappropriate expressions*), малафоры³ (*malaphors*) и неудавшиеся этимологии (*failed etymologies*). Другими источниками являются диалект (*dialect*) или языковой контакт (*language contact*), когда лингвистическая креативность мотивируется заимствованиями. Ни один из этих источников автор не считает полноценным примером E-креативности. К более адекватным примерам E-креативности автор относит «снежное клонирование» (*snow cloning*), «принуждение» / «подавление» (*coercion*) и аберрацию (*aberration*).

Под «снежным клонированием» понимается фрейм или клише, по лекалу которого впоследствии выкраивается новое высказывание, например: «If Eskimos have 40 words for snow, Germans have 40 words for beer» (*Если у эскимосов 40 слов для обозначения снега, то у немцев – 40 слов для пива*) [Bergs, 2019, p. 177]. Таким образом может быть построено любое выражение по модели «If X have Y words for Z, then A have B words for C» (*Если у X есть Y слов для Z, то у A есть B слов для C*) [ibid., p. 177]. Часто новые выражения, построенные по принципу снежного клонирования, сохраняют лишь модель, но не значение фразы-образца, например: «He is not the sharpest tool in the shed» (букв.: *Он не самый заточенный инструмент в сарае*) [ibid.] со значением «он не очень-то

¹ Здесь и далее перевод с английского языка наш. – *Прим. реф.*

² Малапропизм – это неправильная замена одного слова другим, сходным по звучанию. – *Прим. реф.*

³ Малафора – это случайное или намеренное сращение двух идиом. – *Прим. реф.*

умный» становится образцом для снежного клона в высказывании «He is not the hottest marshmallow in the fire» (букв.: *Он не самый горячий зефир на костре*) [ibid.], которое построено по той же модели, но используется для передачи значения ‘не самый сексуально привлекательный человек’. Автор отмечает, что и такой источник лингвистической инновации не в полной мере отражает Е-креативность.

В результате использования приема «принуждение / подавление» происходит смещение несовместимых смысловых элементов, что приводит к неоднозначности, например: «The next day I actually began the book» (*На следующий день я-таки начал книгу*) [ibid.]. Неясно, что говорящий имеет в виду: начал ли он писать или читать книгу. В данном случае смысл высказывания может быть понят лишь из окружающего его контекста. Настоящий феномен лежит в основе таких лингвокреативных процессов, как метафора и метонимия.

А. Бергс рассматривает аберрацию как наиболее близкий Е-креативности феномен в лингвистике. Результат аберрации представляется непредсказуемым, так как не подчиняется никаким существующим в языке правилам. Примером аберрации служит использование наречия *fun* в значении ‘весело’ в роли прилагательного «веселый»: «Anyway, fun night, Felix» (*Как бы то ни было, веселая ночь, Феликс*) [ibid., p. 180]. Такая лингвистическая инновация, по утверждению автора, стоит в одном ряду с неологизмами типа *Yahoo* и *Xerox*, несмотря на то что даже они подчиняются определенным правилам английского языка, в частности фонотактике, и могут относиться к Е-креативности.

Описанные инновации не часто встречаются в разговорной речи, в то время как в художественной литературе используются повсеместно. А. Бергс отсылает читателя к Дж. Джойсу, поэзии дадаистов, произведениям Э.Э. Каммингса, а также к «Алисе в стране чудес» Льюиса Кэрролла, богатых лингвистическими инновациями. Эти писатели сознательно нарушают границы принятых в языке правил, поэтому анализ подобных инноваций должен проводиться в рамках не лингвистических, а культурологических или литературоведческих исследований.

Основной вывод, к которому приходит А. Бергс, сводится к тому, что разграничение F- и Е-креативности оказывается гораздо

более простой задачей в теории, нежели на практике. Е-креативность реже встречается в речи и может наблюдаться только при нарушении базовых правил языка, как в случае с аберрацией. В свою очередь, феномены «снежное клонирование» и подчинения скорее являются примерами F-креативности. Намеренные, не спонтанные лингвистические инновации встречаются и в письменной речи, и в языке рекламы. Дальнейшие исследования могут проводиться в области определения характера отношений между лингвистической и когнитивной креативностью, а также различий между активной и пассивной видами креативности в рамках когнитивной лингвистики и когнитивной науки в целом.

Э. Подховник рассматривает феномен персонификации кошек в сфере медиаполитики или же «котификации» (*catification*) медийного пространства Великобритании [Podhovnik, 2018]. За последние несколько лет количество «мяулогизмов», т.е. неологизмов, связанных с представителями семейства кошачьих, значительно увеличилось, заняв целую нишу в англоязычном Интернете. Автор статьи анализирует мяулогизмы с хэштегом #blackcat.

Прежде чем перейти к непосредственному социолингвистическому анализу мяулогизмов, Э. Подховник вводит ряд понятий, необходимых для дальнейшего изучения вопроса. С этой целью автор использует следующие концепты: сообщество (*community*), идентичность (*identity*), Интернет (*internet*), переменные (*variables*) и сбор данных (*data collection*). Автор также использует термин «легкое сообщество» (*light community*), который обозначает группу людей, временно идентифицирующих себя с другими членами этого сообщества по принципу общности конкретной темы. Одной из особенностей таких «легких сообществ» является наличие определенного дискурса или лингвистических форм, которые выражают принадлежность к этой группе.

Для качественного анализа дискурса «легкого сообщества» с хэштегом *blackcat* Э. Подховник прибегает к методу выборки по теме (*sampling by theme*) и выборки по феномену (*sampling by phenomenon*). Для сбора необходимого материала автор воспользовалась социальной сетью «Инстаграм» и несколькими британскими медиа-ресурсами. Исследовательница выбрала данную платформу и хэштег *blackcat*, так как сама ведет инстаграм-аккаунт своей черной кошки по кличке Муррли. В течение одного месяца в

2017 г. Э. Подховник проводила сбор мяулогизмов по своему и трем другим аккаунтам черных кошек. На протяжении одного месяца в 2016 г. она также анализировала новости таких СМИ, как *the BBC, the Daily Mail, the Guardian* и *the Sun* по поисковому слову «кошка».

В процессе анализа собранного материала автор пришла к выводу, что мяулогизмы делятся на ряд категорий. Так, часть кошачьих неологизмов содержит в себе слово «мяу» (*meow*), как в случае со словом «камяуфляж» (*cameowflage*) вместо «камуфляж» (*camouflage*) [ibid., p. 12]. Другие категории включают в себя слова и звуки, наиболее близко ассоциируемые с кошками: *cat* (кошка), *fur* (мех), *paw* (лапа), *purr* (мурлыкать), *hiss* (шипеть), *claw* (коготь) и др. [ibid.] и представлены такими распространенными ныне мяулогизмами, как *purrfect* (*purr* – мурлыкать + *perfect* – идеальный: букв. *мурдеально*), *pawesome* (*paw* – лапа + *awesome* – великолепный: букв. *лаполенный*), *fur-iend* (*fur* – мех + *friend* – друг: букв. *меходруг*) и пр.

Подводя итоги, использует игру слов: *кошки в Интернете оставили свои следы или же царапины на теле английского языка* («Internet cats have been leaving their scratch marks on the English language» [ibid., p. 13]), – говоря о том, что мяулогизмы стали расхожим явлением в англоязычных социальных сетях. В то же время мяулогизмы не ограничены рамками «легких сообществ», основанных на общей любви к кошкам, а вышли за их пределы и стали популярными в медиа-пространстве, предназначенном для более широкой аудитории. Именно этот выход за рамки отдельно взятых интернет-сообществ повлек за собой феномен пуррификации (*purrification*) или котификации английского языка, о котором автор пишет в названии статьи.

Список литературы

- Bergs A.* What, if anything, is linguistic creativity? // *Gestalt theory*. – De Gruyter: Berlin, 2019. – Vol. 41, N 2. – P. 173–184. – DOI: 10.2478/gth-2019-0017.
- Podhovník E.* The purrification of English: Meowlogisms in online communities: A qualitative description of a selected #blackcat community on Instagram // *English Today*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – Vol. 34, N 2. – P. 2–16.

УРОВНИ ЯЗЫКА

СИНТАКСИС

2020.04.021. КРЫЛОВ С.А. РОЛЬ ФИГУРЫ ГОВОРЯЩЕГО В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. ЧАСТЬ 2. СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ. (Опыт тематического дайджеста на материале «Русской грамматики» 1980 года)^{1,2}.

Ключевые слова: фонетика; фонология; синтаксис; простое предложение.

Данная работа представляет собой тематический дайджест высказываний представителей лингвистической русистики 1970-х годов по теме «роль фигуры говорящего в грамматическом строе русского языка», построенный на материале одного из самых подробных и систематичных описаний грамматического строя современного русского языка – академической грамматики русского языка 1980 года (РГ-1980).

В РГ-1980 содержатся обширные сведения по данной теме. В принципе для того, чтобы найти соответствующие сведения в тексте данной грамматики, потенциально можно было бы воспользоваться предметным указателем к РГ-1980; однако тот предметный указатель, который входит в состав РГ-1980, вовсе не содержит словарной статьи «говорящий» или словарных статей, включающих

¹ © Крылов С.А., 2020

² Работа выполнена при частичной поддержке грантов РФФИ № 170400594 «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика», РФФИ № 18-012-00650 «Семантические категории в грамматическом строе РЯ», РФФИ № 17 29-07049 «Исследование методами искусственного интеллекта системы когнитивных операций, реализуемых в научных текстах» и РФФИ № 17-29-09158 «Создание корпуса официально-деловых текстов РЯ (ОДКРЯ)».

слово «говорящий» в каких-либо грамматических формах. То же касается подробнейшего оглавления к этой грамматике: т.е. фигура «говорящего» не упоминается в этом оглавлении ни разу. Из этого, однако, не следует, что сведения о роли говорящего в грамматическом строе русского языка в РГ-1980 не содержатся; просто надо уметь их отыскать и систематизировать, и такой отбор представляет собой отдельную нетривиальную задачу.

Поэтому для того, чтобы компактно представить информацию по этой теме, надо обратиться к соответствующей базе данных. В дальнейшем изложении дайджест строится так: даются заголовки разделов и подразделов РГ-1980, в составе которых встречаются ссылки на роль говорящего в грамматическом строе русского языка, и приводятся соответствующие цитаты с точными ссылками на те страницы РГ-1980, откуда эти цитаты были взяты.

Подчеркнем, что научная критика (или, напротив, апологетика) по адресу РГ-1980 не входит в поставленную мною задачу. Субъективные умственные усилия, приложенные автором настоящего дайджеста, сводились лишь к тому, чтобы тенденциозно (т.е. субъективно) подобрать именно такие цитаты из текста РГ-1980, которые доказывают, что в тексте РГ-1980 данная проблематика рассматривается, причем с довольно высокой степенью подробности.

Том 1. Фонетика. Фонология. Основные сведения об ударении. Интонация. Интонация

«§ 150. Интонация – это звуковое средство языка, с помощью которого говорящий и слушающий выделяют в потоке речи высказывание и его смысловые части, противопоставляют высказывания по их цели (повествование, волеизъявление, вопрос) и передают субъективное отношение к высказываемому. (...) Из всех компонентов интонации изменения основного тона (в дальнейшем изложении просто “тона”) наиболее существенны для выражения и восприятия различий по цели высказывания и субъективного отношения говорящего к высказываемому. (...) Тембр звуков может меняться в зависимости от эмоционального состояния говорящего, например, при гнев, радости, страхе. Эти тембровые оттенки яв-

ляются свойством эмоциональной интонации и в “Грамматике” не рассматриваются (...)» [Брызгунова, 1980 а, с. 99].

«§ 156. (...) 2. Различия нейтрального и субъективного отношения говорящего в высказываниях с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом. При этом субъективное отношение говорящего к высказываемому может быть выражено как добавочный эмоционально-смысловой оттенок (нейтральный вопрос – вопрос с оттенком удивления, недоумения, назидания; нейтральный ответ – ответ с оттенком вызова, настороженности), как усиление смысла нейтрального высказывания (возражение – усиление возражения), как эмоциональное состояние говорящего (нейтральное эмоциональное состояние – гнев, радость, страх) (...)» [Брызгунова, 1980 а, с. 100].

«§ 157. Один и тот же тип ИК может употребляться в составе высказываний разного синтаксического строения. Так, в следующих случаях говорящий может употребить ИК-3: 1) *Он приехал³?* 2) *Он приехал³, / но не звонит.* 3) *Когда он приехал³, / я не знаю.* 4) *Когда он приехал³? Кажется, во вторник.* 5) *Но ведь все-таки он приехал³!* 6) *Приезжайте³ пораньше!* 7) *Какой фильм³ смешной!* 8) *Николаев³ – начальник экспедиции?* 9) *Николаев³, начальник экспедиции, / вернется через месяц.* 10) *Ну³, насмешил!* 11) *Весёлый же он!* В зависимости от синтаксического строения и лексического состава этих высказываний ИК-3 является средством выражения: вопроса 1, 8; повторения вопроса при ответе 4; незавершенности высказывания 2, 3, 9; оценки 10, 11; просьбы 6. (...)» [там же].

«§ 160. (...) Нейтральные реализации характеризуют речь, в которой субъективное отношение говорящего к высказываемому интонационно не выражено или выражено минимально.

С другой стороны, реализации какого-либо типа ИК могут иметь такие особенности строения, которые служат средством выражения субъективного отношения говорящего к высказываемому. Это – м о д а л ь н ы е р е а л и з а ц и и ИК. (...). (...). «Тот или иной тип ИК может иметь разное количество модальных реализаций. Они могут отличаться от нейтральных: 1) (...) 5) изменением тембра гласных при выражении чувств говорящего. (...)» [там же].

«(...) Если нейтральные реализации ИК участвуют в выражении смысловых различий высказываний, в противопоставлении нейтрального и субъективного отношения говорящего к высказы-

ванию, то функции модальных реализаций ограничены выражением субъективного отношения говорящего к высказываемому» [там же]).

«§ 161. (...) Эмоциональное состояние говорящего отражается в регистровых различиях. (...)» [Брызгунова, 1980 а, с. 103].

«§ 163. (...) ИК-7 характеризуется наименьшей функциональной нагрузкой, так как широко участвует лишь в выражении субъективного отношения говорящего к высказываемому, т.е. тех различий, которые совместимы в одном контексте (*Не пишет¹. – Не пишет¹!*); несовместимые в одном контексте смысловые различия высказываний, противопоставляемые посредством ИК-7, отличаются малой регулярностью (*Какой² там климат? – Какой⁷ там климат!*). (...)» [Брызгунова, 1980 а, с. 103-104].

«§ 167. (...) ИК-4 звучит при автоматическом сообщении времени по московскому телефону: *Тринадцать часов¹ / пятьдесят две⁴ минуты ...* В данном случае наблюдается смысловое несоответствие интонации и текста с точки зрения говорящего и слушающего: для диктора – перечисление часов и минут, для слушающего – отдельное сообщение о времени (...)» [Брызгунова, 1980 а, с. 117].

Том II. Синтаксис Простое предложение Основные понятия

«§ 1890. Языковое общение людей (языковая коммуникация), как непосредственное, устное, так и письменное, осуществляется в форме, которую можно назвать потоком речи или просто речью. В устном общении это может быть или речь одного говорящего, направленная к слушателю, – монолог или диалог, т.е. осуществляющийся между двумя или несколькими участниками обмен краткими репликами либо более развернутыми, сложными единицами языкового общения. В письменной речи, степень литературной обработанности которой бывает очень различна, это, соответственно, или обращенная к читателю монологическая речь пишущего, или воспроизведение более или менее ограниченных отрывков диалога, разговора, либо чьей-то чужой (не пишущего) монологической речи» [Шведова, 1980 б, с. 86].

«§ 1891. Объединенные в тексте минимальные сообщающие (коммуникативные) единицы по своему грамматическому качеству бывают весьма различны. Возьмем хорошо известный всем текст: *“Ужели”, думает Евгений: “Ужель она? Но точно... Нет... Как! Из глуши степных селений...” И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты. / “Скажи мне, князь, не знаешь ты, Кто там в малиновом берете С послем испанским говорит?” Князь на Онегина глядит. – Ага! Давно ж ты не был в свете. Постой, тебя представлю я. “Да кто ж она?” – Жена моя. – “Так ты женат! Не знал я ране! Давно ли?” – Около двух лет. “На ком?” – На Лариной. – “Татьяне!” – Ты ей знаком? – “Я им сосед”* (Пушк.). С точки зрения строения самого текста в этом отрывке отчетливо выделяются две части (они разделены косой чертой): первая – до диалога, объединяющая внутреннюю речь Онегина и вытекающий из нее авторский текст, и вторая – весь последующий диалог. Обе эти части, однако, тесно связаны друг с другом, с одной стороны, обстановкой и предметом речи, с другой стороны, единством говорящего (и думающего) лица (...)) [там же].

«§ 1899. С точки зрения цели (или установки) сообщения (коммуникативного задания) все предложения распределяются по двум большим классам: предложения невопросительные и вопросительные. Различие этих двух классов состоит в том, что невопросительные предложения заключают в себе то или иное сообщение, направленное к тому (тем), к кому обращена речь; говорящий (или пишущий) обладает информацией и передает ее другому (другим): он повествует о чем-то как о реальном или ирреальном, выражает свое желание, требует или просит. Вопросительные предложения в своей первичной функции заключают в себе поиск сообщения: говорящий информирует о том, что он хочет получить информацию от другого (других)» [Шведова, 1980 б, с. 91].

«§ 1900. Посредством интонации выражаются различия: 1) по цели высказывания: *Машина у Павла*⁽¹⁾ и: *Машина у Павла*⁽³⁾?; 2) по семантической структуре: *Машина у Павла*⁽¹⁾ (машина находится у Павла) и: *Машина*⁽⁶⁾ у Павла! (оценка: (у Павла хорошая [или плохая] машина)); в высказываниях с разным синтаксическим строем, но с совпадающим составом словоформ: *Вот бы*

Павел приехал! (желательность) и: *Вот бы Павел⁽³⁾/приехал⁽¹⁾* (противопоставление и возможность); 3) по степени смысловой нагрузки отдельных частей предложения: *Профессия врача⁽³⁾, если говорить об этом серьезно, / никогда его не интересовала* и: *Профессия врача⁽³⁾, / если говорить об этом серьезно⁽²⁾, /никогда его не интересовала⁽¹⁾*; 4) по выделению главного в сообщении: *Павел звонил⁽¹⁾ вчера* и: *Павел звонил вчера⁽¹⁾*; 5) по характеру отношения говорящего к высказываемому: *Зачем⁽²⁾ вы рассказали об этом?* (нейтральный вопрос) и: *Зачем вы рассказали об этом?* (недоумение); 6) по стилистической окраске: *Какая⁽⁵⁾ музыка!* (высок.) и *Какая музыка⁽⁶⁾!* (разг.)» [Брызгунова, 1980 б, с. 92].

«§ 1905. В каждом предложении и, шире, вообще в каждом высказывании, произнесенном или написанном, всегда присутствует лицо говорящее (или пишущее; далее – «говорящий»). Присутствие говорящего выражается в том, что он так или иначе относится к тому, о чем сообщает. Это отношение может быть или нейтральным, никак не выраженным, или ненейтральным. В последнем случае говорящий при посредстве разных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или способ сообщения, что-то в нем акцентирует, соотносит с обстановкой речи, с источником своей информации, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит. Весь этот широкий круг значений называется субъективно-модальными значениями. Субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивной окраской сообщаемого, с его эмоциональной оценкой. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений весьма разнообразны: это и интонационные конструкции, и конструкции грамматические, и лексические средства, определенным образом взаимодействующие с интонацией и словорасположением; частицы, вводные слова и группы слов, междометия. Специфическим качеством всей системы средств выражения субъективно-модальных значений является то, что все эти средства, как правило, выступают в тесном взаимодействии друг с другом (см. § 2190–2230)» [Шведова, 1980 б, с. 94].

Формы простого предложения
Формы ирреальных наклонений
Долженствовательное наклонение

«§ 1948. (...) Значением формы долженств. накл. является обязательность, вынужденность, предписанность осуществления чего-н. Образование этой формы возможно у предложений, сообщающих о деятельности, действии, об отношении к кому-чему-н., о ситуации обладания, владения чем-н. Содержание таких предложений – это сообщение о том, что может кем-то требоваться, считаться должным, обязательным, причем тот, кто требует или считает что-то должным, всегда известен или мыслится (часто обобщенно): он назван или непосредственно присутствует в речи (говорящий). Этот «требующий субъект» обычно является также и субъектом оценивающим: форма долженств. накл. в контексте очень часто несет в себе оттенок значения осуждения, нежелательности, недовольства по поводу того, что должно, что кем-то требуется или вынуждается извне» [Шведова, 1980 б, с. 117].

«§ 1950. На значение обычаем предопределенного долженствования говорящим могут накладываться субъективно-модальные значения: 1) недовольства по поводу несоблюдения диктующего обычая, уклада («надо, надо бы соблюдать то, что положено»); 2) оценки действия как трудного, сложного; 3) оценки действия как простого, доступного, легко осуществимого («нужно только...»); все эти значения накладываются контекстом и выявляются в кон-ситуации: 1) *Если виноваты, так вызови, объясни, помоги, на собрании обсуди. Но зачем же так – наскоком, криком (газ.); Солдат он и будь солдат (разг. речь); Взятся учить, так он и учи (разг. речь).* 2) *Трудно дело птицелова: Заучи повадки птички, Помни время перелетов, Разным посвистом свисти (Багр.); Ах, как сложны и запутаны в этой жизни пути и дороги! Почти как в тайге. Идешь и все время примечай, где идешь; думай и о пройденном и о предстоящем пути, соотноси свое движение с течением времени... рассчитывай силы, чтоб не изнурить себя (Марк.).* 3) *И бурим тут, и роем, и всюду тут новости. Почему же с лесным урожаем, где наклонись и возьми, никаких новостей?»* [Шведова, 1980 б, с. 118].

«§ 1951. Форма долженств. накл. обычно связана противопоставлением или сопоставлением с предшествующим текстом, и эти связи передаются и варьируются интонацией: *Все уш³ли, / а я сиди до¹ма; Он учит³ель, / он и объясни*. Эти связи могут быть усилены дополнительным синтагматическим членением и заменой ИК-1 на ИК-2 или ИК-4: *Все уш³ли, / а я / сиди до²ма; Он учи³тель, / он и объ⁴сни*. В тех предложениях, в которых противопоставляются действия или события, несовместимые с точки зрения говорящего, средствами интонации разграничиваются констатация этого несоответствия (ИК-1 в конечной синтагме) и несогласие (ИК-3 в конечной синтагме); ср.: *Кто-то напу³тал, / а мы распу¹тывай* и: *Кто-то напу⁴тал, / а мы распу³тывай?»* [Брызгунова, 1980 б, с. 119–120].

Распространение простого предложения **Распространение предложения включением обращения**

«§ 2059. Основная функция обращения – название того, к кому направлена речь – очень часто сочетается с экспрессивной оценкой, с выражением субъективного отношения говорящего (пишущего)» [Шведова, 1980 в, с. 164].

Порядок слов **Порядок слов в прозаической речи** **Коммуникативные функции порядка слов.** **Актуальное членение предложения**

«§ 2129. В зависимости от коммуникативной задачи, которую ставит перед собой говорящий, одно и то же предложение может приобретать разный смысл. Коммуникативная задача – это стремление говорящего подчеркнуть тот аспект содержания предложения, который является важным, существенным в данном контексте или в данной речевой ситуации. Например, в предложении *Брат купил книгу* коммуникативной задачей может быть сообщение о том, что сделал брат (*к у п и л книгу*). Смысл этого предложения может измениться, если говорящий поставит перед собой другую коммуникативную задачу – сообщить о том, что купил брат: *Брат купил к н и г у*» [Ковтунова, 1980 а, с. 190].

Некоторые черты порядка слов в разговорной речи

«§ 2171. Для разговорной речи характерна тенденция к начальному положению ремы, всегда выделяемой интонационно; в этом проявляется стремление говорящего начать высказывание с наиболее важного компонента: *Не любит она этих своих животных; Пришел Коля; Хороший он человек; Я не умею, нет! Аня умеет играть; Что надо делать? Слова убедительные надо найти; Домой не пришел, у друзей остался ночевать*» [Ковтунова, 1980 а, с. 208].

Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений

«§ 2190. Термин “модальность” в языкознании многозначен: им называются разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности. (...) К модальным значениям относятся также все те значения, в которых заключено отношение говорящего к тому, о чем он сообщает. (...). Это – субъективные значения. Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению» [Шведова, 1980 в, с. 214].

«§ 2191. Одна и та же действительность говорящим может быть представлена как такая, которая вызывает разное его эмоциональное отношение, с разных сторон оценивается. Эта действительность в сообщении может получать те или иные эмоциональные или рациональные характеристики; она может сопоставляться, соотноситься с чем-л. или чему-л. противопоставляться; отдельные части сообщения могут подчеркиваться, выделяться. Так, например, к сообщению, заключенному в предложении *Дождь, говорящий* субъективно может относиться очень по-разному: он может быть уверен или не уверен в истинности этого сообщения; отыскивать или определять его источник; специально в нем что-н. подчеркивать или оценивать; мысленно соотносить это сообщение с каким-то другим фактом или событием; ср.: *Дождь!* и: *Кажется, дождь; Ну конечно, дождь; Вроде бы дождь; Дождь и есть;*

Уговаривают переждать: дождь, мол; Ну и дождь! Уж и дождь! Дождь и дождь...; Дождь не дождь (а идти нужно); Дождь-то дождь (но тепло). Аналогично: Побывать там интересно и: Побывать там, кажется (конечно, разумеется, как будто бы, действительно), интересно; Побывать там, я слышал, интересно; Побывать-то там интересно; Ведь интересно же там побывать; Вот там побывать, действительно, интересно; Интересно-то оно интересно там побывать (да дорога трудная); Вот уж интересно там побывать так действительно интересно; Вот там так правда интересно побывать; Это там-то, по-твоему, интересно побывать?! Как видно из примеров, различное субъективное отношение имеет в языке разные специальные средства своего выражения.

Субъективно-модальные значения чрезвычайно разнообразны. Их самая общая, первичная группировка основывается на противопоставлении значений оценочно-характеризующих и собственно оценочных.

К оценочно-характеризующим значениям относятся значения, совмещающие в себе выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться несубъективной, вытекающей из самого факта, события, из его качеств, свойств, из характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами или событиями. (...). Так, например, в предложении *Вот так дождь!* или *Вот это дождь так дождь!* субъективная оценка явления соединяется с характеристикой его как интенсивного; в предложении *Дождь и дождь...* характеристика явления как длительного и непрерывного соединяется с субъективной оценкой этого качества со стороны говорящего (неудовольствие, досада); в предложении *Дождь не дождь (– едем)* говорящий характеризует явление как такое, которое не оказывает влияния на другой факт, ситуацию, и одновременно противопоставляет его этой другой ситуации; в предложениях *Знай твердит свое; Идёт себе* соединены характеристика действия как совершаемого независимо от чего-л., несмотря на что-л. или вопреки чему-н. и субъективное представление действия как производимого упорно, настойчиво. Таким образом, во всех подобных случаях обнаруживаются сложные объек-

тивно-субъективные значения, соединяющие в себе характеристику сообщаемого, отвлекаемую от него самого (т.е., с позиций говорящего, определяемую извне), и выражение отношения к этой характеристике: характеристика сообщаемого по его собственным признакам оказывается неотделимой от субъективного к ним отношения. Вследствие этого объективность самих этих идущих извне признаков предстает в свете субъективного их осмысления и оказывается сочлененной с этим осмыслением. Например, в обмене репликами: – *Куда же ты пропал? Жду-жду тебя, жду-жду!* – *Но ты же ждешь меня всего несколько минут!* первый говорящий представляет длительным такое действие, которое объективно длительным не является. В предложении *Ну и дождь!* говорящий характеризует явление как интенсивно осуществляющееся; однако это же явление может получить и другую квалификацию; сравним: – *Ну и дождь!* – *Это-то, по-твоему, сильный дождь? Да это так себе дождичек.* В предложении *Ты да не справишься с этим молокососом!* говорящий характеризует собеседника как обладающего силой, способностями и т.п., противопоставляет эти его качества чьим-то другим и в то же время выражает уверенность в том, что действие совершится (ты со своей силой, способностями и т.п. обязательно справишься); однако все это утверждение в целом, со всем комплексом его значений, собеседником может быть представлено как только субъективно-оценивающее; ср. возможную реплику: *Этот молокосос гораздо сильнее (умнее, способнее и т.п.) меня.*

Собственно оценочные значения целиком лежат в сфере субъективной модальности. Это – многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие или несогласие, принятие или непринятие (уверенное, категорическое или смягченное, ослабленное – всегда, как и в перечисленных ниже значениях, в сочетании с тем или иным эмоциональным отношением); положительную или отрицательную оценку (удовлетворение, предпочтение, одобрение или неодобрение, порицание, осуждение); разные виды волеизъявления (решение, призыв, побуждение, предостережение, угроза); удивление, недоумение или непонимание; стремление уяснить или разъяснить что-л.; стремление выделить (акцентировать, подчеркнуть) что-л. в сообщении, усилить

какую-то часть заключенной в нем информации, сосредоточить внимание на чем-л.; представление чего-л. как подлинного или неподлинного, соответствующего или несоответствующего действительности.

Как уже сказано, все собственно оценочные значения и их оттенки могут сопровождать собою те значения, которые выше названы оценочно-характеризующими. (...) Поэтому весь круг перечисленных в этом параграфе значений далее рассматривается в целом и объединяется под общим названием “субъективной модальности”» [Шведова, 1980 в, с. 215-216].

Построения с вводными словами, вводными сочетаниями слов и вводными предложениями

«§ 2220. (...) Вводные слова, вводные сочетания слов и вводные предложения объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому» [Шведова, 1980 в, с. 229].

«§ 2221. (...) В отличие от слов первой группы, ориентированных на адресата речи, многие вводные слова и сочетания служат для выражения субъективного отношения, эмоциональных реакций, интеллектуальных оценок самого говорящего – радости, одобрения, положительной оценки: *на счастье, к счастью, к радости, к удовольствию кого-н., что хорошо, что еще лучше; сожаления, неодобрения, отрицательной оценки: к несчастью, к сожалению, к стыду чьему-н., к неудовольствию, к огорчению кого-н., к прискорбию чьему-н., к досаде, на беду, по несчастью, грешным делом, как на беду, как нарочно, что еще хуже, что обидно, увы; удивления, недоумения: к удивлению кого-н., к изумлению, странно, странное дело, непонятное дело, удивительно, удивительное дело; опасения: неровен час, чего доброго, не дай бог; оценки сообщаемого с точки зрения достоверности: наверное, надеюсь, думаю, полагаю, пожалуй, кажется, думается, видимо, по-видимому, вероятно, по всей вероятности, может быть, должно быть, надо полагать, как кажется, видно, как видно; без сомне-*

ния, конечно, само собой, разумеется, само собой разумеется, бесспорно, действительно; неопределенности: некоторым образом, в каком-то смысле; допущения: положим, предположим, допустим, пожалуй, возможно, если хотите» [Шведова, 1980 в, с. 230].

Интонация как средство выражения субъективно-модальных значений

«§ 2227. ИК-7 – средство выражения разнообразных оттенков субъективного отношения говорящего к высказываемому: подчеркивания качественно-характеризующих значений, отрицания, утверждения, пренебрежения, добродушной снисходительности: *Хорошо⁷ поет! Какое там кино!*» [Брызгунова, 1980 в, с. 235].

«§ 2228. В зависимости от субъективного отношения говорящего текст интонационно может члениться на разное количество синтагм: *Как вы считаете², / кому² / имеет смысл⁶ / адресовать¹ фильм? / Есть ли какие-то проблемы, которые необходимо ставить перед всей общественностью³, / перед учащимися⁶ / или перед педагогами⁶?* (телепередача). В данном отрывке каждое из предложений может быть расчленено и по-другому: *Как² вы считаете, / кому² имеет смысл адресовать фильм? / Есть³ ли какие-то проблемы, / которые необходимо ставить перед всей⁶ общественностью, / перед учащимися⁴ / или перед педагогами⁴?* Смысловые различия, выражаемые синтагматическим членением, а также изменением типа ИК и места центра ИК, совместимы в одном контексте. Выделение нейтрального варианта при этом условно. Обычно нейтральное отношение говорящего к высказываемому выражается в чередовании синтагм различной длины; так, второй из приведенных вариантов членения текста по сравнению с первым более нейтрален» [Брызгунова, 1980 в, с. 235]. «Чем короче синтагмы, тем ярче выражено субъективное отношение говорящего к высказываемому; ср.: *Когда мы готовились² / работать²/ над / Жанной д'Арк³, / я³/ придумала³ / песню Жанны и: Когда мы готовились работать над Жанной д'Арк³, / я придумала песню² Жанны» [там же].*

**Система простых предложений: грамматическое строение,
парадигмы, регулярные реализации, распространение,
семантическая структура, порядок слов**

Невопросительные предложения

Предложения, строящиеся по свободным структурным схемам

Двухкомпонентные предложения

Предложения со спрягаемой формой глагола

Подлежащно-сказуемые предложения

Порядок слов

Нераспространённые предложения

«§ 2279. (...) В конкретных условиях речи говорящий может не использовать интонационные смыслообразительные средства, отличающие расчлененные предложения от нерасчлененных» [Ковтунова, 1980 б, с. 259].

Однокомпонентные предложения

Спрягаемо-глагольный класс

Предложения типа *Стучат, Зовут*

Семантическая структура

«§ 2515. Семантика схемы – «наличие отнесенного к неопределенному субъекту действия или процессуального состояния». (...) в условиях конситуации неопределенность субъекта может сниматься и субъект может мыслиться говорящим как вполне определенный, данный (например, в сообщении о приходе того, кого ожидают: *Пришли*)» [Шведова, 1980 г, с. 357].

«§ 2516. Там же, где субъект для говорящего действительно неопределен или несуществен, а определение по месту существенно, обстоятельственный распространитель не несет в себе элемента субъектного значения и, следовательно, названные соотношения отсутствуют: *На пойменных лугах уже начали косить; В кухне чад; там весь день жарят и пекут*» [там же].

Вопросительные предложения

«§ 2591. Вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-л. Вопросительные предложения, та-

ким образом, информируют о том, что хочет узнать говорящий» [Святогор, 1980, с. 387].

Строение вопросительных предложений Вопросительные предложения, образованные на основе невопросительных предложений

«§ 2599. Частицы *разве, неужели* осложняют вопрос оттенками недоверия, неуверенности, сомнения, удивления, недоумения. Они показывают, что вопрос вызван несоответствием между представлением говорящего о чем-л. и тем, что этому представлению так или иначе противопоставляется: *Папа, разве ты не пойдешь вместе со мной?* (Дост.); *Неужели и на этот раз вам не понравился Сапожок?* (А. Н. Толст.)» [там же, с. 390].

«§ 2601. (...) Частицы *правда, не правда ли, так, так ведь, не так ли, хорошо, ладно* (прост.) употребляются в тех случаях, когда говорящий хочет привлечь внимание собеседника, либо узнать, согласен ли с ним собеседник: *Всё это странно, правда?*» [там же].

Функционально-семантические типы вопросительных предложений

«§ 2623. Первичные функции вопросительных предложений устанавливаются на основе: 1) характера и объема той информации, которая ожидается в ответе; 2) осведомленности говорящего о том, что спрашивается и 3) ожидаемого ответа. (...). 2) В зависимости от осведомленности говорящего о том, что спрашивается, вопросительные предложения делятся на три группы: а) собственно-вопросительные предложения отражают полную неосведомленность спрашивающего: *Другая дорога тут есть?*; *Цела ли еще эта яблоня?*; *Я не помешаю?*; *Я не стесню вас?*; *Кто это сделал?*; *Как вы сюда попали?*; *Спокойно ль вам, товарищи мои?* *Легко ли вам?* *И все ли вы забыли?* (Забол.); б) неопределенно-вопросительные предложения совмещают вопрос с догадкой, предположением, неуверенностью, сомнением: *Вы не меня ждете?*; *Вы как будто расстроены?*; *Она подвинулась к нему, заглянула в его лицо и тихонько спросила: “Обидели тебя?”* (Горьк.); – *Неужели старость?* – спросил он сам себя и усмехнул-

ся. – *Как будто рано* (Лавр.); в) констатирующие-вопросительные предложения совмещают вопрос с почти полной уверенностью, с утверждением: *Он влюблен в тебя, не правда ли?* (Тург.); *Значит, все-таки надежда на примирение жива?* (Катаев); *Значит, я не ошибся?*; *Ведь вы – офицер, да?*; *Ведь у тебя билет уже есть?*; *Ты не обижаешься на меня, так ведь?*» (Святогор 1980: 396). «(...) Предложения с местоименными словами, выражающие желание получить информацию о том, что вызывает беспокойство, опасение; это вопросы-раздумья или вопросы о будущем: *Чем-то он завтра меня утешит? Что-то он делает сейчас? Куда-то он теперь подался?* (Залыг.); *Где-то наш Василий Теркин?* (Твард.); *Они сделали, что было в их силах. Как-то встретит их директор? Что скажет секретарь парткома?* (газ.). Такие вопросы говорящий часто ставит перед самим собой. Ответы на них имеют характер догадок, предположений или констатации невозможности получить информацию: *Слышались смеющиеся голоса, горели большие костры, и кто-то наигрывал на дудрядке. – Что-то в Киеве? Где-то наши фронты? Далеко ли Петлюра, Деникин? – Ничего мы не знаем* (Гайдар)» [там же, с. 396–397].

«§ 2624. В своих вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, – всегда экспрессивно окрашенной. (...) Вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего: эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение, аффективное состояние: *Да вы что, смеетесь надо мной?*» [там же, с. 397].

Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации)

«§ 2631. Вопрос, в котором все неизвестные одинаково вероятны, выражается предложениями с различным синтаксическим строением и интонацией. Чаще всего это предложения с местоименными словами, указывающими на ряд неизвестных. Они обычно произносятся с ИК-2: *Как²ая у него машина?*; *Где вы вчера бы²ли?* Смысловый объем неизвестно-

го может быть очень широк: *Как²им быть стадиону?* (газ. заголовок); *Что дел²ать? Какие зад²ачи ставит конгресс?*

П р и м е ч а н и е. С такими вопросительными предложениями функционально сближаются невопросительные предложения-названия, в которых ряд неизвестных известен говорящему, но неизвестен слушающему: *Каким быть стадиону¹; Как закалялась сталь¹* (Н. Остр.)» [Брызгунова, 1980 в, с. 397].

Список литературы

Брызгунова Е.А. Интонация как средство выражения субъективно-модальных значений // Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (отв. ред.). – М: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 231-237.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 1. – С. 96–122.

Брызгунова Е.А. Простое предложение. Основные понятия // Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 96–122.

Брызгунова Е.А. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и интонации) // Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 397–401.

Ковтунова И.И. Подлежащно-сказуемые предложения. Порядок слов // Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – С. 257–269.

Ковтунова И.И. Порядок слов // Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 190–214.

Святогор И.П. Вопросительные предложения // Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 2 I. – С. 386–396.

Шведова Н.Ю. Простое предложение. Основные понятия // Русская грамматика / Шведова Н.Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 83–95.

Шведова Н.Ю. Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений // Русская грамматика / Шведова Н. Ю. (отв. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 214–231.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ. ФРАЗЕОЛОГИЯ. ОНОМАСТИКА

2020.04.022. ОПАРИНА Е.О. СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ И ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ. (Обзор).

Ключевые слова: лексикография; идеографический словарь; социальная лексика; психолингвистические словари.

Разработка методов анализа лексики непосредственно связана с совершенствованием принципов лексикографирования языковых единиц. Это относится к единицам, принадлежащим к различным группам – к словам, объединенным по тематическому (идеографическому) принципу или по их месту в системе языка, к словам и оборотам из разных подсистем и стилистических страт языка (литературная лексика, диалектная лексика, просторечная лексика) и др. При отборе лексики и ее лексикографировании необходимо также учитывать тип словаря. Некоторые аспекты лексических и лексикографических исследований рассмотрены в данном обзоре.

Социальная лексика составляет обширный пласт современного русского языка. В развиваемом в современной лингвистической науке антропоцентрическом направлении эта группа языковых единиц оказывается в центре внимания, так как они обозначают человека и различные стороны его жизнедеятельности. Социальная лексика любого языка, в том числе русского, представляет собой важнейший элемент культурной самоидентификации и лингвокультуры. По выражению А.В. Щетиной, эта группа единиц запечатлевает в языке «сведения о том, как носитель языка представляет себе русский социум и отношения в нем» [Щетина, 2018, с. 32]. А.В. Щетина разрабатывает теоретические и методологические основы идеографирования социальной лексики русского языка, включая в это понятие совокупность устойчивых языковых явлений: это лексемы, фразеологизмы и поговорки, в значении которых присутствуют семантические компоненты, указывающие на принадлежность денотата, его свойств или действий к сфере институционального или неинституционального общения. Они номинируют взаимоотношения человека и власти, человека и

социума, общества и власти, также обозначают роль человека в глобальном мире [Щетинина, 2018, с. 8].

Изучение системных отношений внутри идеографической группы социальной лексики представляет собой этап работы над «Идеографическим словарем русской социальной лексики: Государство, власть, внутренняя политика», подготавливаемым коллективом авторов. Отбор и классификация материала для словаря затруднены из-за объективной сложности материала. В монографии А.В. Щетининой проблемы и сложности, с которыми сталкиваются лексикографы, работающие над новым словарем, систематизированы и проанализированы. Намечены определенные пути решения вопросов [Щетинина, 2018].

Ключевым принципом отбора и группировки элементов словника для авторов служит принцип выделения идеограмм – понятийных и лексико-семантических признаков, объединяемых в номинативные множества, репрезентирующие тот или иной тип социальных отношений [там же, с. 11, 116].

При отборе элементов для словника участники данного проекта исходят из того, что социальные семы могут присутствовать не только в ядре денотативного значения языковой единицы (в таких случаях они очевидны), но также на периферии значения и в зоне пресуппозиции. В традиционных толковых словарях подобные семы, как правило, не зафиксированы, что обедняет представления о ресурсах языка. Авторы подготавливаемого словаря также полагают, что неправомерно исключение из идеографии имен собственных – антропонимов, топонимов, слов, обозначающих единичные исторические и культурные реалии, поскольку они часто выступают символическими знаками в культуре. При этом лексемы, обозначающие подобные явления, могут стать в русском языке полисемантами и служить базой для формирования других единиц, имеющих в своих значениях социальные семы. В идеографическом словаре такие лексемы следует включать в разные идеограммы в зависимости от специфики развившихся значений, как, например слово *орда*: 1) с семантическими признаками 'феодалный', 'государство', 'ставка'; 2) с признаками 'войско', 'полчище', 'вражеский'; 3) 'толпа' [Щетинина, 2018, с. 86].

Одна из задач авторов словаря состоит в том, чтобы усовершенствовать дефиниции, сделать их более адекватными и соответ-

ствующими времени. Примеры словоупотреблений, обнаруженных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), позволяют точнее разработать семантику социальной номинации в современном языке. Так, номинация *оригинал* в одном из лексико-семантических вариантов представлена в «Словаре русского языка» 1999 г. (под ред. А.П. Евгеньевой) как «странный, непохожий на других человек; чудака» [Щетинина, 2018, с. 102]. Однако анализ современных, и не только, словоупотреблений обнаруживает семантические признаки, указывающие на социальную значимость характеристики человека посредством данной леммы: *«Мик – большой оригинал, знаменитый не только уникальным голосом и песнями. Например, он активный борец за права рыжих, поскольку сам огненно-рыж»* (Труд-7, 2009.05.04) [там же, с. 103].

Значительную роль, как для антропологического направления современной лингвистики, так и для лексикографии имеет вопрос о включении в словари энциклопедической информации. Такой тип информации, имеющий прагматический характер, часто находится на периферии семантики, но он значим для дифференциации и лексикографического описания значений языковых единиц. Это касается также идеографического типа словарей. Например, идеограмма 'вид власти; система управления' объединяет понятия 'самодержавие' и 'царизм'. В соответствующих словарных статьях в дополнение к денотативной информации («неограниченная власть монарха, царя, императора, а также система государственного управления, основанная на такой власти») должно присутствовать упоминание о том, что эти леммы употребляются по отношению к власти монарха в России [там же, с. 111]. В ту же идеограмму входит понятие 'деспотизм', имеющее два лексических репрезентанта: 1) *деспотизм* как 'неограниченная власть, произвол' и 2) в рабовладельческих монархиях Древнего Востока: 'неограниченная власть верховного правителя, деспота; соответствующая форма правления' [Щетинина, 2018, с. 113]. В первом случае представлены только денотативные семы, во втором – также энциклопедическая информация исторического характера. Это позволяет разделить две леммы / два понятия в рамках одной идеограммы и создать более полное представление о роли данного понятия в картине действительности.

Опыт работы над психолингвистическими словарями русского языка представлен в работах [Пономаренко, 2019; Цофина, 2019]. В предлагаемых принципах описания языкового материала есть общие характеристики, несмотря на то что объектами являются разные языковые категории. Словарь оппозитивов [Пономаренко, 2019] отображает восприятие носителями русского языка тех слов, которые противопоставлены друг другу в языковом сознании. По определению А.А. Залевской, на котором основывается И.В. Пономаренко, оппозитивы – это пары слов, компоненты которых «противополагаются друг другу, хотя строгий лингвистический анализ едва ли квалифицирует их в качестве антонимов» [цит. по: Пономаренко, 2019, с. 29]. В сознании носителей языка оппозитивы не обязательно принадлежат к одной части речи. Материал для словаря получен методом интервьюирования 100 респондентов, которым было предложено найти оппозитивы к 200 наиболее частотным знаменательным словам разной частеречной принадлежности.

Фрагмент одной из предлагаемых для словаря статей приводится ниже. Цифрами представлены: частотность лексемы, общее количество интервьюируемых, количество респондентов, указавших на данный оппозитив:

БЕЛЫЙ (339.6)

Оппозиты (100 ИИ): черный 92, бесцветный 2, темный 2, красный, прозрачный, цветной 1, отказ – 0.

Обобщенное значение

1. Цвета снега, молока, мела, очень светлый

Белые облака. Белая бумага. Белый цветок. Белый халат. Белая кошка.

Оппозиты: черный 92, бесцветный 2, темный 2, красный, прозрачный, цветной 1 – по компоненту *цвета молока*.

2. Ясный, светлый (о времени суток, о свете)

Белый день (дневное время). Вышли из подземелья на белый свет. Белый, холодный свет луны.

Оппозиты не выявлены.

3. Принадлежащий к европеоидной расе, светлокожий (обычно в противопоставлении цветному населению)

Похищение белых женщин туземцами. Белые мореплаватели.

Оппозиты не выявлены.

4. Действующий или направленный против советской власти, контрреволюционный

Белая армия. Белая гвардия. Белый террор.

Оппозит: красный 1 (по компоненту *советская власть*)... [Пономаренко, 2019, с. 31]. Далее подобным же образом представлены значения:

5. Чистый (оппозиты не выявлены); 6. Шашки и шахматные фигуры светлого цвета в отличие от черных (оппозит *черный* 92, по компоненту *шахматные фигуры*) [там же]. Статья завершается репрезентацией индекса оппозитивной яркости лексемы, который определяется отношением общего количества полученных оппозитивных реакций к общему количеству респондентов (в данной статье $100 / 100 = 1,00$), и индекса оппозитивности значений, который определяется через отношение количества значений слова, получивших оппозитивные реакции, к общему количеству значений слова ($3 / 6 = 0,50\%$) [там же, с. 30].

Отдельный класс лексических единиц представляют собой междометия. Принципы структуры словарной статьи для данного психолингвистического словаря в настоящее время обсуждаются, рассматриваются различные варианты [Цофина, 2019, с. 57]. Ю.А. Цофина предлагает образец статьи на примере междометия *браво*. Структура статьи основывается на данных эксперимента, в котором приняли участие 112 человек разного возраста.

БРАВО, межд., с устойч. знач.

1. Презрительный (0,54) сарказм (0,62)

Пример: – Bravo!... – Вера качнулась на стуле и презрительно хлопнула в ладони несколько раз.

Лексический маркер: *презрительно хлопнула в ладони несколько раз*

Сила высказывания: *сильно* (0,33) с тенденцией к *не слабо и не сильно* (0,25)

Пунктуационный маркер: *!...*

Оценка высказывания: *плохо* (0,40)

Единичные реакции: *возмущение* (0,07), *ирония* (0,01)

СИЯ: 1,16

2. Восхищение (0,18) одобрение (0,96)

Пример: Когда я закончил, Татьяна одобрительно кивнула. – Bravo. Вы показали себя настоящим героем.

Лексические маркеры: *одобрительно кивнула, браво*

Сила высказывания: *не слабо и не сильно* (0,32)

Пунктуационный маркер:

Оценка высказывания: *хорошо* (0,57)

Единичные реакции: *насмешка* (0,01), *сарказм* (0,01), *похвала личным качествам* (0,01)

СИЯ: 1,14 [Цофина, 2019, с. 58]. Далее подобным образом представлены другие значения междометия *браво*: **3. Восхищение, похвала игре артистов** и **4. Саркастично – насмешливая похвала**.

Таким образом, значения междометия описываются как совокупность сем с определенным индексом яркости (данные в скобках, полужирным шрифтом), который вычисляется, согласно теории И.А. Стернина и А.В. Рудаковой, «как отношение совокупности ассоциаций, объективирующих данную сему, к общему числу испытуемых» [цит. по: Цофина, 2019, с. 57]. Зоны «сила высказывания» и «оценка высказывания» выражают интенсивность и оценочный знак эмоции – элементы, ключевые для описываемой части речи. Представлен также СИЯ – совокупный индекс яркости значений, который определяется как «сумма яркости всех семантических компонентов каждого значения» [там же, с. 58], что позволяет расположить значения слова в соответствии с яркостью их репрезентации в сознании носителя языка.

Список литературы

Пономаренко И.В. Опыт составления психолингвистического словаря оппозитивов // Семантико-когнитивные исследования / под ред. Стернина И.А. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – С. 29–33.

Цофина Ю.А. Структура словарной статьи в психолингвистическом словаре (На материале лексикографической презентации междометий русского языка) // Семантико-когнитивные исследования / под ред. Стернина И.А. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – С. 57–59.

Щетинина А.В. Теоретико-методологические основы идеографирования социальной лексики. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – 180 с.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ И ЗАГЛАВИЙ РАБОТ, ОПИСАННЫХ НЕ НА АВТОРА¹

Водак Р. 04.017	Майорова Е.В. 04.011
Германова Н.Н. 04.005	Моделирование в корпусной лингвистике: Специализированные корпусы русского языка 04.010
Доминирующие теории в лингвистике XXI века: Интерпретирующий подход в новых парадигмах 04.001	Опарина Е.О. 04.015, 04.018, 04.022
Дошлыгина А.В. 04.020	Понимание и недопонимание.
Европейский парламентский дискурс: Прологомены к теории политической речевой интеракции.	Имплицитность и экспликация.
Прагмалингвистические очерки 04.014	Когнитивный диссонанс и гармонизация общения 04.002
Иванова М.Э. 04.004	Потапов В.В. 04.003
Испанский язык в современном мире 04.006	Рейндорф М. 04.017
Круглый стол «Лингвистика и “нелингвистика”» 04.012	Семина Т.А. 04.008
Крылов С.А. 04.021	Сотирова В.В. 04.016
Лингвистический анализатор: Преобразование текста в метаязыковую структуру данных 04.009	Трошина Н.Н. 04.019
	Чен Д. 04.007
	Язык и право: Актуальные проблемы взаимодействия 04.013
	Chen D. 04.007
	Rheindorf M. 04.017
	Wodak R. 04.017

Составитель: *Л.П. Комалова*

¹ В номерах рефератов алфавитного и предметного указателей год издания РЖ (2020) опущен.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (№ 1–4)

- Автоматическая классификация документов 04.008
Автоматический анализ речи 03.019
Автоматический анализ текста 02.023, 04.008, 04.009, 04.011
Адекватность перевода 03.031
Акустическая фонетика 01.020, 02.008, 04.003
Акцентно-интонационная система 03.023
Английский язык 02.023
– неологизмы 03.016
– синтаксис 04.020
– социолингвистические исследования 01.011, 04.005
– стилистика 01.015
– фонетика 01.020
– фразеология 01.021
Андерсен Г.Х.
– переводы 01.008
Аннотирование 03.018, 03.019
Артикуляторная фонетика 03.014, 03.021, 04.003
Ассоциативный эксперимент 01.004, 02.004, 02.005
- Балканский языковой союз 02.020
Библия
– переводы 03.029, 03.030, 03.031
Билингвизм 01.005, 01.011, 02.006, 02.019
Булгаков М.А.
– переводы 01.009
- Былины русские 03.003
- Вариантность 01.011, 04.005
Вводные слова и выражения 04.021
Вежливости форма 03.028
Внутренний перевод 01.007
Вопросительное предложение 04.021
Восприятие речи 02.016, 04.003, 04.004
Восприятие текста 02.003, 02.012, 02.013
- Гендерные исследования 01.020, 03.009
Герменевтика 01.009, 01.010
Гибридный текст 04.018
Гипертекст 02.013, 03.015
Глобализация и язык 03.008, 04.005
Говорящий 01.002, 03.007, 04.021
Голландский язык
– памятники 03.001
- Детская речь 01.004, 04.003
Диахрония 02.010
Дискурс 01.004, 01.012, 01.013, 02.005, 02.010, 02.011, 02.013, 04.014, 04.017, 04.018
Дискурс политический 02.005
Дискурсивный анализ 02.001
- Жанры 01.013, 04.015, 04.017, 04.018

- Житийная литература и фольклор
02.014
- Заимствование 02.019
- Знак 01.001
- Знание научное 04.012
- Значение лексическое 04.022
- Идентичность культурная 03.016
- Идентичность этническая 02.004
- Идиоматика 02.018
- Имплицитность 04.002
- Инакость 01.012
- Инкорпорация 01.014
- Иностранные языки
– преподавание в высшей школе
03.012
– психология овладения 03.011
- Интенция 04.013
- Интернет 02.015
– язык и стиль 01.022, 02.005, 04.018
- Интерпретация литературного произведения 02.005, 02.013
- Интерпретация текста 04.002
- Интертекстуальность 02.013
- Интерференция 01.005, 03.011, 03.013
- Интонация 04.021
- Инференция текста 02.002
- Информационная структура текста
02.002, 02.012
- Информация 03.024
- Иранские языки 02.020
- Испанский язык
– социолингвистические исследования 04.006, 04.007
- Историческая семантика 03.002
- Итальянский язык
– грамматика историческая 02.021
- Картина мира художественная
03.015
- Картина мира этническая 02.004
- Картина мира языковая 01.003,
- 01.014, 01.017, 01.018, 02.005,
02.013, 02.017, 03.002, 04.001
- Каталанский язык
– социолингвистические исследования 01.005, 02.022
- Кинг С.
– язык и стиль 03.005
- Кинесика 02.016
- Классификация языков 01.002
- Клише 04.020
- Книги старопечатные 03.001
- Когнитивная лингвистика 01.012,
01.014, 02.002, 02.011, 03.006,
03.011, 04.001, 04.002
- Когнитивная психология 01.018
- Когнитивный диссонанс 04.002
- Код и сообщение 01.001
- Комикс 03.004
- Коммуникативная стратегия 01.017,
02.011, 03.007, 04.013, 04.021
- Коммуникативный подход 01.012
- Коммуникация межкультурная
01.007, 01.008, 01.017, 03.010
- Компрессия текста 01.021
- Компьютерная лингвистика 02.015
- Коннотация 03.025
- Контаминация 01.022
- Контекст 02.013
- Контрастивный анализ 02.020
- Концепт 01.014, 01.015, 01.016,
02.019, 03.002, 03.003, 04.001
- Корпоративная культура 02.011
- Корпусная лингвистика 01.020,
02.010, 02.015, 02.023, 03.018,
04.010
- Креативность в языке 04.020
- Культура 01.016
- Культура речи 02.017, 04.019
- Культурные связи 03.010
- Лакуна 01.010
- Лексикализация 01.014
- Лексикология историческая 03.003

- Лексическая семантика 03.024,
03.025, 03.026
Летописи русские 03.002
Лингвистическая экспертиза 04.013
Лингвистические категории 03.006
Лингвокультурология 01.016,
01.017, 02.019, 04.012
Лингвоэкология 04.019
Литература и фольклор 02.014
- Математическая лингвистика 04.001
Метатекст 03.020
Метафора 01.015, 03.005, 03.006
Миграция населения
– Германия фед. респ. 03.026
Многоязычие 03.011
Модальность 04.021
Моделирование 04.010
Мультикультурализм 01.005
- Наклонение 04.021
Нарратология 02.001
Научная информация 02.003
Научная парадигма 02.001
Национальная культура 01.007,
01.008, 01.017
– Эквадор 04.006
Нейрофизиология 02.016
Немецкий язык
– лексикология 03.026
– разговорная речь 03.004
– социолингвистические
исследования 02.007
Немецкий язык (австрийский)
04.017
Неологизмы 01.022, 04.020
Новиков А.И. 02.002
Номинация 01.022
- Обращение 02.006
Одушевленность 03.022
Окказионализмы 01.022
Оппозиция 01.012
Оценка 03.025
- Паралингвистика 01.017
Паремиология 01.013, 01.021
Перевод 01.007, 03.031
Переводчик 01.006
Переключение кода 02.006, 02.016
Поговорки и пословицы русские
02.014
Полевая лингвистика 01.002
Польский язык
– социолингвистические
исследования 03.008
Понимание 03.007
Понимание текста 02.002, 02.005,
03.015, 04.002
Понятие 01.001, 01.003, 02.003,
04.001
Порядок слов 04.021
Прагмалингвистика 03.004
Прагматика 04.014
Праздники 02.003
Префиксальное словообразование
03.017
Произношение 03.013
Просодика 01.019, 02.008, 03.013
Простое предложение 04.021
Психолингвистика развития 01.004
Психолингвистический
эксперимент 01.004, 02.004
Психология творчества 03.020
Психология текста 02.003
Психосоциолингвистика 04.016
Пуризм 02.001
- Распознавание речи 03.014, 03.019
Региональная культура
– Оренбургская обл. 02.017
Реклама
– язык и стиль 02.009, 02.012
Репрезентация 02.003
Речевая агрессия 04.013
Речевая коммуникация 04.016
Речевое поведение 02.006, 04.013
Речевые акты 01.017
Рильке Р.М.

- переводы 01.010
- Ритм 01.019, 01.020
- Рукописи немецкие 03.001
- Русская поэзия 03.020
- Русский язык
 - гидронимика 01.023
 - диалектология 03.027
 - интонация 01.019
 - лексикография 04.022
 - лексикология 03.017, 03.024
 - неологизмы 03.020
 - памятники 03.002
 - синтаксис 04.021
 - словообразование 01.022
 - социолингвистические исследования 03.010, 04.019
 - стилистика 01.015
 - ударение 01.019
- Сегментация речи 03.021
- Семантический анализ текста 03.015
- Семантического дифференциала метод 01.004
- Семантическое изменение 03.025
- Семантическое словообразование 03.022
- Семиозис 01.001
- Семиотика искусства 01.001
- Семиотика культуры 01.001, 02.013
- Семиотический метод 01.001
- Сигнификация 01.001
- Синтаксис семантический 03.023
- Славянские языки 02.020
 - грамматика 03.028
- Словари 04.022
- Слушающий 01.002
- Смеховая культура в Интернете 02.014
- Смысл 02.002, 03.007, 04.002
- Социальная дифференциация языка 02.011, 03.009, 04.005
- Социальные диалекты 01.008
- Социальные функции языка 03.009
- Социокультурная компетенция 01.006
- Социолингвистика
 - методы исследования 03.009
- Спектрографический анализ 03.014
- Спонтанная речь 01.013
- Сравнение 03.005
- Сравнительно-исторический метод 02.020
- Стилистика 02.018
- Стилистика текста 02.013
- Стихотворная речь 03.020
- Суффиксация 03.022
- Творчество 01.016
- Текст 02.002
- Темп речи 04.004
- Теория кодов Бернштейна 04.005
- Терминология 02.019
- Тональность (сентимент-анализ) 04.008, 04.011
- Топонимика
 - Оренбургская обл. 02.017
- Тоталитаризм 02.001
- Транспозиция 01.008
- Ударение 01.020
- Урду язык 02.023
- Устная речь 03.007
- Философия языка 01.002, 01.003, 01.012, 03.006
- Фокус 02.008
- Фольклорные жанры 02.014
- Фразеологическая единица 01.018
- Фразеология 02.018
- Фразовое ударение 03.023
- Французский язык
 - лексикология 03.026
- Фреймовая семантика 01.014, 01.015
- Фрустрация 04.013
- Функции языка 01.003
- Функциональные стили 04.015

- Христианская литература
средневековая 03.001
Художественный перевод 01.006,
01.008, 01.009, 01.010
- Цветобозначения 02.005
Цивилизация 01.016
- Частота основного тона 01.020,
02.008, 03.014
Частушки русские 02.014
- Эвфемизмы 01.013
Эквивалентность 03.031
Эколингвистика 02.019
Экспериментальная
нейролингвистика 02.016
Экспериментальная психосемантика
03.007
Экспериментальная фонетика
01.020, 02.008, 03.013, 03.021,
04.003, 04.004
Эллипсис 02.023
Эмоционально-экспрессивные
средства 04.015, 04.019
Эпическая поэзия исландская 03.003
Этнопсихоллингвистика 01.018,
02.004
Этносоциоллингвистика 01.005,
04.006
- Язык 01.003
Язык и культура 01.016, 02.012
Язык и общество 03.026, 04.016,
04.019
Язык и политика 01.013, 01.015,
02.001, 02.006, 04.013, 04.014
Язык и право 04.013
- Язык науки 01.013
Язык политики 03.016
Язык поэзии 04.018
Язык религии 03.029, 03.030
Язык средств массовой информации
01.013, 01.015, 02.009, 04.015
Языковая игра 02.009, 03.005
Языковая компетенция 02.018,
04.019
Языковая конфликтность 02.006
Языковая личность 01.016, 01.018,
03.016
Языковая норма 02.009
Языковая политика
– Германия фед. респ. 02.007
– Испания 04.007
– Сингапур 03.010
Языковая система 03.006
Языковая ситуация
– Испания 02.022
– Мексика 02.022
– латиноамериканские страны
03.010
– США 01.005
Языковое сознание 01.018, 02.004
Языковые единицы 01.002
Языковые контакты 01.011, 02.006,
03.008, 03.010, 03.011
Языкознание
– история 01.002
– методология 04.001, 04.012
Языкознание в тоталитарном
обществе 02.001
Языкознание и философия 04.001
Японский язык
– социоллингвистические
исследования 02.006

Составитель: *Л.А. Перевезенцева*

Уважаемые читатели!

В настоящее время вышли в свет:

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Культурологии; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – Москва, 2020. – № 1 (41): **Гетеротопии и семантика культурного ландшафта: проблемы визуализации = Heterotopy and semiotics of cultural landscape** / отв. ред. номера Кулешова О.В.; вып. ред. номера Лавренова О.А. – 230 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.01.00. – URL: <https://human-inion.org/issue.php?id=58>

Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты = Human being: Image and essence. Humanitarian aspects: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. Языкознания; ред. кол.: Скворцов Л.В. (гл. ред.) и др. – Москва, 2020. – № 2 (42): **Дискурсы, конституирующие жизнь = Discourses that frame life** / отв. ред. номера Комалова Л.Р., Нагорная А.В. – 121 с. – DOI: 10.31249/chel/2020.02.00. – URL: <http://human-inion.org/issue.php?id=59>

Исследуется вопрос о том, как дискурсивные практики отражают различные жизненные ситуации и конструируют человеческие отношения в межличностной коммуникации, в организационно-деятельностной среде, а также анализируются дискурсивные модели межличностного взаимодействия, закрепленные в культуре и социальной практике. Для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

Этнопсихолингвистика = Ethnopsycholinguistics: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; ред. кол.: Пищальникова В.А. (гл. ред.) и др.; отв. ред. Комалова Л.Р. – Москва, 2019. – № 2. – DOI: 10.31249/epl/2019.02.00. – URL: <http://epl-inion.org/issue.php?id=2>

Публикуются статьи и аналитические обзоры, отражающие специфику языкового бытия человека и этноса, особенностей эт-

нической картины мира. Рассматривается национально-культурная вариантность в речевых операциях, речевых действиях и целостных актах речевой деятельности. Анализируется когнитивное использование языка и функционально эквивалентных ему других знаковых систем. Описываются механизмы организации внешних и внутренних процессов речевой коммуникации, процедуры анализа культурно детерминированной семантики и национальных особенностей коммуникации, перцептивные и когнитивные эталоны. Для широкого круга специалистов в области социального и гуманитарного знания.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Реферативный журнал

Серия 6

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020 № 4

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Л.Н. Казиминова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 20.07.2020

Формат 60×84/16

Печать офсетная

Усл. печ. л. 12,5

Тираж 300 экз.

(1–150 экз. – 1-й завод)

Бум. офсетная № 1

Цена свободная

Уч.-изд. л. 10,3

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Нахимовский просп., д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У